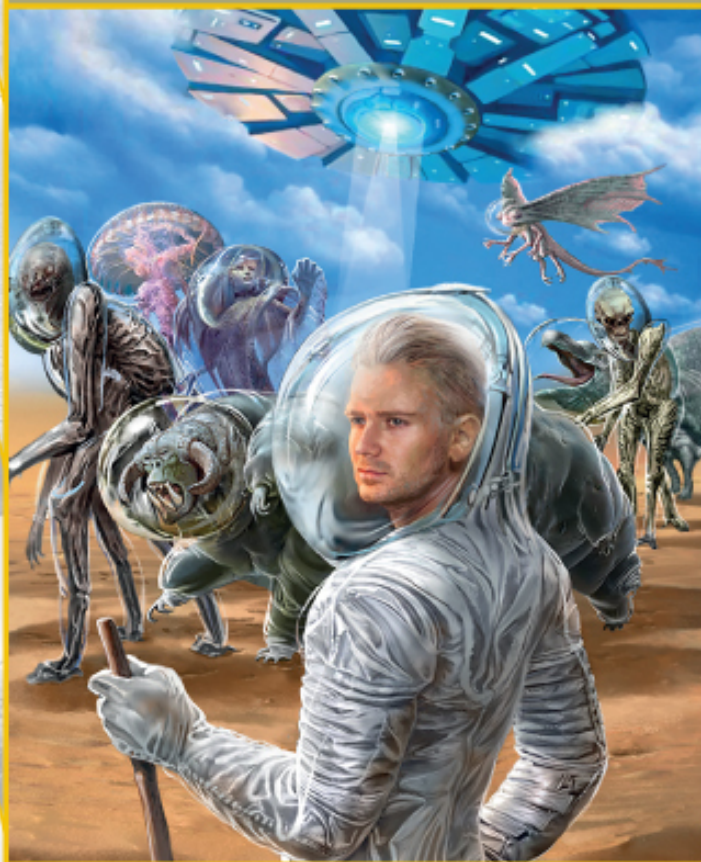

**ФРИЦ
ЛЕЙБЕР**

**Корабль
ОТПЛЫВАЕТ
В ПОЛНОЧЬ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Фриц Лейбер

Корабль отплывает в полночь

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лейбер Ф. Р.

Корабль отплывает в полночь / Ф. Р. Лейбер — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-18870-9

Будущий грандмастер фантастики Фриц Ройтер Лейбер-младший родился в семье актеров – эмигрантов из Германии, вырос в театральной среде, получил образование по специальностям «психолог» и «физиолог», примерил на себя несколько профессий и, на радость любителям высокой прозы, остановился на литературе, с первых же публикаций сделавшись популярным писателем, а по итогам своего творчества – одной из самых ярких звезд «Золотого века» фантастики. Кроме «Саги о Фафхрде и Сером Мышелове», прославившей его как создателя героической фэнтези, и других известных крупных произведений, он написал немало столь же ярких повестей и рассказов, где ирония подчас причудливо сплетается с хоррором, научное прекрасно уживается с абсурдным, а изощренный психологизм несколько не сглаживает острые сюжетные углы. Литературное наследие Лейбера удостоено шести премий «Небьюла», четырех «Хьюго», трех «Всемирных премий фэнтези» и многих других почетных наград. Большинство произведений, вошедших в этот сборник, публикуется на русском впервые или представлено в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18870-9

© Лейбер Ф. Р., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

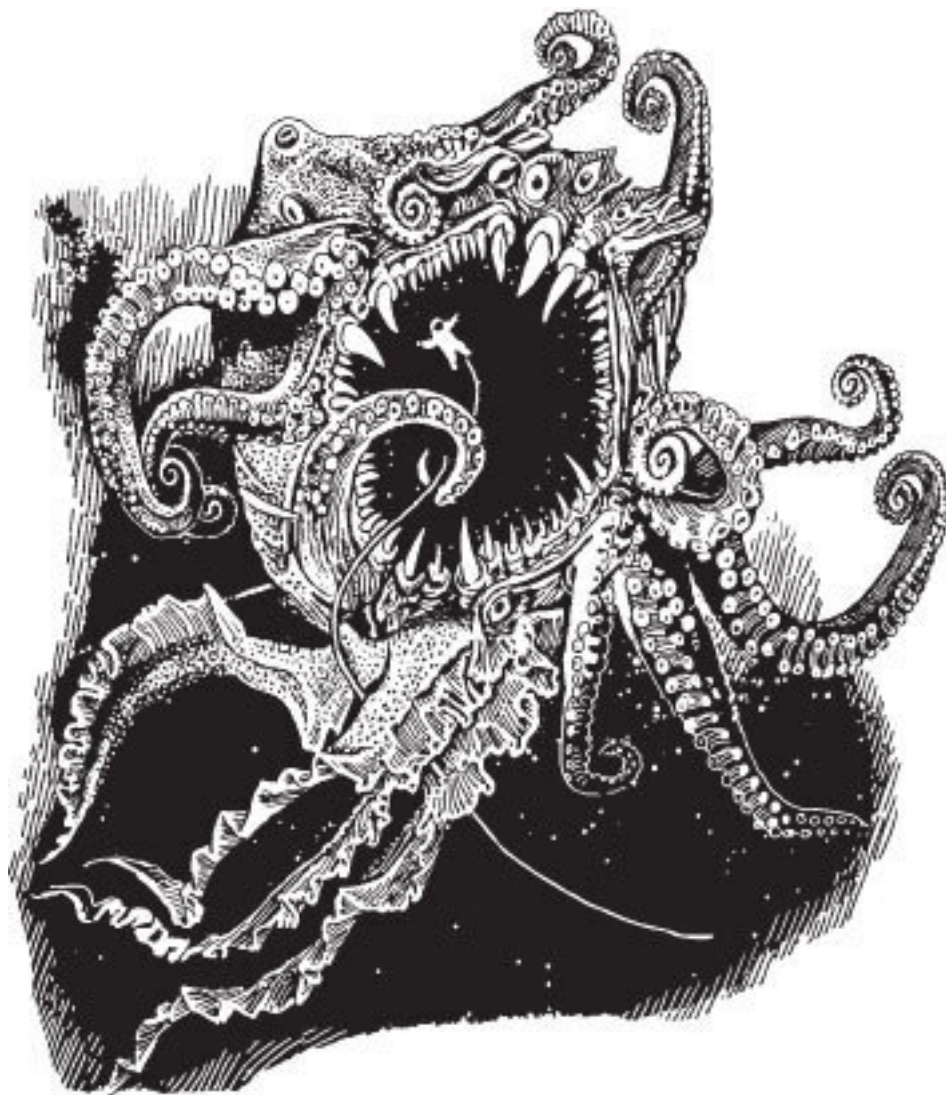
Вместо пролога	9
Брошу-ка я кости[1]	10
Корабль отплывает в полночь	25
Бизнес на крови[2]	25
Требуется неприятель[3]	36
Табу[4]	45
Дневник на снегу[5]	53
А я пойду дальше...[6]	70
Сны Альберта Морленда[7]	75
Зачарованный лес[9]	86
Лев и ягненок[10]	99
Корабль отплывает в полночь[14]	129
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Фриц Лейбер

Корабль отплывает в полночь

Fritz Leiber
THE SHIP SAILS AT MIDNIGHT
A Collection of Short Stories and Novellas
Copyright © 2020 by Fritz Leiber
All rights reserved

© В. И. Баканов, перевод, 2005
© А. Ю. Безуглый, перевод, 1992
© В. А. Вебер, перевод, 1985
© Е. М. Видре, перевод, 2020
© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2002
© Д. С. Кальницкая, перевод, 2020
© В. Л. Капустина, перевод, 2012
© К. М. Королев, перевод, 1994, 2020
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020

© Г. А. Крылов, перевод, 2020

© А. И. Лисочкин, перевод, 2004

© Н. В. Машкина, перевод, 2020

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2020

© Т. А. Савушкина, перевод, 2020

© С. А. Славгородский, перевод, 2020

© С. Б. Удалин, перевод, 2020

© А. И. Шейкина, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Вместо пролога

Брошу-ка я кости¹

От переводчика

Крепс – игра в кости, получившая широкое распространение среди военнотружущих американской армии в годы Второй мировой войны. Название игры происходит от слова «crabs» («крабы»), поскольку комбинация костей «один-один» напоминала игрокам глаза краба. Существует несколько разновидностей крепса, но для всех характерны следующие правила: играющий объявляет ставку и, когда ее принимают, бросает кости. Если в сумме выпадет семь или одиннадцать, он забирает деньги остальных игроков и вновь объявляет ставку. Если в сумме выпадет два, три или двенадцать (эта ситуация и называется «крепс»), то бросающий игрок теряет свои деньги, но продолжает игру. Если же выпадет какая-либо иная сумма, то она становится «пунктом». В этом случае игрок продолжает бросать кости до тех пор, пока не выпадет либо та же сумма, и тогда он выигрывает и продолжает игру, либо семь или одиннадцать, и тогда он теряет деньги, а право играть переходит к партнеру. Кости после броска должны лежать на столе ровно, в случае же «перекоса» бросок необходимо повторить. Стол, используемый для игры в крепс, разделен на игровую зону, куда бросают кости, и зону, где размещаются ставки игроков. В разных вариантах игры можно делать ставки не только на выигрыш или проигрыш, но и на выигрышную комбинацию, причем ставки делаются и перед броском, и после того, как объявлен «пункт».

Внезапно Джо Слатермилл осознал: надо немедленно смыться. Иначе ему крышу снесет, а с ней и крышу его хибары, заодно с тухлявыми деревянными стенами, драными обоями и облупившейся штукатуркой. Хибара и сама бы давно рассыпалась как карточный домик, если б не печь с духовками и труба в кухне.

Их каменная прочность не вызвала сомнений. В огромной топке, высотой чуть ли не в человеческий рост, а шириной вдвое больше, ревело пламя. Над топкой длинный ряд духовок с квадратными дверцами – Жена пекла на продажу пироги, очень уж скуден был семейный бюджет. Над духовками висела полка длиной во всю стену. Мать не могла до нее дотянуться, а одряхлевший Мистер Гатс уже не в силах был запрыгнуть.

На полке были расставлены семейные реликвии. Но лишь стекло, фарфор и камень сохранились в этом пекле. Все остальное так усохло и закоптилось, что смахивало на головы темнокожих карликов да на черные мячики для гольфа.

На краю полки Жена держала квадратные бутылки с джином. Над полкой старая олеография висела так высоко и была так густо покрыта жирной копотью, что оставалось только гадать, что это за глыба в окружении завитушек – кашалот, выбросивший струю воды в штормовом море, или космический корабль, летящий в вихрях звездной пыли.

Джо тихо сунул ноги в сапоги, но Мать сразу смекнула, что к чему.

– Пошел шататься, – прошамкала она осуждающе. – Тащишь из дому полные карманы семейных денег. Все ведь просадишь. Грешно!

И вновь зачавкала, обгладывая лежащий у жаркого огня скелет индейки. Правой рукой на ощупь отдирала клочья мяса, а левой была готова отразить атаку Мистера Гатса.

---

¹ Перевод Е. Видре.

Мистер Гатс, желтоглазый, с впалыми боками и дрожащим грязным хвостом, неотрывно следил за старухой. В своем засаленном платье, полосатом, как бока той индюшки, Мать казалась бурым скособоченным пнем с торчащими из него сучками-пальцами.

Стряпающая Жена – тонкая как швабра, укутанная в нечто фиолетовое, полуживая на вид – посмотрела через плечо прищуренными глазами и понимающе ухмыльнулась. Прежде чем она закрыла духовку, Джо успел заметить две длинные плоские лепешки и один высокий каравай. Жена не глядя протянула длинную костлявую руку за ближайшей бутылкой и, сделав добрый глоток джина, опять улыбнулась.

Хоть она и не произнесла ни слова, в ушах Джо словно звучал ее голос: «Ты, конечно, будешь играть, потом напьешься, переспишь со шлюхой, а утром воротишься домой, поколотишь меня и отправишься в кутузку». И он ясно вспомнил, как в прошлый раз сидел в темной вонючей камере и лунный свет озарял зеленые и желтые синяки на впалом лице. Жена пришла, чтобы шепотом позвать его через зарешеченное окошко и просунуть полпинты.

Джо знал наверняка, что в этот раз все будет так же, если не хуже, и тем не менее поднялся. В карманах глухо звякнули монеты. Он заковылял к двери, бурча:

– Брошу-ка я кости до заставы и обратно. – И потряс узловатыми руками, как бы обращая все в шутку.

Выйдя, он придержал дверь и заглянул в щелку. Когда дверь захлопнулась, Джо охватила глубокая тоска. В прежние годы Мистер Гатс не упустил бы возможности юркнуть вслед за ним и устремиться в ночную тьму на поиски драк и любовных приключений на крышах и под заборами. Но котофей давно стал домоседом – мурлычет у огня, охотится за куском индейки, воюет со шваброй, ссорится и мирится с двумя женщинами, вечно торчащими на кухне.

Сейчас Джо уходил один, под чавканье и тяжелое дыхание Матери, звон возвращаемой на полку бутылки да скрип половиц под ногами.

Над миром простиралась ночь, заполняя пространство между светящими морозным светом звездами. Казалось, некоторые из них мчатся куда-то, как белые блески космических кораблей. Огоньки лежащего внизу шахтерского городка Айронмайн будто сквозняком задуло; жители то ли заснули, то ли вовсе вымерли, а на улицах и площадях хозяйничают лишь призраки и ветер. Но Слатермилла все еще преследовал домашний запах тухлявого, изъеденного червями дерева. И когда Джо шел через лужайку перед домом и под ногами шуршала сухая трава, странное чувство овладело им – словно внутри у него уже много лет прячется нечто, что должно в один прекрасный день стереть с лица земли и дом, и всех их скопом – и его, и Жену, и Мать, и даже Мистера Гатса. Казалось чудом, что они все еще не пожраны вырвавшимся из очага пламенем.

Джо брел ссутулившись, но вовсе не к заставе. Эта разбитая дорога вела мимо Кипарисового Кладбища к Ночному Городу.

Ветерок метался, словно растревоженный воплями эльфов. За покосившейся кладбищенской оградой, смутно белеющей в свете звезд, он шелестел в кронах чахлах кипарисов, гладил их бороды из испанского мха. Джо чувствовал, что и призраки столь же беспокойны, что они мечутся, не в силах решить: то ли отправиться на поиски добычи, то ли просто скоротать эту ночь в своей печальной компании. А меж деревьев слабо мерцали красно-зеленые зловещие огоньки – не то больные светлячки, не то терпящий катастрофу космический флот. Джо еще больше затосковал; ему захотелось сойти с дороги и свернуться калачиком в любой уютной могилке или улечься в обнимку с полуразрушенным надгробием, чтобы обмануть и Жену, и всех остальных, избегнув предначертанной им общей судьбы.

«Иду размять косточки; разомнись – и спать», – подумал он.

Но пока все это крутилось у него в голове, он миновал и распахнутые перекошенные кладбищенские ворота, и шаткую изгородь, и Город Лачуг.

Поначалу Ночной Город казался таким же вымершим, как и весь Айронмайн, но внезапно Джо заметил свечение, тоже тусклое, как зловещие огоньки в роще, но более лихорадочное. Этот свет мерцал в такт скачущей музыке, еле слышной, словно муравьи играли джаз на своих танцульках.

Джо зашагал по упругому тротуару, с тоской вспоминая деньки, когда в ногах кипела энергия молодости и он бросался в бой, точно рысь или марсианский скорпион. Господи, сколько же воды утекло с тех пор, как он дрался по-настоящему или ощущал в себе силу!

Постепенно муравьиный блюз перерос в хриплый медвежий фокстрот, и вот уже грохочет слоновья полька. А слабое свечение превратилось в калейдоскоп газовых фонарей, факелов, мертвенно-голубых ртутных ламп и розовых неоновых огней, и все они издевательски подмигивали звездам и пролетающим космическим кораблям.

Наконец Джо оказался перед фальшивым трехэтажным фасадом, сверкающим дьявольской радугой и увенчанным синеватыми огнями святого Эльма. В середине была широкая дверь, из нее тоже вовсю лился свет. Над дверью золотой огонь вновь и вновь выводил слова «Зал Костей», обрамляя каракули дикими завитушками, а мрачное красное пламя раз за разом изрыгало: «Игровой дом».

Значит, новое заведение, о котором все так долго судачили, наконец-то открылось! Впервые за этот вечер Джо Слатермилл ощутил нежную щекотку возбуждения.

– Ну что ж, пораскинем кости, – пробормотал он и, слегка отряхнув зелено-голубой комбинезон, похлопал по карманам, чтобы еще раз услышать звон монет.

Затем, расправив плечи и растянув губы в дерзкой ухмылке, толкнул дверь, словно нанося прямой удар невидимому врагу.

Зал Костей оказался огромным, прямо целый городок, а стойка бара бесконечной, как железная дорога. Круги света на зеленом сукне покерных столов и дразнящий полумрак вокруг, где белоногими юными ведьмами сновали кассирши и официантки, напоминали песочные часы. Вдали у эстрады белели песочные часы поменьше – там исполняли танец живота. Игроки все как на подбор сверкали лысинами, будто полученными в награду за терпеливое ожидание нужной карты, удачной комбинации костей или попадания бильярдного шара в лузу. Все они к тому же были толстые и приземистые, как грибы, и, словно заросли алых пионов, их окружали раскрашенные шляхи. Реплики крупье и шелест раздаваемых карт слагались в мягкое, но неумолимое стаккато, соединяясь с ритмичным треском джазовых барабанов. Каждый невидимый атом здесь исполнял предназначенный ему напряженный, будоражащий танец. Даже частицы пыли отплясывали в лучах падающего света.

Джо почувствовал слабый озноб: бриз, предвещающий шторм. Он знал, что это легчайшее дуновение, захлестнув его, превратится в торнадо несокрушимой уверенности. Все мысли о доме, Жене и Матери испарились, один лишь Мистер Гатс в образе молодого мартовского кота крался по самому краю сознания и, подбирая лапы, готовился к прыжку. Его напряжение передалось Джо, и ноги налились былой силой.

Пока Джо бесстрастно изучал зал, его рука, проявив самостоятельность, сняла бокал с проплывавшего мимо, чуть дребезжа, подноса. Наконец взгляд остановился на игральном столе, который Джо мысленно назвал Главным Столом. Здесь собрались все Большие Грибы – тоже лысые, но длинноногие, как поганки. Среди них по другую сторону стола Джо увидел необычайно высокого субъекта. Он был в длинном черном плаще с поднятым воротником и в темной широкополой шляпе, надвинутой на глаза так, что издали можно было рассмотреть лишь белый треугольник лица.

Подозрение и надежда охватили Джо, и он устремился к незнакомцу, чтобы протиснуться меж Больших Грибов.

Стайка белоногих девиц с блестящими волосами рассыпалась перед ним, и чем ближе он подходил к незнакомцу, тем увереннее подтверждались подозрения и крепла надежда. На одном конце стола сидел необъятных размеров толстяк с длинной сигарой и в серебристой жилетке, а галстук был заколот золотой булавкой в восемь дюймов длиной, жирная гравировка на которой недвусмысленно сообщала: «Мистер Костинс». У другого конца стола красовалась совершенно обнаженная девица – кассирша с лотком, наполненным поблескивающими башенками золотых монет и черными как ночь фишками. К тому же лоток служил одновременно и ложем для ее пышной груди. А единственным предметом туалета девицы, разносившей кости (еще более тощей, высокой и долгорукой, чем его собственная Жена), была пара длинных белых перчаток. Разносчица была вполне привлекательна, но, что называется, на любителя: кости, обтянутые бледной кожей, и груди как лимончики.

У каждого игрока был круглый столик для фишек. Столик недалеко от незнакомца был свободен. Щелчком пальцев подозвав ближайшую девицу-кассиршу, Джо превратил все свои засаленные доллары в светлые фишки и уцепился за левый сосок – на счастье. Она игриво оскалилась, как бы намереваясь куснуть его за пальцы.

Не торопясь, но и не медля, он приблизился, небрежно бросил кучку своих дешевых фишек на пустой столик и занял место у прохода. Кости кидал Большой Гриб, сидящий через одного игрока от Джо. Скоро кости будут у Джо. Сердце на мгновение замерло. Потом он медленно поднял глаза и посмотрел прямо через стол, туда, где сидел высокий человек.

Плащ незнакомца возвышался изысканной мерцающей колонной из черного атласа, ага-товые пуговицы поблескивали, поднятый воротник из тусклого тонкого плюша своей чернотой мог соперничать с мраком подземелья, как и широкая шляпа с опущенными полями и узкой тесемкой из конского волоса. Длинные атласные колонны поменьше, рукава, венчали изящные, с длинными пальцами кисти. Руки время от времени совершали молниеносное движение, а потом снова застывали в скульптурной неподвижности.

Джо по-прежнему не мог как следует разглядеть лица незнакомца. Он видел лишь брови, похожие на кусочки тесьмы от шляпы, впалые аристократические щеки и тонкий, но несколько приплюснутый нос. Лоб сухой, ни капельки пота. Лицо не мертвенно-белое, как показалось издали. Оно чуть отдавало желтизной, как тронутая временем слоновая кость или мыльный камень с Венеры. Бросив взгляд на его руки еще раз, Джо убедился, что они того же оттенка.

За спиной у человека в черном толпилась шумная расфранченная публика. Джо в жизни не видал такой наглой своры.

Стоило лишь кинуть взгляд – и становилось ясно, что у каждого щеголяющего бриллиантами, напмаженного негодяя припрятана пушка под цветастым жилетом и кастет в заднем кармане, а каждая змееподобная профурсетка носит стилет в подвязке и серебряный дерринджер с перламутровой рукояткой за осыпанным блестками шелком пышного лифа.

Но Джо не сомневался, что они могут лишь пускать пыль в глаза, а вот их хозяин (которым, конечно, является джентльмен в черном) по-настоящему опасен. Ему человека убить – что муху прищипнуть. Попробуй кто без спросу пальцем коснуться края его одежды, пусть даже случайно, – возмездие последует незамедлительно: или нож в живот, или пуля в лоб. А может, само прикосновение смертельно, – кажется, вся черная ткань заряжена электричеством, словно от трения о слоновую кость.

Если у Джо и было искушение удостовериться в этом, то оно исчезло, стоило еще раз взглянуть на незнакомца.

Ибо красноречивее всего были его глаза. У всех знаменитых игроков глаза темные, глубоко посаженные. Но у незнакомца они прямо-таки провалились в глазницы. Они были воплощением непроницаемости. Они были бездонны. Две черные дыры.

Джо изрядно струхнул, но куража не потерял. Напротив, он даже исполнился воодушевления. Ведь первое подозрение полностью подтвердилось, и цветок надежды расцвел в его душе.

Ибо это, по-видимому, один из тех настоящих игроков, которые лишь изредка удостоивают Айронмайн своим посещением. Быть может, не чаще чем раз в десятилетие. Они приплывают сюда на пароходах из Большого Города. Словно роскошные кометы, бороздят эти суда темную водную гладь, а за ними тянутся длинные хвосты искр, вылетающих из высоких, как секвойи, труб. Иногда пароходы казались Джо космическими лайнерами, а их иллюминаторы – шеренгами светящихся астероидов.

А может, и впрямь некоторые мастера прилетали с других планет, где ночная жизнь жарче, а игра – непрерывная горячка риска и наслаждений.

Ну конечно, напротив сидит тот самый игрок, в единоборстве с которым Джо всегда мечтал испытать свое умение. И он почувствовал, как приливающая энергия чуть запульсировала в пальцах.

Взгляд заскользил по игорному столу. Словно гроб великана, стоял перед Джо этот стол – огромный, с высокими бортиками и обитый, вопреки обыкновению, черным, а не зеленым сукном.

Стол тревожил смутными воспоминаниями, и темная поверхность мерцала, будто кто-то бросил на нее горсть крошечных алмазов. Взгляд провалился в эту мглу, и Джо внезапно ощутил себя стоящим над колодцем, что пронизывает планету насквозь. Алмазные блески превратились в звезды, какими те виделись Джо из глубины шахты, где он вкалывал, – виделись даже тогда, когда на поверхности Земли царил день.

И его поразила безумная мысль, что какой-нибудь проигравшийся дотла бедолага может очертя голову ринуться в эту бездну, совершить свой Большой Прыжок. Но он будет вечно падать, так и не достигая желанного предела, каков бы ни был этот предел – геенна огненная или черная дыра.

Мысли смешались, в глазах потемнело, и страх холодными пальцами стиснул сердце. Рядом кто-то монотонно приговаривал:

– Ну давай, давай, десяточка, давай же!

Тут кости, которые уже перешли к Большому Грибу, соседу слева, застыли у середины стола, разрушая жутковатое видение. Но стоило Джо лишь взглянуть на них, как снова стало не по себе.

На больших желтовато-белых, будто из слоновой кости выточенных, с чрезмерно закругленными краями кубиках рубинами светились кроваво-красные точки. Их рисунки напоминали черепа. У двойки (а она выпала на одной из костей) точки стояли не наискосок, а вместе и были чуть сдвинуты от центра, наподобие глаз. На другой кости выпала пятерка. Кроме двух глаз, у нее к тому же красовался нос, а под ним два алых зуба. Большой Гриб проиграл – выпало семь, и он недобрал три очка до желанной десятки.

Длинная тонкая рука в белой перчатке коброй скользнула по сукну, и девица-крупье, подхватив кости, выложила их на край стола перед Джо. Сделав глубокий вдох, он взял со своей части стола светлую фишку и уже было положил рядом с костями, как вдруг спохватился, что здесь так не принято, и вернул ее на место. Но ему хотелось как следует разглядеть эту фишку. Была она цвета кофе с молоком, вернее, молока с кофе и слишком легкая. Что-то вытиснено на поверхности, но что именно, определить на ощупь не удалось.

Однако прикосновение было приятным, оно отозвалось легким покалыванием в пальцах, и энергия устремилась в уже готовую к броску руку.

Джо молниеносным взглядом обвел стоящих вокруг стола, в том числе и Великого Игрока напротив, и невозмутимо объявил: «Ставлю пенни», что на жаргоне игроков в кости означало доллар, то есть одну светлую фишку.

Большие Грибы возмущенно зафыркали, а толстопузый Мистер Костинс весь побагровел и уже было раскрыл рот, чтобы кликнуть вышибал, но...

Великий Игрок поднял черную атласную руку, махнул изящно вылепленной кистью. Мистер Костинс мгновенно остыл, а фыркание оборвалось, будто кто-то нажал на невидимую кнопку и дыра в корпусе ракеты затянулась сама собой. Тихий, хорошо поставленный голос, в котором не слышалось и тени насмешки, произнес:

– Продолжаем, господа.

Ну вот, подумал Джо, правильно я все понял про него. Настоящие мастера игры – безукоризненные джентльмены, они славятся своим великодушием к бедным.

– Ставка принята, – сдержанно хмыкнул кто-то из Больших Грибов.

Джо взял кости. На него глядели рубиновые черепа.

Сколько он себя помнил, его рука не знала промаха. В детстве Джо на спор ловил тарелкой сразу два яйца, с легкостью выигрывал все мраморные шарики у окрестных мальчишек и однажды поразил всех на школьном представлении, жонглируя шестеркой кубиков с буквами, так что в конце номера они легли рядом на ковер, выложив слово «Мамуля». Потом, когда он стал работать в шахте, его талант нашел себе новое применение. С расстояния в пятьдесят футов Джо убивал притаившуюся в темноте крысу – брошенный кусок породы ricochetом разбивал ей череп. Иногда он развлекался, закидывая отколовшиеся от стены камни обратно в щель, из которой они выпали. Быстро бросая их один за другим, он ухитрялся загнать на свои места семь камней подряд, и они, плотно прильнув друг к другу, как фрагменты пазла, какое-то время держались. Доведись ему стать астронавтом, он бы запросто мог управлять шестеркой лунных рейдеров или вслепую крутить восьмерки среди колец Сатурна.

А какая, собственно, разница – загонять в щель камешки, жонглировать кубиками или бросать кости? Разве что, когда бросаешь кости, нужно, чтобы они отскочили от бортика. Ну да, это сложнее, но тем интереснее.

И теперь, когда кости перекатывались в ладонях, он чувствовал небывалую энергию.

Джо сделал быстрый низкий бросок, и кости остановились перед девицей в белых перчатках. Он начал с королевской игры, получив семерку, которая, как и было задумано, сложилась из тройки и четверки. У обеих черепушек было всего по одному зубу, а у тройки не хватало еще и носа. «Словно черепа младенцев», – подумал Джо. Он выиграл свой пенни, то есть доллар.

– Ставлю два цента, – бросил Джо Слатермилл.

На этот раз для разнообразия он сыграл королевскую игру, получив одиннадцать. У шестерки было аж три зуба, и этот череп смотрелся лучше всех.

– Ставлю пятак без пенни.

Два Больших Гриба ответили на ставку, исподтишка улыбаясь друг другу.

Теперь Джо выбросил тройку и единицу. Даже единице удавалось смахивать на череп – череп циклопа-лилипута, – благодаря тому что единственная рубиновая точка была сдвинута от центра.

Он не торопился, бросал кости как будто в рассеянности. И трижды дуплетом выпадала десятка. Хотелось получше разглядеть, как долгорукая девица подхватывает со стола кубики. Ее пальцы на мгновение змейками подныривали под лежащие на черном мерцающем сукне кости – и он всякий раз ясно видел это.

Не может же это быть просто оптическим обманом! Кости не способны провалиться сквозь сукно, а вот этой белой руке в перчатке каким-то образом удастся. И тотчас Джо вспомнил, как стол вообразился ему бездонным колодезцем, пронизывающим всю Землю. Тогда получается, что только кости могут не проваливаться в него, а лежать в абсолютной пустоте. Или же лишь крупье способна погружать пальцы в бездну? Тогда проигравшийся бедолага, решившись на Большой Прыжок, разве что расшибет себе лоб.

В чем же тут дело, черт возьми?! Надо разобраться. Не хватало еще, чтобы в самый ответственный момент закружилась голова.

Он сделал несколько несложных бросков, для правдоподобия время от времени приговаривая:

– Ну давай, давай, крошка Джо.

Наконец план созрел. Джо выбросил две двойки, да так, что кости, отскочив от бортика, приземлились прямо перед ним. Секунда, чтобы игроки увидели выпавшие очки, – и его левая рука, на мгновение опередив руку в белой перчатке, прошла-таки сквозь сукно и зачерпнула кости.

Джо чуть не взвыл от дикой боли. Боже, такого ему еще не довелось испытать, даже когда он в первый раз полез к своей будущей Жене. Его в шею ужалила оса, именно в тот момент, когда он, преодолев свою нерешительность (ведь девчонка была капризной, строила из себя недотрогу и задирала нос), запустил руку под юбку. Но даже тогда не пришлось так стискивать зубы, чтобы не выдать адской боли. А сейчас было ощущение, будто он сунул руку в доменную печь. Немудрено, что эта тощая девица нацепила перчатки. Причем не иначе как асбестовые. «Хорошо еще, что левая», – подумал он, мрачно глядя на вздувающиеся пузыри.

Ему вдруг подумалось, что в недрах Земли должно быть чертовски жарко. Это проходили в школе, да и спустившись в двадцатимильную шахту, можно убедиться. Вот, наверное, жар оттуда и поднимается, и неудачник, совершив-таки Большой Прыжок, превратится в жаркое, не пролетев и ста ярдов, а уж до Китая доберется лишь крохотный уголек.

Мало того что пузыри на левой руке адски болели, так еще и Большие Грибы опять зафыркали, а Мистер Костинс снова налил кровью и разинул рот, чтобы позвать вышибал, – так широко разинул, что влезла бы целая дыня.

И вновь поднятая рука Великого Игрока выручила Джо. И тихий мягкий голос произнес:

– Ознакомьте его с правилами, Мистер Костинс.

И Мистер Костинс, глядя на Джо, проревел:

– Никто не имеет права брать брошенные кости со стола, кроме персонала. Таков закон нашего заведения!

Джо ответил ему лишь легким кивком и произнес ледяным голосом:

– Ставлю десять без двух.

И когда эта, все еще смехотворная, ставка была принята, выбросил «Фебу» – пятерку. Теперь по правилам он должен выкинуть опять пятерку, чтобы выиграть, или семерку – и вылететь. Но он довольно долго валял дурака, выбрасывая все, что угодно, кроме пятерки и семерки, покуда пульсация в левой руке не унялась и спокойствие не вернулось к нему. Правая рука ничуть не ослабела, она была столь же верна, как и всегда, а может, и вернее, чем когда бы то ни было.

Пока Джо приходил в себя, он время от времени поглядывал на Великого Игрока. Тот слегка кивнул ему, как бы извиняясь, прежде чем отвернулся, чтобы взять длинную черную сигарету у самой соблазнительной из красоток.

«Вот они какие, эти мастера, – вежливость даже в мелочах!» – восхитился Джо.

Без сомнения, шеголеватая толпа за спиной незнакомца – свита, хотя, в очередной раз бросая кости, Джо лениво окинул ее взглядом и заметил в задних рядах лоботряса, явно не вписывающегося в компанию. Это был одетый в элегантное рванье юноша со спутанными волосами, горящим взглядом поэта и ярким чахоточным румянцем.

Струйка дыма поднималась из-под черной широкополой шляпы, и то ли свет потускнел, то ли лицо Великого Игрока стало смуглее. Вот чертовщина! Джо готов был поклясться, что кожа Великого Игрока постепенно темнеет, словно пенковая трубка, если ее курить с немыслимой скоростью. Забавно, но ведь здесь и впрямь достаточно жара (и Джо убедился в этом

на собственной шкуре), чтобы заставить пенку потемнеть, хотя жар-то, похоже, остается под столом.

Но как бы ни восхищался он в душе Великим Игроком, как бы ни примерял на себя его мастерство, все это ничуть не поколебало уверенности в том, что Великий Игрок излучает смертельную угрозу. Тронь его – и точно смерть. Если у Джо и оставались хоть малейшие сомнения, тот кошмар, что случился через минуту, развеял их начисто.

Великий Игрок обнял красотку, самую смазливую и порочную из свиты, и тонкая рука с небрежной грацией заскользила по ее бедру. И тут юноша поэтической наружности не выдержал. Сам не свой от страсти, с позеленевшими от ревности глазами, он ринулся, как дикий кот, чтобы всадить в лоснящуюся черным атласом спину длинный сверкающий кинжал.

Каким чудом удар не достиг цели, Джо так и не понял. Он успел лишь заметить, что правая рука Великого Игрока продолжила свое путешествие по обтянутым плюшем округлостям, левая же взметнулась, как отпущенная стальная пружина. Для Джо так и осталось загадкой: незнакомец то ли вонзил нож в горло юноше, то ли свалил его ребром ладони или двойным марсианским ударом, а может, просто прикоснулся к нему. Но только юноша вдруг застыл, словно пораженный пулей дум-дум из бесшумного ружья или лазерным лучом из невидимого бластера, и упал навзничь. Сразу подбежали двое чернокожих и уволокли тело, причем толпа нисколько не взволновалась. Судя по всему, на такие инциденты в Зале Костей привыкли смотреть сквозь пальцы.

Все это несколько выбило Джо из колеи, и он чуть было не выбросил «Фебу» раньше времени.

Но боль в левой руке уже унялась, и нервы натянулись, как новенькие струны гитары. Так что на четвертый раз он выбросил пять и выиграл, а затем начал методично обчищать партнеров.

Он сделал девять удачных бросков, все время получая королевские комбинации – семь раз семерку и два раза по одиннадцать. Рядом с ним уже громоздилась куча фишек на четыре с лишним тысячи долларов. Ни один Большой Гриб еще не покинул поле боя, но некоторые явно занервничали, а двое, тяжело дыша, покрылись испариной. Великий Игрок пока в бой с Джо не вступал, но его глаза, притаившиеся в темных провалах, казалось, с интересом следили за игрой.

Все шло хорошо, и тут дьявольское искушение стало одолевать Джо. Конечно, этой ночью он непобедим. Но если будет и дальше выигрывать и выпотрошит партнеров полностью, то упустит шанс увидеть воочию мастерство Великого Игрока, а как же страстно этого хочется. Кроме того, надо же ответить любезностью на любезность, постаравшись тоже выглядеть джентльменом.

– Беру сорок один доллар без пятака. Ставлю пенни.

На этот раз обошлось без фыркания, и даже на луноподобной физиономии Мистера Костинса не отразилось и тени недовольства.

Но от Джо не укрылось, что Великий Игрок смотрит на него то ли разочарованно, то ли грустно, а может быть, просто задумчиво.

Тут Джо нарочно потерял ход, выкинув «вагончики», две шестерки, зато получил удовольствие лицезреть две прелестные зубастые черепушки, оскалившиеся в улыбке. Кости перешли к Большому Грибу слева.

– Знал, когда фарт кончится, – донесся до Джо чей-то восхищенный шепот.

Игра быстро пошла по кругу. Никто особо не рисковал, и ставки были самые обыкновенные. В воздухе летало: «Ставлю пятерку», «Десятка», «Двадцатка». Джо время от времени делал ставки, выигрывая чуть больше, чем теряя. Когда очередь дошла до Великого Игрока, у Джо было семь тысяч с лишним – вполне годится, чтобы играть по-крупному.

Великий Игрок взял кости и, долго держа их на ладони, задумчиво и хладнокровно разглядывал, неподвижный как статуя. На его лбу, теперь уже почти коричневым, не было ни капельки пота.

– Ставлю две десятки, – процедил он и, дождавшись ответных ставок, слегка встряхнул кубики в кулаке.

Они загремели, будто семечки в подсушенной тыкве. Незнакомец небрежно метнул их. Такого броска Джо еще видеть не приходилось. Кости, не переворачиваясь, перелетели через стол, шлепнулись у бортика, да так и замерли. Семерка.

Джо был сбит с толку. Бросая кости, он говорил себе примерно следующее: «Сейчас тройка вверху, пятерка на север, два с половиной оборота в воздухе, падает на угол шесть-пять-три, затем три четверти оборота вперед и четверть оборота вправо, ударяется о бортик ребром один-два, пол-оборота назад и три четверти влево и двойка наверху». И это только для одной из костей, да и то если не делать особых финтов.

В сравнении с этим техника Великого Игрока была невероятно, ужасающе, на удивление примитивна. Джо запросто смог бы повторить такой бросок, это точно. Простейший вариант, все равно что закидывать выпавший кусок породы обратно в стенку шахты. Но Джо даже не приходило в голову применить такой детский трюк в казино. Это бесконечно упростило бы игру, лишив ее какой бы то ни было красоты. Да он и представить себе не мог, что такой фокус способен пройти! Ведь всегда может возникнуть сомнение, долетели ли кости до бортика. Да и вообще, разве по правилам они не должны откатиться от края, хотя бы совсем чуть-чуть?

Как ни напрягал Джо зоркие глаза, ему не удавалось различить ни малейшего зазора между костями и бортиком. Однако, похоже, это беспокоило только его одного; никто не отреагировал на нарушение, и тощая девица как ни в чем не бывало подхватила кости. А Большие Грибы, сделавшие свои ставки, безропотно расстались с денежками. Ну что ж, если никто не вспоминает о правиле отскока, значит в этом казино его понимают несколько своеобразно. И Джо решил не возникать, потому что за долгие годы общения с Матерью и Женой он накрепко усвоил заповедь: в чужой монастырь со своим уставом не ходи. И вникать в чужой устав тоже не стоит. Лучше помолчать и подождать. Да и вообще не о чем беспокоиться, ведь в этой партии он не поставил ни цента.

Голос Великого Игрока прошелестел, как ветер в кладбищенских кипарисах или марсианский сквозняк:

– Ставлю «сотню».

Это была самая крупная ставка за вечер, аж десять тысяч долларов, но прозвучало так, словно он ставил нечто еще большее. Внезапно в Зале Костей все притихло. Примолкли джазовые трубы, возгласы крупье превратились в шепот, ослабло шлепанье карт, и даже шарик релетки старались не греметь, проваливаясь в лунки.

Толпа вокруг Главного Игрального Стола беззвучно сгустилась. Щеголеватая свита образовала для Великого Игрока двойной заслон. Объявленная сумма на три тысячи превосходила всю наличность Джо. Трое, а может, четверо Больших Грибов некоторое время переговаривались знаками, прежде чем решили, как сделать ставку.

Великий Игрок снова выкинул королевскую семерку – и снова все тем же дурацким броском. Потом опять поставил «сотню» и опять выиграл.

И еще раз.

И еще.

Джо все больше недоумевал и возмущался. Ему казалось несправедливым, что Великий Игрок загребает такие сумасшедшие деньжищи с помощью столь бездарных, механически однообразных, начисто лишенных романтики бросков. Это какая-то пародия на настоящую игру. Кости даже ни разу не прокатились по столу, не перекувырнулись в воздухе. Так мог бы

играть робот, причем на редкость допотопной конструкции. Джо, разумеется, пока не рисковал своими фишками, но понимал: если это будет продолжаться, то придется ответить.

Уже двое Больших Грибов признали поражение и, отдуваясь, отошли от стола. Никто не занял их места. Очень скоро наступит момент, когда оставшиеся несколько Грибов не смогут даже вместе уравнять ставку, и тогда Джо придется рискнуть своими деньжками или же выйти из игры. Но в этот вечер, когда в его руке пульсирует небывалая энергия, он просто не может смириться.

Джо все еще надеялся, что кто-нибудь вот-вот выскажет недовольство этой странной манерой игры. Напрасные ожидания. Как ни старался он сохранять хладнокровие и невозмутимость, у него уже горели щеки.

Легким движением левой руки Великий Игрок остановил собравшуюся подхватить кости девицу. Глаза, подобные черным колодцам, вперились в Джо, и тот, сделав над собой усилие, встретил этот потусторонний взгляд. В глазах незнакомца по-прежнему ничего не отражалось, и у Джо по спине поползли мурашки. Сейчас должно случиться что-то ужасное!

С изысканной светскостью и дружелюбием Великий Игрок прошелестел:

– Я вижу, что великолепный мастер напротив меня сомневается в правильности моего последнего броска. Но он слишком хорошо воспитан, чтобы заявить об этом во всеуслышание. Лотта, подайте карту.

Высокая, желтовато-бледная, как призрак, девица в белых перчатках вынула из-под стола игральную карту и, блеснув в ядовитой усмешке белоснежными зубками, кинула ее через стол. Джо поймал карту, кружившуюся, словно осенний лист, и взглянул на нее. Такой тонкой, жесткой и блестящей игровой карты ему еще не случалось держать в руках. Это был джокер. Неясное предзнаменование, но чего? Он небрежно кинул обратно, и девица, приложив карту к бортику над костями, отпустила. Карта так и застыла в ложбинке между черным сукном бортика и закругленными ребрами кубиков. Чтобы развеять последние сомнения, девица слегка пошевелила картой, демонстрируя, что кости лежат вплотную к краю.

– Вы удовлетворены? – спросил Великий Игрок.

Джо заставил себя кивнуть. Великий Игрок слегка поклонился. Девица усмехнулась тонкими губками и выпрямилась, гордо выпятив лимончики грудей.

Как бы между прочим, с отсутствующим видом, Великий Игрок вновь раз за разом ставил «сотню» и выбрасывал свою унылую королевскую семерку. Большие Грибы один за другим скисали и сенили прочь от стола. Запыхавшийся слуга принес наличность одному особо раскрасневшемуся Мухомору, и тот вмиг проиграл еще один «месяц». К этому времени башенки белых и черных фишек рядом с Великим Игроком превратились в небоскребы.

Ярость и страх все сильнее охватывали Джо. Словно сокол или звездный разведчик, он пристально следил за костями, которые раз за разом уютно, будто в гнездышке, пристраивались у бортика. Но у него не хватало духу потребовать еще одной проверки, а просить, чтобы принесли правила казино, было уже поздно.

Он прямо-таки с ума сходил; его лихорадило при мысли о том, как бы он мог покуражиться над этим черным истуканом, попади кости еще раз к нему в руки. Как только не проклинал он себя за этот идиотский, самоуверенный, более того, самоубийственный порыв, за дурацкое любопытство, которое заставило его передать ход и упустить свое счастье. А Великий Игрок, как назло, не спускал с Джо черных, будто угольные шахты, глаз. И при этом трижды не глядя бросил кости.

Джо все это безумно раздражало – черт побери, точно как Жена с Мамашей, которые вечно следят за каждым его шагом!

Неотрывный взгляд этих глаз (да и глаза ли это были?) наводил на Джо почти панический страх. Прежний испуг смешался с чувством суеверного ужаса.

«Так кто же, в конце концов, передо мной?» – спрашивал себя Джо вновь и вновь, и в этом вопросе было и смятение, и любопытство, ничуть не меньшее, чем желание завладеть костями и выиграть. У него волосы шевелились на голове, по телу бегали мурашки, но энергия продолжала пульсировать в руке, как в ракете, замершей на старте, или в локомотиве, остановленном стоп-краном.

А Великий Игрок был все так же элегантен в своем черном атласном плаще и широкополой шляпе, обходителен, вежлив и смертоносен. Джо буквально выворачивало при мысли о том, что необходимо отбросить щепетильность и во что бы то ни стало подловить Великого Игрока на какой-нибудь ошибке. Он так восхищался весь вечер безукоризненным спортивным поведением незнакомца, а теперь придется-таки стряхнуть его чары.

Безжалостная расправа над Большими Грибами продолжалась. Лишь темнота занимала место выбывших. Вскоре за столом осталось трое игроков.

В Зале Костей воцарилась тишина, как на Кипарисовом Кладбище или в лунной пустыне. Затих и оркестр, и шарканье ног, и женский визг, и звон бокалов да монет. Казалось, все присутствующие молчаливыми рядами сомкнулись вокруг Главного Игрального Стола.

Джо был измучен. Отвратительное чувство, когда с тебя не сводят глаз, ощущение несправедливости, презрение к себе самому, сумасбродные надежды, любопытство и ужас... Особенно его терзали последние два.

Лицо Великого Игрока продолжало темнеть. В какой-то момент у Джо даже возникла безумная мысль: уж не черномазый ли перед ним? Может, какой-то раскрашенный африканский шаман, с которого теперь слезает «штукатурка»?

Наконец последние двое игроков не смогли ответить на ставку, и Джо оказался перед выбором: либо выложить десятку из своей жалкой пирамидки, либо выйти из игры. Еще секунда мучительных колебаний – и он сделал ставку.

И проиграл.

Двое Больших Грибов, пошатываясь, скрылись в молчаливой толпе.

Черные, словно ямы, глаза впились в Джо. И прошелестело:

– Играю на весь ваш банк.

Первым порывом было схватить свои денежки и позорно бежать домой. По крайней мере, те шесть кусков, что у Джо еще оставались, сразили бы Жену с Мамашей наповал.

Но мысль о том, что вся эта толпа будет потешаться над ним, была невыносима. А еще невыносимее жить с сознанием того, что ты имел шанс, пусть даже ничтожный, одолеть Великого Игрока и упустил его.

Джо кивнул.

Великий Игрок кинул кости. Забыв о том, что может закружиться голова, Джо низко склонился над столом; он следил за полетом костей, как сокол за добычей или телескоп за далекой звездой.

– Вы удовлетворены?

Джо знал, что нужно ответить «да» и уйти с гордо поднятой головой. Вот это было бы поджентльменски. Но разве он джентльмен? Просто грязный работяга из шахты, которому Бог дал талант ловко швырять все, что под руку попадет.

Конечно, было бы величайшей неосторожностью сказать «нет» – ведь он среди людей незнакомых и враждебных. Но тут вдруг подумалось: а чего, собственно, бояться жалкому неудачнику, обреченному на унылое существование в ветхой хибаре? Ведь смерть все равно неизбежна, так какой смысл осторожничать?

К тому же Джо показалось, что одна кость, оскалившаяся в рубиновой ухмылке, всего на волосок, но все же не долетела до бортика.

Джо судорожно сглотнул и выдавил с величайшим трудом:

– Нет. Лотта, подайте карту.

Девушка зашипела и слегка откинулась назад, словно собираясь плюнуть ему в глаза, и захотелось зажмуриться, чтобы не ослепнуть от ее змеиного яда. Но Великий Игрок укоризненно погрозил ей пальцем, и она злобно швырнула карту. Да так низко, что та, прежде чем попасть в руки Джо, на мгновение нырнула под черное сукно.

Карта разогрелась и немного потемнела, но осталась целой. Джо сглотнул и бросил ее обратно.

Вонзая в него отравленные кинжалы своих улыбок, Лотта прислонила карту к бортику и отпустила. Застыв на мгновение, словно в раздумье, карта провалилась, как Джо и надеялся.

– О, у вас очень острый глаз, сэр, – прошуршал Великий Игрок, кивнув. – Без сомнения, эта кость не долетела до края стола. Приношу свои искренние извинения. А теперь ваш ход, сэр.

Кости легли на черный бортик перед Джо. И тут кровь вскипела в его жилах, а любопытство и ужас, казалось, дошли до нечеловеческого предела. Его буквально затрясло от возбуждения. Достало еще сил сказать: «Ставлю все», но когда Джо услышал тихое «Отвечаю», самообладание покинуло его и он швырнул кости прямо в тусклые полуночные глаза.

Кубики стремительно влетели в череп и застряли там, грохоча, словно гигантские зерна в недосушенной тыкве.

Движением руки Великий Игрок осадил готовую кинуться на Джо свору. Кости загрохотали у него в горле, и он выплюнул их на середину стола. Одна, стоя на ребре, приклонилась к другой.

– Кость на ребре, сэр, – прошелестел Великий Игрок с неизменной учтивостью. – Извольте метнуть еще раз.

Джо задумчиво встряхнул кости, постепенно приходя в себя.

Он уже догадывался, кто на самом деле его противник. Но почти сразу же решил: да кто бы ни был, нужно сражаться с ним на равных.

Но любопытство все еще билось в уголке сознания: а почему живой скелет не рассыпается? То ли полуистлевшие хрящи и мясо связывают кости вместе, то ли проволока, то ли их удерживает какое-то силовое поле, то ли каждая кость намагничена, и тогда понятно, почему изжелта-белая кожа прямо-таки сочится электричеством.

Гробовое безмолвие Зала Костей неожиданно прорезал истерический смех какой-то шлюхи, кто-то закашлялся, золотая монета, упав с подноса голой девушки, с мелодичным позвякиванием покатила по полу.

– Тихо! – приказал Великий Игрок и, молниеносно выхватив из-под полы короткоствольный серебряный револьвер, положил его на бортик стола перед собой. – Любой, от последней черной девки до... вас, Мистер Костинс, – повторяю: любой, кто осмелится нарушить тишину, пока мой достойный противник бросает кости, немедленно получит пулю в лоб.

Джо учтиво поклонился: все это было даже забавно. Для начала он решил выкинуть королевскую семерку из шестерки и единицы. Он сделал бросок, и на этот раз Великий Игрок внимательно следил за полетом костей своими пустыми глазницами (о чем можно было догадаться лишь по движению его головы).

Кости ударились о стол, покатались и замерли. Невероятно, но впервые в жизни Джо потерпел неудачу. Или во взгляде Великого Игрока была заключена более мощная энергия, чем в правой руке бросавшего? Одну-то кость Джо метнул как надо – шестерка. Зато вторая сделала лишние пол-оборота, и вместо единицы выпала еще одна шестерка!

– Игра окончена, – мрачно пророкотал Мистер Костинс.

Великий Игрок поднял смуглую костлявую руку.

– Не совсем, – прошептал он, и черные глазницы нацелились на Джо, словно жерла осадных пушек. – Джо Слатермилл, у вас еще осталось кое-что ценное, что можно поставить на кон. Если пожелаете, разумеется. Это ваша жизнь.

При этих словах Зал Костей взорвался истерическим смехом, визгом, гоготом, хихиканием и глумливыми воплями. И Мистер Костинс выразил общие чувства, когда, перекрывая весь этот гам, взревел:

– Да кому нужна жизнь такого ничтожества, как Джо Слатермилл? Она и гроша ломаного не стоит.

Великий Игрок положил руку на поблескивающий револьвер, и хохот мигом оборвался.

– Она нужна мне, – прошептал Великий Игрок. – Джо Слатермилл, со своей стороны я ставлю все, что выиграл сегодня вечером, а в придачу весь мир и все, что в нем есть. Вы же поставите свою жизнь и душу в придачу. Вам бросать кости. Что скажете?

У Джо в глазах потемнело от страха, но его уже охватил азарт. Нет, он ни за что не откажется от главной роли в этом спектакле! А иначе что? Тащиться домой, без гроша в кармане, в обшарпанную конуру, к Жене с Мамашей да к понурому Мистеру Гатсу?

А может быть, подбадривал он себя, и нет во взгляде Великого Игрока никакой волшебной силы, а просто собственная верная рука в первый и последний раз подвела? Что же до ценности его жизни, то Джо, пожалуй, был согласен с Мистером Костинсом.

– Ставка недурна, – пробормотал он.

– Лотта, дайте ему кости.

Джо сосредоточился, как никогда прежде. В руке победно вскипела энергия, и он сделал бросок.

Но костям не суждено было достичь стола. Не успев упасть, они вдруг взмыли и по какой-то безумной кривой понеслись в глубину зала. Затем, описав гигантскую дугу, вернулись и крошечными алыми метеоритами устремились прямо в лицо Великому Игроку – и вдруг замерли в пустых черных глазницах.

Один-один.

Глаза змеи.

Джо скорчился под этим насмешливым неестественным взглядом, и до него донесся шепот:

– Джо Слатермилл, вы проиграли.

Великий Игрок аккуратно вынул большим и средним пальцами (а вернее, костяшками) кубики из глазниц и опустил в услужливо подставленную белую ладонь Лотты.

– Да, Джо Слатермилл, вы проиграли, – безмятежно повторил он. – А теперь за вами право выбора: или застрелиться, – и он коснулся серебряного револьвера, – или перерезать себе горло, – и он выхватил из-за пазухи длинный охотничий нож с золотой рукояткой и положил его рядом, – или отравиться. – И к лежащим на столе предметам присоединился черный флакончик с белым черепом и скрещенными костями. – А хотите – мисс Флосси зацелует вас до смерти. – И он вытолкнул вперед самую злобную и смазливую из своих девок.

Взбив волосы и кокетливо одернув юбку, она вонзила в Джо голодный взгляд и, приподняв верхнюю губу, обнажила длинные белоснежные клыки.

– А может, – добавил Великий Игрок, многозначительно кивнув на черный стол, – вы предпочитаете Большой Прыжок?

– Я выбираю Большой Прыжок, – спокойно ответил Джо и поставил правую ногу на пустой столик для фишек.

Затем, встав левой ногой на край игорного стола, он подался вперед и...

Ну нет! Он так просто не сдастся. Либо доберется до горла этого типа, либо... Будь что будет. Ведь лохматый поэт, похоже, недолго мучился...

Оттолкнувшись от края стола, Джо распластался, как тигр, в исполинском прыжке. Проносясь над столом, он наконец-то увидел, что скрывалось под черным сукном. Картина запечатлелась в мозгу, как фотография, сделанная в свете магниевой вспышки. Но проявить ее сознание не успело, ибо в следующее мгновение Джо обрушился на фигуру в черном плаще.

Рука Великого Игрока взвилась, неуловимая, как молния, и ребро ладони нанесло Джо мощный удар в висок. Но коричневые пальцы, а вернее, косточки брызнули при этом в разные стороны, словно кусочки печенья.

Левая рука Джо, не встретив никакого сопротивления, по локоть вошла в грудь Великого Игрока, а правая прямым ударом разнесла вдребезги спрятанный под широкополой шляпой череп. Запутавшись в черном плаще, Джо рухнул на пол и неуклюже забарахтался среди коричневых обломков.

Но секундой позже он уже вновь оказался на ногах и кинулся к лежащим на столике Великого Игрока сокровищам.

Удивительно, но там не было ни черных фишек, ни золотых и серебряных монет.

Скорее уносить ноги! Он успел только схватить левой рукой пригоршню светлых фишек, сунул их в карман и что было духу бросился к выходу.

Словно по команде все обитатели Зала Костей устремились вдогонку. Засверкали кинжалы, зубы и кастеты. Его молотили, дубасили, царапали, пинали, сбивали подножками и пронзали каблуками-шпильками. На его голову обрушилась сверкающая позолотой труба, а за ней мелькнула черная морда с налитыми кровью глазами. Впереди замаячила белая фигура касирши, и Джо хотел было сцапать ее, но она куда-то исчезла. Кто-то пытался ткнуть зажженной сигарой ему в глаз. Лотта извивалась как удав, явно намереваясь его задушить и одновременно растерзать. Флосси, рыча, как бешеная сука, плеснула ему в лицо едко пахнувшей жидкостью из пузатой банки. Сзади семенил Мистер Костинс, постреливая из серебряного револьверчика. В Джо тыкали ножами, его били кулаками в живот и затылок; его тузили, душили, бодали, щипали, кусали; ему разрывали рот и оттапывали ноги.

Но как ни странно, Джо совершенно не чувствовал боли. Происходящее напоминало схватку с призраками. Все обитатели Зала Костей, вместе взятые, оказались едва ли сильнее Джо. Наконец он почувствовал, как множество рук подхватили его, понесли к выходу и выкинули вон через вращающиеся двери. Он с размаху шлепнулся задницей на тротуар. Но даже падение не причинило боли, а показалось чем-то вроде ободряющего шлепка.

Отдышавшись, Джо ощупал себя и обнаружил, что переломов нет. Он встал и осмотрелся.

В Зале Костей было темно и тихо, как в заброшенном склепе, или на Плутоне, или на улицах спящего Айронмайна. Когда глаза привыкли к темноте, нарушаемой лишь звездами да отблесками пролетающих космических кораблей, он увидел на месте ярко освещенного входа в казино обитую железом массивную дверь с висячими замками.

И тут Джо обнаружил, что жует нечто хрустящее, откусывая от зажатого в правой руке ломтя, как видно пронесенного через все побоище. И это нечто таяло во рту, а вкус был как у хлеба, что Жена пекла для самых состоятельных клиентов. В этот самый миг в мозгу как бы проявилась фотография, запечатленная его мимолетным взглядом, когда он проносился над игорным столом. Там был ковер из пляшущих языков пламени, а за ним крайне изумленные физиономии Жены, Матери и Мистера Гатса.

И тут он догадался, что во рту у него – кусочек черепа Великого Игрока, и сразу вспомнил, как выглядели три коржа, которые Жена поставила в духовку перед его уходом.

Так вот каким чудом ей удавалось так долго удерживать его! Она давала ему иногда порезвиться и хотя бы немного почувствовать себя мужчиной, и каждый раз он, обжегшись, приползал домой.

Джо выплюнул недожеванный кусок и отшвырнул обломок черепа. И тот, подпрыгивая, покатился по мостовой, словно растерзанная головка гигантского мака.

Джо запустил руку в левый карман. Почти все лежавшие там светлые фишки раскрошились в драке, но одну, целую, ему удалось выудить, и он тщательно ощупал ее. На ней был выдавлен крест. Он поднес фишку к губам и откусил кусочек. Вкус был едва уловимый, но при-

ятный. Джо почувствовал, что силы вновь возвращаются к нему. Проглотив остаток фишки, он ощупал свой оттопыренный карман. Ну что ж, по крайней мере, будет чем подкрепиться в пути.

Он повернулся и зашагал домой.

Только теперь выбрал длинную и извилистую дорогу, идущую вокруг света.

Корабль отплывает в полночь

Бизнес на крови²

Комнатка была маленькой и непритязательной, но явственно ощущалось, что она излучает власть, служит центром далеко простирающейся, напряженной и чрезвычайно важной деятельности. Общий вид – гостиная, из которой поспешно вынесли почти всю мебель, – резко контрастировал с большим практичным столом, стоявшим посреди комнаты. От него в раз-

---

² Перевод Н. Машиной.

ные стороны расходились, скрываясь в полу, пучки проводов в защитной оболочке. По всей вероятности, здесь располагался временный штаб организации, выполнявшей стратегически важные задачи.

В углу сидел человек, предложивший звать его Уитлоу. Худое длинное лицо и массивный подбородок придавали незнакомцу вид упрямого, угрюмого фанатика, а не обладателя сильного характера. Он удовлетворенно потирал руки, словно чувствовал себя хозяином помещения, хотя ему приходилось отвечать на вопросы, а не задавать их. Внимательные глаза блуждали по комнате, за показным добродушием угадывалась суровость. Облаченный в высокомерие, словно в адмиральский китель, глубоко внутри он был, похоже, кем-то вроде ребенка, добравшегося до спрятанных конфет и уверенного в своей безнаказанности.

Сатурни и Неддер сидели за столом, вернее, Сатурни расположился посередине, а Неддер примостился с краю, держа проворные пальцы над беззвучными клавишами разговорной машинки. Скрытый от посторонних глаз прибор подключался к панельке в центре стола, наклоненной к Сатурни.

Наружность Сатурни выдавала в нем человека целеустремленного, с хорошим аппетитом; круглая голова с массивным подбородком венчала туловище, расширявшееся вместе с его бизнесом. Недостаток хитрости он компенсировал безграничным упорством. Сатурни всю жизнь старался кого-нибудь перекричать, переиграть, переделать, обмануть и, подстегиваемый неуемной жадностью обладания, с наслаждением заставлял работать людей и деньги.

Тем не менее в нем угадывались замечательная целостность натуры и твердость характера. Легко было поверить, что в трудную минуту этот человек любой ценой будет отстаивать все, чем живет и во что верит, каким бы малоприятным все это ни казалось.

Неддер, судя по его комплекции, питался одной манной небесной, да и то по праздникам. Хитрость чуть не выплескивалась из водянистых карих глаз, он не уступал Сатурни в прыти и неутомимости, однако больше полагался на разум, не позволяя эмоциям брать верх. Коренастый, проворный в деле парень с лицом, густо заросшим черной бородой. Губы, обычно искривленные в насмешке, сейчас были плотно сжаты. Благодаря своей целеустремленности он прошел путь от штатного паяца до личного секретаря и незаменимого помощника.

Их сотрудничество походило на симбиоз крокодила и птички-дантиста или, скорее, акулы и рыбы-лоцмана.

Разительный контраст между ними и Уитлоу явственнее всего ощущался в манере одеваться. Несмотря на внешнее сходство, это была одежда разных эпох – а то и миров.

Они наблюдали за гостем, как хитрый облезлый кот – за мышью: видит око, да зуб неймет.

– Не важно, как я сюда попал, – повторил Уитлоу, – для нашей беседы это не имеет значения. Скажем так: в не столь отдаленном прошлом временные потоки разделились надвое, образовав две альтернативные реальности, а я нашел возможность путешествовать между ними.

– Ну-ну, мистер Уитлоу, не волнуйтесь... – Сатурни успокаивающе выставил огромные ручки.

Он вдруг умолк, поскольку на экране вспыхнуло предупреждение – пальцы Неддера проворно мелькали, хотя он сидел неподвижно: «Осторожно! Вдруг это правда? Забыл, что он появился ниоткуда?»

– Мистер Сатурни беспокоится, как бы вы не переутомились в таком тяжелом испытании, – вмешался Неддер.

– К вашему сведению, я пацифист, – успокоившись, продолжил Уитлоу противным скрипучим фальцетом. – В своих странствиях ищу альтернативные миры, где удалось покончить с войнами – этим ужасным бичом всех времен и народов, – чтобы поделиться драгоценными знаниями с заблудшими современниками. У вас нет ни военной формы, ни заголовков, сообщающих о кровавой бойне, ни агрессивных агитплакатов, вообще никаких признаков войны,

прошедшей или грядущей, и я решил, что вам удалось положить конец ужасному кровавому бизнесу.

Слушая эту речь, Сатурни кипел от возмущения, и наконец он взорвался:

– Да кем вы себя возомнили?! Как вообще посмели явиться ко мне с подобным оскорблением?! Вот же красная зараза!

«Ну и скотина! – подумал Неддер. – У этого парня для нас кое-что есть, а если он разозлится, мы останемся в полете».

– Мистер Сатурни вас неправильно понял, – обратился он к Уитлоу. – Как деловой человек с профессиональной гордостью, он принимает близко к сердцу все, что касается его работы. Он отнес сказанное на свой счет, а вы, вероятно, употребили слово «бизнес» в переносном смысле.

При этом он незаметными манипуляциями дал понять гостю, что Сатурни полон благих намерений, но туго соображает.

– А чем именно занимается мистер Сатурни? – осведомился Уитлоу.

Ночную тьму сотряс грохот.

– Взрывные работы, – ответил Неддер. – Это я о шуме, а не о бизнесе. У мистера Сатурни есть компании во многих отраслях. Более того, он часто занимается интересующим вас вопросом.

– Рад слышать, – кивнул Уитлоу, – и ценю радушие, которое вы проявили, приведя меня сюда. Однако я мог бы с тем же успехом слоняться тут и там, как обычно, и постепенно все выяснить.

– Вы зря потратите свое драгоценное время. А поговорив с мистером Сатурни, получите сведения из первых рук. Ведь именно его компании избавили этот мир от ужасных беспорядков, от войн, сотрясавших общество.

Взрывы не прекращались. Послышался нарастающий гул скоростного самолета. По лицу Уитлоу было видно, что он разрывается между желанием и сомнением.

– Ночные грузоперевозки, – объяснил Неддер. – Мистер Уитлоу, мы весьма предприимчивые люди и везде применяем деловой подход. Наш разговор подсказал мне одну идею. Мы с мистером Сатурни обладаем нужной вам информацией, а вы знаете заманчивый секрет перемещения между временными потоками.

«Подыграй мне» – высветилось на экране, но подсказка оказалась совершенно лишней. Сатурни схватывал такое на лету.

– Заключим небольшую сделку, мистер Уитлоу? Мы научим вас предотвращать войны, а вы расскажете, как перемещаться во времени.

– Любопытное предложение, – задумчиво произнес Уитлоу, словно пробовал идею на вкус, как новую и не такую уж противную микстуру от кашля. – Конечно, я мог бы добыть сведения и без вашей помощи...

– Вряд ли ваши источники так же хороши, как наши, – прервал его Неддер, сверкнув глазами. – Насколько я понял, где-то идет война и вы желаете остановить ее или предотвратить. – На столе у Сатурни замигала зеленая лампочка. Неддер нажал кнопку с надписью «нет». Лампочка продолжала мигать, и он нажал еще раз. – Поэтому скорость предельно важна для вас, мистер Уитлоу, – подытожил он.

– Да... э-э... возможно... На случай если я поделюсь с вами своей способностью, мне бы хотелось иметь гарантии, что вы станете использовать ее только в благородных целях.

– Разумеется, – заверил его Сатурни, хлопнув ладонью по столу, будто поставил печать на невидимом договоре.

Внезапно распахнулась дверь, и в комнату ворвалась белокурая девица.

– Простите, что прерываю совещание, Джей Си, но у нас проблемы! – проблеяла она.

Сатурни отчаянно жестикулировал, пытаясь ее остановить, Неддер бросил на девушку оценивающий взгляд и решил не тратить время понапрасну.

– Оперативники собираются устроить забастовку на передовой! – жалобно простонала она, прежде чем он кинулся к ней и выдворил из комнаты. – Как раз в то время, когда вы спускались, чтобы проконтролировать «большой толчок», Джей Си! – горестно выпалила она, прежде чем захлопнулась дверь.

– Милая девушка, правда немного неуравновешенная, – заметил Сатурни. – Она выразилась – как это называется? – ах да, образно.

Его напускное добродушие не произвело впечатления на Уитлоу.

– Так что у вас за бизнес, мистер Сатурни? – спросил он подозрительно.

Лихорадочно подыскивая ответ, Сатурни оглянулся на Неддера с видом потного человека, ищущего полотенце.

– Мне, разумеется, пришло в голову, что здесь нет войны, – озадаченно продолжил Уитлоу, – поскольку в вашем мире не чувствуется военной напряженности, а я очень восприимчив к таким вещам, однако...

– Эти слова как раз вертелись у меня на языке! – Сатурни ухватился за сказанное гостем, как за соломинку. – Нет военной напряженности – нет войны. Вы сами это подтвердили.

Внезапно распахнулась другая дверь, и в нее хлынула возбужденная толпа, чей напор вряд ли сдержал бы даже Неддер. Все носили бейджи, кроме троих, – похоже, то были важные шишки.

– Полный провал, Джей Си! Я ничего не мог поделать. Они точно с ума сошли, – сказал первый, высокий: видимо, когда-то он был элегантным и властным.

Он рухнул на стул.

– Только прикажите, Джей Си, и артиллерия живо с ними расправится, – заверил второй, коротышка с густой шапкой волос. – Я снесу их сидячую демонстрацию!

– А кто с вами пойдет? – осведомился третий, среднего роста, грузный, в грязном дождевике. – Только попробуйте, и получите массовую забастовку, круче всех тех, что вам случалось разгонять слезоточивым газом.

Эти трое не обращали никакого внимания на титанические усилия Сатурни, пытавшегося их утихомирить, равно как и на присутствие Уитлоу.

– Джей Си, их условия немыслимы! – рявкнул второй, перекрывая общую болтовню.

– Требуют повысить почасовую ставку на двадцать центов и в полтора раза – оплату за время, проведенное по пояс в грязи. Причем начиная с позавчерашнего дня, так как вчера был ливень, – заявил третий, подойдя вплотную к столу Сатурни.

– Это не грязь! – яростно парировал второй. – Она не такая вязкая, я провел тщательный анализ.

Двое мужчин у него за спиной, с виду – ученые, согласно закивали.

Третий засунул руку в карман дождевика, шагнул вперед и шлепнул прямо на стол пригоршню черной жижи.

– Не грязь, значит? – спросил он, кивнув на месиво. – Что скажете на это, Сатурни?

Первый вздрогнул и съезжил на стуле.

Опомнившись, Сатурни смахнул грязь могучей рукой – во все стороны полетели брызги.

– Ах ты, жалкая подлая марионетка! – заорал он, потрясая грязным кулаком. – Выходит, твоим бездельникам с передовой мало двух долларов в час?

– А еще поступили жалобы на отсутствие элементарной техники безопасности, – твердо стоял на своем третий.

– Техники безопасности! – вышел из себя Сатурни. – Когда я был фронтовым оперативником – а я знаю дело от и до, можете мне поверить, ведь я начинал с самых низов, простым

рабочим, – мы гнали в шею инженеров по безопасности, которым хватало наглости совать нос в наши траншеи.

– Не желаете ли прямо сейчас вступить в профсоюз? – невозмутимо спросил третий.

Спор разгорелся с новой силой. Придя в себя, Неддер с тревогой взглянул на Уитлоу, в два прыжка подскочил к нему и порывисто зашептал в ухо:

– Мы вас обманули, но только для того, чтобы не громоздить совсем уж чудовищной лжи. Не принимайте поспешных решений. Погодите, сейчас я выпровожу этот сброд, и мы все обсудим.

Не дожидаясь ответа, он бросился к Сатурни и потащил его к двери. Остальные потянулись следом, как планеты за Солнцем.

Целых пятнадцать минут он пытался вывести босса из комнаты. Второй и третий ушли и увели своих спутников, но первого Сатурни никак не желал отпускать, давая ему указания, отчего тот воспрянул духом.

Когда он наконец удалился, Неддер с удвоенной силой принялся выдворять Сатурни, но босс не поддавался. Он обернулся к помощнику и расплылся в улыбке:

– Погоди минутку, Недди. Только теперь все встало на свои места. Когда ты привел этого парня и предупредил о временных потоках, я догадался, что мы должны завладеть его технологией. Ты ведь знаешь меня: голова совсем не варит, если обстановка не располагает к раздумьям. А тут явились эти болваны и подняли крик, и передо мной забрезжили новые возможности.

– Да, да, а пока ты празднуешь победу, он ускользнет от нас. Идем быстрее.

Но когда Сатурни торжествует, достучаться до него нелегко.

– Только представь, Недди! Миры, подобные нашему, десятки миров – и мы получим исключительное право на торговлю в них! Вот истинная политика открытых дверей. Никто, кроме нас, не сможет их открыть. Появляется излишек – мы знаем, куда его сбыть; не хватает товара – знаем, где его раздобыть. Отныне с дефицитом покончено. Мы создадим подпольные филиалы. О, Недди!

Наконец он дал себя увести.

Они прошли через три комнаты, похожие на кабинет Сатурни, только там яблоку было негде упасть: едва хватало места для оборудования и персонала. Одни девушки ловко обращались со всевозможными передатчиками, другие набирали что-то на пишущих и голосовых машинках. На стенных картах вспыхивали лампочки. На картах, устлавших столы, устройства с искусственным интеллектом играли в шахматы. Лихие парни в ветровках сидели, привалившись к стене. Время от времени кто-нибудь из них хватал пакет и выбегал в ночную тьму.

Несколько сотрудников, с бейджами и без них, насели на Сатурни, не давая ему проходу:

– Подпишите здесь, Джей Си!

– Оперативники с передовой не дают нам подбрасывать подкрепления, Джей Си! Они перекрыли ходы сообщения между окопами!

– Джей Си, профсоюз пилотов предложил применить против бастующих дисциплинарные меры. Можно дать добро?

Неддер даже не удостоил их взглядом, а Сатурни умиротворенно улыбался и молчал.

Лишь когда они подошли к столу белокурой секретарши, стоявшему возле двери, над которой висел лозунг, Неддер неохотно остановился.

– Если будут важные звонки, смело соединяйте, – сказал он ей с горечью. – Больше нет смысла держать нашего гостя в неведении.

Та одарила его ехидной улыбкой.

– Все решено? – спросил он у Сатурни. – Раскроем карты и попытаемся его уговорить?

– Уговорим, – уверенно откликнулся Сатурни.

– Меня только беспокоит твоя досадная привычка выкладывать все начистоту в критической ситуации, – подумав, мрачно добавил Неддер.

– Ха! Да такого лжеца, как я, еще поискать! – рассмеялся Сатурни, однако на его лицо легла тень беспокойства.

Мистер Уитлоу явно не зря потратил пятнадцать минут, отпущенные ему на размышление. В нем зрели замешательство и холодный гнев, причем последний преобладал.

– Увы, господа, – заявил он, – мы никогда не достигнем согласия. Ваш мир погряз в войне, как и все остальные, но скрывает это, надев особенно отвратительную личину.

– Это не война, – весело ответил Сатурни. Радостное возбуждение, приходившее к нему в подобных ситуациях, всегда удивляло Неддера. – Присядьте, мистер Уитлоу, давайте все обсудим. Это «Колобкор», вполне законное коммерческое предприятие.

– «Колобкор»?

– Именно. Колумбийская оборонная корпорация.

– Это полная чушь, не надейтесь обдурить меня, – язвительно ответил Уитлоу. – Называйте себя как угодно: мне теперь ясно, что вы прибрали к рукам политическую власть в своей стране.

– Вы оскорбляете меня, мистер Уитлоу! – с улыбкой сказал Сатурни. – Сожалею, но это так. Я уважаемый предприниматель!

– Но вы же ведете войну! Только правительство может содержать армию и флот.

– Верно, – добродушно отозвался Сатурни. – Они и вправду содержали армию и флот, пока мы не купили то и другое.

– Но это невозможно! – возразил Уитлоу. – Во всех мирах, где я бывал, только правительства ведут войны.

– Вы меня удивляете, – вставил Неддер. – Правительство – старая форма организации общества, корпорации – новая. Согласно законам природы, новые формы постепенно должны вытеснить большую часть старых.

– Примитивных, – уточнил Сатурни.

– У вас вообще нет правительства? – допытывался Уитлоу.

– Есть, конечно, но оно только издает законы.

– Пустой треп! – отрезал Уитлоу. – Как правительство обеспечит исполнение законов без армии?

– Своим авторитетом, – объяснил Неддер. – В былые времена религиозные лидеры насильно обращали людей в веру. Затем центр общественной жизни сместился в сторону от религии, и ради своей выгоды лидерам пришлось изменить методы воздействия. Кроме того, – добавил он серьезно, – мне показалось, что вы против насильственных мер со стороны правительства.

Уитлоу не нашел что возразить и снова сел.

– Правительство объединяет общество, мы делаем все остальное, – подытожил Сатурни. – Говорю вам, мистер Уитлоу, «Колобкор» – законное коммерческое предприятие. Мы трудимся не покладая рук, чтобы удовлетворять запросы клиентов, зарабатывать деньги для акционеров и платить неблагодарным сотрудникам больше, чем они заслуживают.

– Клиенты? – пробормотал Уитлоу. – Акционеры?

– Конечно клиенты. Мы торгуем продукцией оборонного назначения. Помню, как все начиналось. Правительство бездействовало. Преступность цвела буйным цветом. Кругом царил беззаконие. Повсюду вспыхивали беспорядки. Совсем недавно окончилась страшная, бессмысленная война, все кипело недовольством. Людям не нужны были ни армия, ни флот, но они хотели чувствовать себя в безопасности. Что ж, мы продавали им безопасность.

– Теперь мне все ясно! – гневно воскликнул Уитлоу; его глаза метали молнии. – В нашем мире есть нечто подобное. Видно, у вас это явление достигло угрожающих масштабов. Вы рэкетеры!

– Мистер Уитлоу! – Сатурни вскочил на ноги.

Неддер написал: «Держи себя в руках!», но Сатурни проигнорировал предупреждение.

– Опять вы меня оскорбляете! «Колобкор» ни разу не нарушил закона. Хотите, зачитая решение Верховного суда, согласно которому любой человек имеет право носить оружие и нанимать кого-либо, владеющего оружием? Мы так чисты, что ни разу не подавляли забастовки... во всяком случае, по заказу других компаний. Как можно обозвать рэкетом абсолютно законный бизнес?

«Извини, – напечатал Неддер, – мне показалось, ты вот-вот проболтаешься. Отличная речь».

– Так на чем мы остановились? – Сатурни сел за стол. – Ах да. Мы продаем вооружение в первую очередь частным лицам и другим компаниям, особенно тем, которым досаждают рэкетеры. Да-да, мистер Уитлоу, у нас они тоже есть. А также небольшим общинам, уставшим от вечных поборов полиции. Мы сделали своим кредо защиту чести и достоинства; мы постепенно расширяли дело, снижали цены на свою продукцию. Потом грянула чудовищная война.

– Между тем похожие события затронули все сферы общественной деятельности, – подхватил Неддер, давая ему передышку. – «Комежот» – Корпорация международных отношений – подмяла под себя все, кроме чисто формальной деятельности дипломатического корпуса. Социальные учреждения соревновались в том, кто сделает своих клиентов счастливее за наименьшую сумму.

– Когда началась война, – решительно продолжил Сатурни, – люди расхватывали товар, наши акции резко поднялись. Мы увеличили производство – в течение многих лет переманивали лучших офицеров армии и флота. За бесценок выкупили у правительства весь персонал с экипировкой. Начали грандиозную кампанию по продаже товаров, в том числе соседним странам. Мы...

Уитлоу прервал его, нервно взмахнув рукой. На его лице отразилось замешательство.

– Правильно ли я вас понял? Неужели вы развязали войну...

– Организовали оборону.

– ...сделав из нее коммерческий проект? Вы продаете ее, как обычный товар? Выпускаете акции, которые дорожают или дешевеют в зависимости от ваших успехов и неудач?

– Правильно, мистер Уитлоу. Вот почему вы не видели газетных заголовков о войне. О ней пишут в финансовом разделе.

– Вы не призываете солдат...

– Оперативников.

– ...а просто нанимаете их, как рабочих?

– Совершенно верно. Хотя, как правило, они получают эту работу не сразу. Сначала трудятся на оружейной фабрике, где узнают все о нашем оружии и о боеприпасах. Затем их перебрасывают на транспорт и в логистику, чтобы они узнали эту сторону дела. После чего у них появляется шанс получить местечко на передовой и приличные деньги.

– Хотите сказать, ваши солдаты...

– Оперативники.

– ...получают больше других работников?

– Естественно.

– Но это отвратительно! – веско заметил Уитлоу, словно хватался за любую возможность, чтобы не дать угаснуть своему недовольству. – В моем мире тоже есть солдаты, но мы не платим им больших денег и не растим гнойников вроде вашего.

– Почему? В вашем мире оперативники получают меньше рабочих? Или им не платят вовсе?

– Нет! – сердито ответил Уитлоу. – Фабричные рабочие хорошо зарабатывают. У нас есть твердые расценки.

– Но это ужасно! – воскликнул потрясенный Сатурни. – Ведь боец на передовой должен обладать всевозможными навыками. Кроме того, его труд так же опасен, как добыча полезных ископаемых или водолазные работы.

Уитлоу сник.

– Выходит, – спросил он удивленно, – люди, которые недавно ворвались сюда, всерьез говорили о забастовке оперативников на фронте?

– Верно.

– Как же вы допустили подобное? Ведь беспорядки на руку врагу. – Уитлоу вытаращил глаза на Сатурни. – А кто ваш враг?

– На сегодняшний день – «Отечественный синдикат», – беззаботно ответил Сатурни. – Не тревожьтесь, мистер Уитлоу, парни устроили небольшую сидячую забастовку. Когда потребуются, они будут крепко держать оборону... Хуже всего, что придется отложить «большой толчок», – добавил он загадочно.

– Значит, вы и вправду участвуете в войне, в настоящей войне? Ваш бизнес – война?

– Разумеется, мистер Уитлоу, – терпеливо сказал Сатурни. – Мы стараемся защитить наших клиентов без вооруженной борьбы, но, если нет другого выхода, приходится сражаться. «Колобкор» всегда выполняет свои обязательства.

– Значит, это обычная война? Сражения, оккупация, блокада, уничтожение армии противника?

– Ликвидация его предприятия, – уточнил Сатурни. – Впрочем, все мы – деловые люди и стараемся обойтись без потерь. Конечно, жертвы неизбежны, – Сатурни пренебрежительно взмахнул ладонью, – но они не играют большой роли, все зависит от текущей финансовой ситуации.

– В самом деле?

Неддер заметил, как в глазах Уитлоу вспыхнуло любопытство, слегка ослабил бдительность, и его пальцы снова ожили: «Продолжай в том же духе. Ты на верном пути, только не заводись».

– Мистер Уитлоу, – Сатурни подался вперед с сияющей улыбкой, – я могу довериться вам, поскольку вы из другого мира и все происходящее здесь ничего для вас не значит. – Видите ли, – продолжил он, немного подумав, – это строжайшая тайна, но через несколько дней «Колобкор» возьмет верх над «Отечественным синдикатом». Мы скупили акции участников синдиката через подставные компании, замаскированные под холдинги из нейтральных стран. «Большой толчок» должен главным образом вызвать беспокойство у некоторых людей и побудить их расстаться со своими акциями. Скоро в наших руках окажется больше пятидесяти процентов капитала, и тогда, мистер Уитлоу, война закончится, будто по щелчку пальцев. – Он подкрепил свои слова жестом.

– То есть вы всего лишь стараетесь завладеть контрольным пакетом акций вражеской компании? – озадаченно спросил Уитлоу.

– Конечно.

– И враги подчинятся?

– А что им остается? Дело есть дело.

– И вам не придется нападать и уничтожать их? Вы сможете предотвратить множество смертей и страшные разрушения? Не потеряете массу своих оперативников?

– Не больше, чем в мирное время, – пожал плечами Сатурни.

– Мистер Сатурни, у меня есть для вас предложение! – Уитлоу поднялся и протянул руку, словно для рукопожатия; глаза его теперь горели всепоглощающим фанатичным интересом. – Можете проделать нечто подобное в моем мире?

– Гм... Надо все хорошенько обдумать. Задача не из простых, мистер Уитлоу.

Сатурни откинулся на спинку кресла и нахмурился. Неддер с наслаждением наблюдал, как ловко он скрывает ликование, притворяясь сомневающимся.

– Проход в мой мир я обеспечу, – торопливо продолжил пацифист, – а вы доставите все необходимое: оперативников и... вражеских агентов.

– Ну, не знаю... – колебался Сатурни. – В вашем мире существует бизнес или всем управляет государство? Если второе, то нам будет очень трудно внедриться.

– О, с этим у нас полный порядок, – заверил Уитлоу. – Впрочем, в настоящее время бизнес несколько погряз в долгах.

– А остались страны, сохранившие нейтралитет? Или все втянуты в войну?

– Некоторые еще держатся.

Сатурни задумался. Уитлоу с нетерпением ждал его решения.

– Что ж, на первых порах придется действовать осторожно, – наконец задумчиво произнес Сатурни. – Нужно исследовать рынок, оценить перспективы, открыть пилотные представительства, подумать о привлечении партнерских фирм: вот тут и пригодятся нейтральные страны. – Он воодушевлялся все больше. – Затем мы организуем производство, наберем работников – из обоих миров. Далее запустим пробные кампании, позондируем почву, создадим предварительную рекламу, обеспечим продвижение продукции. А после этого приступим к делу. И если удастся продвинуться так далеко, – обратился он к Уитлоу, – считайте, что успех у нас в кармане. Ведь мы все бизнесмены, а у них, возможно, половина бизнесменов и половина чиновников: жуткая комбинация.

Уитлоу нетерпеливо кивнул. «Он клюнул, Джей Си!» – написал Неддер.

– Поначалу продадим товар нейтральным странам, – властно заявил Сатурни, положив руку на стол. – Они больше всего нуждаются в защите, поскольку не знают, с какой стороны ждать нападения. Попутно начнем нанимать людей для выполнения небольших заказов воюющих стран, выступая как известные производители вооружения. Может, нейтральные страны подвергнутся нападению, тогда появится шанс продемонстрировать нашу продукцию, или рабочих мест станет больше, или случится то и другое. – Он неслась вперед на всех парах. – Так или иначе, наши акции взлетят до небес. Далее построим новые заводы, увеличим персонал, запустим масштабную кампанию по сбыту. Люди будут доверять нам больше, чем армии своего правительства. Выберем могущественную державу – ту, что ближе к краху, не важно какую, – и приберем ее к рукам, а противника перехитрим и перекупим, нанесем сокрушительный удар сразу на финансовом фронте и на театре военных действий. Затем...

Заворковал телефон. Сатурни снял трубку и гаркнул:

– Да? – Заметив, как замороженный Уитлоу в нетерпении подался вперед, он проворчал: – Обязательно беспокоить меня по мелочам вроде забастовки, когда я занят важным делом? – Толстяк злорадно ухмыльнулся. – А, это ты, Далджер? Говоришь, зря я отправляю виски парням на передовую? Ну а как бы ты запел, окажись на их месте, по колено в грязи? – (Стены задрожали от громовых раскатов.) – Слышал, Далджер? Это «большой толчок». О, по-твоему, я виноват в продажности моих людей? Прекрасно! Возможно, в один прекрасный день ты станешь настоящим мужиком, вот тогда я и вступлю в профсоюз... Затем... – едва успел произнести он, обернувшись.

– Затем, мистер Сатурни, – подхватил Уитлоу, опьяненный его речами, – наступит золотой век. – Пацифист говорил осипшим, дрожащим голосом, под грохот орудий, с исступленным восторгом во взоре. – Эпоха, прихода которой всегда желали лучшие умы, благороднейшие сердца. Ваш мир скоро станет Утопией, царством всеобщего братства и благоденствия, кото-

рые вы затем принесете в мой мир. Свершится полное очищение – ненависть и алчность, раздоры и войны навеки канут в небытие. Я говорю о самом драгоценном благословении, мистер Сатурни! Я говорю о мире.

– Что?! – Сатурни медленно встал по-медвежьи, на полусогнутых ногах; шея побагровела.

Напрасно Неддер дергал его за рукав и писал: «Не надо, Джей Си! Нет! НЕТ!»; напрасно прибегал к крайним мерам, силясь урезонить босса. С тем же успехом он мог успокаивать разгневанное божество. Сатурни страшно взволновался, в нем ожил дремавший правдолюбец. Теперь никакая сила не могла остановить эту машину.

– Вы... вы смеете говорить Джону Сатурни о мире, зная, что война – дело всей его жизни?! – Он возвышался над ошеломленным пацифистом, словно древний идол. – Думаете, я разрушу глобальную организацию, которую создал своими руками?! – грохотал он. – Брошу клиентов на растерзание псам?! Разорю акционеров?! Обреку миллионы преданных сотрудников на безработицу и вызову беспорядки?! Нет, мистер Уитлоу, я с радостью откликнусь на вашу просьбу, однако зарубите себе на носу: если «Колобок» возьмется за ваш мир, война не закончится никогда! – Он глубоко вздохнул и выпрямился. – Возможно, вы не обратили внимания на девиз над дверью моего кабинета: «Если вспыхнет большая война, „Колобок“ встанет у руля!»?

Пацифист отпрянул в ужасе, не веря своим ушам.

– Я... вы... – пробормотал он неразборчиво и заскулил: – Чудовище! Я не буду иметь с вами никаких дел!

– О нет, будете! – Сатурни мягкой поступью обогнул стол. – Сейчас вы нам покажете, как путешествовать во времени.

Он неумолимо приближался. Пацифист попятился и уперся в угол, нащупывая свое пальто.

– Мы были с вами терпеливы, мистер Уитлоу, но с меня хватит. Не выношу предателей.

Посетитель выудил из кармана нечто похожее на серое яйцо и принялся лихорадочно вертеть его в руках.

– Мы завладеем вашим секретом, мистер Уитлоу, хотите вы этого или нет. – Сатурни приблизился вплотную. – Держи его, Неддер! – крикнул он внезапно. – Держи!

Сатурни ринулся, как медведь, Неддер поспешил на подмогу, совершив невероятный прыжок, но его руки схватили лишь воздух.

Оба поднялись на ноги и огляделись. Мистера Уитлоу как не бывало.

Довольно долго они молча смотрели друг на друга. С трудом стряхнув оцепенение, Сатурни медленно вернулся к столу, сел и прижал ладони к лицу.

– Он исчез, – еле слышно произнес Неддер. – Растаял, улетел по спирали в изменчивое будущее... Ты... честный жирный болван! – накинута на начальника, разя его гневными словами, словно клинком. Глаза его метали молнии, черная борода потрескивала, будто наэлектризованная. – Удивляюсь, как тебе вообще удалось продержаться так долго, даже с моей скрытой поддержкой. Ведь ты его почти уломал. В наших руках были миры, созревшие для завоевания и эксплуатации, – миры, где можно получать сверхприбыль. А тебе вдруг пришло в голову сказать правду – и спугнуть его, сорвав сделку. Ты просто безмозглый бабун!

– Знаю, – простонал Сатурни, плотнее прижав руки к лицу.

Неддер соорудил напоследок злобную гримасу и вздохнул с облегчением, едва удержавшись от улыбки.

Сатурни виновато подглядывал за ним сквозь пальцы-сардельки.

– Послушай, Недди, – произнес он тихо, – может, оно и к лучшему, что нам не удалось проверить эту сделку. Ты же знаешь мою привычку: делаю одно, а думаю другое. Вот и на сей раз, пока уламывал этого парня, в голове крутились совсем иные мысли. Наш мир, навер-

ное, особенный – мы превыше всего ценим бизнес, деньги, деловые интересы. Таков основополагающий принцип. Если проблема решается по-деловому, нам никогда не придет в голову искать альтернативу. А вдруг в чужих мирах люди поступают иначе? В это трудно поверить, но, возможно, они не рассматривают бизнес как цель. Должно быть, люди там совсем ненормальные... если они похожи на этого Уитлоу! – заключил он с облегчением.

Требуется неприятель³

Яркие звезды марсианского неба сияющей крышей нависли над фантастической картиной. Существо, обладающее оптическим зрением, увидело бы землянина, одетого в самые обычные пиджак и брюки жителя двадцатого столетия. Землянин стоял на валуне, торчащем фута на четыре из ржавого песка. Его лицо было костлявым и аскетичным, глаза в глубоких глазницах неистово сверкали. Время от времени длинные волосы падали на глаза. Губы безостановочно двигались, обнажая большие желтоватые зубы, и перед ртом висело облачко слюны – человек произносил речь, причем на английском языке. Он так сильно напоминал старомодного уличного оратора, что хотелось поискать глазами фонарный столб, толпу слушателей с тупыми лицами на тротуаре и прохаживающегося поблизости полицейского.

Но загадочный шар мягкого сияния, в котором пребывал мистер Уитлоу, бросал блики на лаково-черные панцири и ноги, немного похожие на многократно увеличенные муравьиные. Каждое существо из собравшихся вокруг валуна имело метровой длины овальное туловище без отверстий на лоснящемся панцире, кроме маленького рта, который через равные промежутки времени открывался и закрывался подобно скользящей двери. К этому туловищу крепились восемь членистых конечностей; внутренние пары заканчивались очень ловкими рабочими органами.

Прямо перед мистером Уитлоу, чуть в стороне от остальных, пристроилось еще одно существо. По бокам от него расположились еще двое, чьи отливающие серебром панцири вызвали мысль о ветровой эрозии и, стало быть, о солидном возрасте.

А вокруг этого сборища – черная пустыня, чьи границы очерчены лишь отсутствием звездных полей. Низко над горизонтом сверкает лазурная Земля – вечерняя звезда Марса, а рядом с ней – тонкий полумесяц Фобоса.

Марсианским жесткокрылам эта картина виделась совершенно иначе, поскольку их сенсорная система разительно отличалась от любых других, даже самых утонченных. Мозг, спрятанный в глубине тела, непосредственно ощущал все находящееся в радиусе пятидесяти метров. Для них голубая Земля была всего лишь рассеянным фотонным облачком чуть выше порога восприятия, но все же немного не таким, как облачка-звезды и тусклое облачко-Луна. Жесткокрыл не получил бы должного представления о Земле без помощи линз, позволяющих создать ее образ внутри его области восприятия. Собственный дом марсианам представлялся песчаной полусферой, пронизанной ходами различных ползучих и многоногих копателей.

Сейчас каждый жесткокрыл ощущал бронированные ячеистые тела соседей, ловил их мысли. Но его внимание было сосредоточено на этом мягком, беззащитном, нелепо скомпонованном организме, который считал себя мистером Уитлоу, – удивительно мокрой форме жизни, неведь как появившейся на сухом Марсе.

Физиология жесткокрылов была типичной для истощенной планеты. Их скорлупа была двойной, пространство между стенками ночью освобождалось, чтобы сохранять тепло, а днем заполнялось, чтобы поглощать его. Легкие – настоящие аккумуляторы кислорода – были приспособлены к разреженной атмосфере. На сто вдохов приходился один выдох. Рот, этот двойной клапан, позволял создавать высокое внутреннее давление. Вдыхаемый кислород использовался стопроцентно, а выбрасывались двуокись углерода и другие респираторные выделения. Эти редкие и чрезвычайно зловонные струйки заставляли мистера Уитлоу морщить нос.

А вот что позволяло мистеру Уитлоу существовать и даже произносить речь в стуже при недостатке кислорода – оставалось неясным. Это было так же любопытно, как и вопрос об источнике мягкого сияния, которое окружало землянина.

---

³ Перевод С. Славгородского.

Обмен информацией между человеком и его аудиторией происходил телепатически. Но по просьбе жесткокрылов мистер Уитлоу говорил вслух, поскольку, как у большинства нетелепатов, его мысли упорядочивались и прояснялись в процессе речи. Звуки голоса быстро затухали, в разреженном воздухе они как будто вылетали из-под патефонной иглы без усилителя, что увеличивало жуткую нелепость неистовых жестов и гримас.

– Итак, – хрипло произнес мистер Уитлоу, отбрасывая длинные волосы со лба, – я возвращаюсь к моему первоначальному предложению: не хотите ли вы напасть на Землю?

А мы, мистер Уитлоу, промыслил главный жесткокрыл, возвращаемся к нашему первоначальному вопросу, на который вы так и не ответили: зачем нам это?

Судя по очередной гримасе, мистер Уитлоу терял терпение.

– Как я уже неоднократно говорил, я не могу все полностью объяснить. Но уверяю вас в моем чистосердечии. Я обещаю обеспечить транспортировку и всемерно облегчить вам выполнение задачи. Видите ли, вторжение должно быть чисто символическим. Вскоре вы вернетесь на Марс с трофеями. Уверен, вы не упустите такой шанс.

Мистер Уитлоу, «заговорил» главный жесткокрыл с юмором таким же ядовитым и сухим, как и сама его планета, я не могу прочесть ваши мысли, если вы не произносите их вслух. Они слишком запутанны, но я ощущаю предубеждение. Вы основываетесь на совершенно неверном понимании нашей психологии. Очевидно, в вашем мире принято представлять разумных инопланетян злобными чудовищами, стремящимися лишь разрушать, уничтожать, тиранить; мечтающими обрушить невообразимые жестокости на существа менее развитые, чем они сами.

Мы древняя раса. Мы переросли страсти, изжили тщеславие, забыли честолюбивые устремления нашей юности. Мы не принимаем никаких планов, если они не обусловлены здравыми и весомыми причинами.

– Но если проблема только в этом, то вы, несомненно, видите выгоду моего предложения: почти никакого риска – и ценная добыча.

Главный жесткокрыл прочнее устроился на своем валуне, и его мысли упорядочились.

Мистер Уитлоу, позвольте напомнить, что нас всегда было трудно втянуть в войну. За всю историю нашими единственными врагами были моллюски из бескрайних океанов Венеры. В пору рассвета своей культуры они прибывали в заполненных водой кораблях с целью покорить нас; случилось несколько длительных ожесточенных войн. Но в конце концов и венериане обрели расовую зрелость и некоторую бесстрастную мудрость, пусть и не равную нашей. Было достигнуто вечное перемирие, с условием, что каждая сторона остается на своей планете и больше не устраивает набегов. Веками мы соблюдали этот договор, веками пребывали в добровольной изоляции. Теперь вы понимаете, мистер Уитлоу, что нам невыгодно принимать от вас столь неожиданное и странное предложение.

Прошу слова! – вмешался старый жесткокрыл, сидевший справа от главного. Его мысли молнией метнулись к Уитлоу. Земляшка, ты обладаешь силами, которые, возможно, даже превосходят наши. Твое появление на Марсе без видимого транспортного средства и способность переносить холод без серьезной термоизоляции – достаточные тому доказательства. Насколько мы поняли, другие обитатели твоей планеты не обладают такими силами. Почему бы тебе самому не напасть на соплеменников, подобно бронированному ядовитому червяку-отшельнику? Зачем тебе наша помощь?

– Друг мой, – веско сказал Уитлоу, наклоняясь вперед и вонзая взгляд в серебристую раковину старейшины, – я считаю войну подлейшим занятием, а активное участие в ней – величайшим злодеянием. И тем не менее я пожертвовал бы собой, если бы мог таким образом добиться цели. К сожалению, не могу. Не возникнет психологический эффект, который мне нужен. Более того... – Он помолчал в замешательстве. – Должен признать, я еще не вполне подчинил себе силы, о которых вы говорите. Я их не понимаю. Волею непостижимого Прови-

дения в мои руки попало удивительное устройство – вероятно, творение существ, которым нет равных по развитию в нашей Вселенной. Оно позволяет мне путешествовать в пространстве и во времени, защищает от опасностей, дает тепло и свет, сгущает марсианскую атмосферу вокруг меня так, что можно нормально дышать. Но что касается более широкого использования – очень велика вероятность, что устройство выйдет из-под контроля. Мой небольшой эксперимент имел катастрофические последствия, повторить его я не рискну.

Старый жесткокрыл частным образом обменялся мыслями с главным:

Может, я попробую загипнотизировать его помрачившийся разум и отобрать это устройство?

Давай.

Только боюсь, что оно защищает его разум так же надежно, как и тело.

Мистер Уитлоу, резко сказал главный, вернемся к доводам. С каждым произнесенным словом ваше предложение становится все более безрассудным, а мотивы все менее ясными. Если вы хотите нас заинтересовать по-настоящему, то должны честно ответить на вопрос: зачем нужно, чтобы мы напали на Землю?

Уитлоу поежился:

– Именно на этот вопрос я не хотел бы отвечать.

Хорошо, сформулируем по-другому, настойчиво продолжал главный. Какую личную выгоду вы намерены извлечь из нашего нападения?

Уитлоу вытянулся как струна и поправил галстук.

– Никакой! Абсолютно никакой! Для себя я ничего не добиваюсь.

Вы хотите править Землей? – допытывался главный.

– Нет! Нет! Я ненавижу любую тиранию.

Значит, месть? Земля обидела вас и вы пытаетесь ее наказать?

– Нет! Я не опускаюсь до такого варварства. Я никого не обвиняю и ни к кому не питаю ненависти. Ни малейшего желания причинять вред.

Ну-ну, мистер Уитлоу! Вы только что просили нас напасть на Землю. Как же это согласуется с вашими чувствами?

Уитлоу растерянно закусил губу.

Главный быстро спросил старого:

Как успехи?

Ничего не получается. За его разум чрезвычайно трудно ухватиться. И, как я предвидел, он защищен.

Взгляд Уитлоу остановился на очерченном звездами горизонте.

– Я и так сказал вам очень многое, – произнес он. – Исключительно по той причине, что я обожаю Землю и человечество, прошу вас напасть на нее.

Вы выбрали странный способ выражения любви, заметил главный.

– Я хочу, – продолжил Уитлоу чуть оживленней, но по-прежнему глядя в пустоту, – чтобы ваше нападение предотвратило войну.

Все загадочней и загадочней. Развязать войну, чтобы предотвратить ее? Этот парадокс требует разъяснения. Берегитесь, мистер Уитлоу, как бы я не впал в заблуждение и не начал считать инопланетян злобными слабоумными чудовищами.

Взгляд Уитлоу переместился на главного. Затем землянин шумно вздохнул.

– Пожалуй, и впрямь придется объяснить, – пробормотал он. – Вероятно, вы бы и сами узнали в конце концов. Хотя проще было, если б не узнали... – Уитлоу отбросил непослушные волосы и утомленно помассировал лоб. А когда заговорил снова, уже гораздо меньше походил на оратора. – Я пацифист. Моя жизнь посвящена благородной задаче предотвращения войн. Я люблю людей. Но они погрязли в грехах и заблуждениях; они в плену у своих низменных

страстей. Вместо того чтобы, взявшись за руки, шагать к возвышенным целям, земляне постоянно конфликтуют, устраивают гнусные войны.

Возможно, на то есть причины, мягко предположил главный. Какие-то общественные противоречия, нуждающиеся в смягчении? А может...

– Не надо, – раздраженно перебил Уитлоу. – Войны становятся все более жестокими, кровопролитными. И я, и другие пацифисты обращались к здравому смыслу большинства, но тщетно. Люди упорствуют в своих заблуждениях. Я ломал голову в поисках решения. Рассматривал все мыслимые средства. С тех пор как мне в руки попало это... э-э... устройство, я искал в космосе и даже в других временных потоках секрет предотвращения войн. Безуспешно. Те разумные расы, которые я обнаружил, либо сами занимались войнами, либо никогда не знали их. Это, конечно, очень любезные существа, но я не получил от них никакой полезной информации... А кое-где войны были настолько опустошительны, что не оставили ничего, за что стоило бы бороться.

Как у нас, подумал главный, но ни с кем этой мыслью не поделился.

Пацифист простер ладони к звездам:

– Так что я снова был вынужден обойтись собственными силами. Я всесторонне изучил человечество. Постепенно убедился, что самая худшая его черта – и одна из тех, что наиболее ответственны за войны, – это чрезвычайно раздутое самомнение. На моей планете человек – венец творения. Все другие виды равны, ни один не превалирует. Хищники соперничают с хищниками из-за мяса, травоядные конкурируют из-за трав и листьев. Даже рыба в морях и мириады кишачих в крови паразитов делятся на виды и подвиды, обладающие примерно равными возможностями. И все это способствует скромности и чувству реальности. Никакие виды животных не склонны тотально уничтожать друг друга, так как это расчистило бы дорогу третьим видам. И лишь у человека нет серьезных конкурентов. В результате человек приобрел манию величия, а заодно мании преследования и ненависти. В отсутствие ограничений, которые поставила бы конкуренция, он заполнил свой дом – свою планету – нескончаемыми внутривидовыми войнами.

Некоторое время я обосновывал мою идею. С тоской размышлял о том, что развитие человечества могло бы пойти совершенно иным путем, если бы пришлось делить планету с другим видом, равным по разуму. Скажем, с каким-нибудь морским народом, способным создавать машины... Я вспомнил, что при величайших природных катастрофах, таких как пожары, наводнения, землетрясения и моры, люди прекращают распри и работают плечом к плечу – бедные и богатые, враги и друзья. К сожалению, сотрудничество длится только до тех пор, пока люди не докажут в очередной раз свое превосходство над окружающей средой, – и снова надо ждать отрезвляющей угрозы. И тут... на меня снизошло откровение.

Взгляд мистера Уитлоу скользнул по черным раковинам – беспорядочной мозаике атласных серповидных пятен вокруг светящейся сферы. Точно так же и его разум скользнул по скрытым, будто броней защищенным мыслям.

– Мне вспомнился случай из детства. Однажды радио – мы используем вибрации высокой частоты, чтобы передавать звук, – транслировало шуточный, но правдоподобный репортаж о вторжении на Землю жителей Марса, обладателей той злобной и разрушительной натуры, которую, как вы сказали, мы склонны приписывать всем инопланетянам. Многие поверили этому репортажу, ненадолго вспыхнула паника. И вот мне представилось, как при первых же признаках настоящего вторжения воюющие народы забудут свои разногласия и встанут бок о бок, чтобы встретить захватчиков. Люди осознают: то, из-за чего они сражались, на самом деле пустяки, фантомы, порождения дурного настроения и страха. К человечеству вернется чувство реальности. Оно поймет, что самое главное – отразить всеобщего врага, и гордо примет вызов. Ах, друзья! Когда перед моими глазами возникла картина, как враждующие народы при первом же ударе объединяются навечно, я задрожал от волнения и утратил дар речи... Я...

Даже сейчас, столько лет спустя, его душили эмоции.

Очень интересно, вкрадчиво промыслил старший жесткокрыл, но не противоречит ли предлагаемый вами метод той высочайшей морали, которую я ощущаю в ваших признаниях?

Пацифист склонил голову:

– Друг мой, вы совершенно правы – по самому большому счету. Однако позвольте заверить, – живость вернулась к нему, – что в тот день, когда возникнет вопрос о межпланетных отношениях, вы увидите меня в авангарде борцов за интернационализм. Я буду добиваться полного равенства для жесткокрылов и людей. Но это дело будущего. – Его глаза, лихорадочно блестящие, снова смотрели из-под волос, упавших на лоб. – Сначала необходимо прекратить войны на Земле. Повторяю, ваше вторжение должно быть чисто символическим: чем меньше крови, тем лучше. Видимость внешней угрозы станет достаточно убедительным доказательством того, что у человека есть равные или даже превосходящие его соседи по Вселенной, и этот факт вернет людям естественную точку зрения, спаяет их единым устремлением на общее благо и установит вечный мир!

Он вскинул руки и мотнул головой назад. Челка легла на свое место, но галстук опять выскочил наружу.

Мистер Уитлоу, промыслил главный с холодным сарказмом, если вы возомнили, что мы согласимся вторгнуться на чужую планету ради корректировки психологии ее обитателей, то вам лучше расстаться с этой идеей раз и навсегда. Землянки нам совершенно неинтересны. Их цивилизация столь молода, что мы бы ее и не заметили, если бы вы не привлекли к ней нашего внимания. Пусть воюют, сколько им вздумается. Пусть перебьют друг друга. Нам до них дела нет.

Уитлоу оторопело моргнул и возмущенно начал:

– Почему... – но сразу опомнился и сменил тон: – Речь вовсе не о том, чтобы напасть с гуманитарными целями. Я уже упоминал о возможной добыче...

Вряд ли у земляшек найдется что-нибудь ценное для нас.

Пацифист чуть не свалился со своего пьедестала. Он что-то забормотал, но снова прервался на полуслове. В глазах зажглась искра понимания.

– Вероятно, вас сдерживает угроза возмездия венерианских моллюсков за нарушение древнего договора?

Дело вовсе не в этом, промыслил главный, впервые выказывая некоторое высокомерие, порожденное жизнью в вековой сухости. Как я уже сказал, моллюски, безусловно, низшая раса. С чего бы нам бояться этих жалких обитателей вод? Мы их не видели уже много веков. Да они, наверное, давно вымерли. И уж конечно, нас бы не остановил ни на минуту этот замшелый договор, если бы возникла перспектива получить хотя бы малейшую выгоду от его нарушения.

Мысли Уитлоу пришли в смятение, его руки с червеобразными пальцами бессмысленно зажестичулировали. Вынужденный вернуться к своему первоначальному аргументу, он неуверенно заговорил:

– Но должна же быть какая-то добыча, которая оправдает ваше вторжение. Земля богата кислородом, водой, минералами и жизненными формами – всем тем, в чем Марс испытывает дефицит.

Насчет дефицита вы совершенно правы, ответил главный. Однако наш быт, сложившийся за тысячелетия, вполне соотносится с этими условиями. Собирая межзвездную пыль по соседству с Марсом, разумно применяя трансмутацию элементов и другие технологии, мы обеспечиваем себя необходимым сырьем. Земное изобилие поставит нас в затруднительное положение, нарушит систему. Избыток кислорода вынудит нас осваивать новый темп дыхания, чтобы избежать кислородного опьянения, и уже одно это делает вторжение на Землю рискованным. Подобные опасности таит в себе перенасыщение другими элементами и соеди-

нениями. *Что же до отвратительно кишащих жизненных форм, то ни одна из них не сможет стать полезной вам на Марсе. Разве что какая-то из них найдет пристанище в наших телах и вызовет эпидемию.*

Уитлоу вздрогнул. Сознал он это или нет, но его патриотические чувства были оскорблены.

– Все же вы упускаете из виду нечто важное, – убеждал он. – А именно плоды земной цивилизации. Люди изменили лик своей планеты гораздо существенней, чем вы – своей. Расчертили ее удобными дорогами. Они не прозябают под открытым небом, как вы, а построили обширные города. Они создали всевозможные транспортные средства. Конечно же, многое из этих ценных вещей вам придется по нраву.

Маловероятно, возразил главный. Я не вижу в ваших доводах ничего такого, что могло бы вызвать у нас даже малейший интерес. Мы адаптировались к окружающей среде. Мы не нуждаемся в одежде, домах и прочих артефактах, которые требуются вам, плохо приспособленным к жизни земляшкам. Наше господство над собственной планетой превосходит ваше, но мы не рекламируем его столь назойливо. Из картины, нарисованной вами, я понял, что вы, земляшки, страдаете гигантоманией и грубым, ничем не прикрытым эксгибиционизмом.

– Но ведь есть еще механизмы, – настаивал Уитлоу, задыхаясь от гнева и дергая воротничок. – Сложнейшие машины для различных целей. Они могут быть полезны другим существам так же, как и нам.

Да, представляю себе, ядовито отозвался главный. Огромные неуклюжие монстры из колес и рычагов, из проволоки и трубок. Нет, наши тела всяко лучше.

Он быстро послал вопрос старшему:

Ну как, ослабил ли гнев защиту его разума?

Еще нет.

Уитлоу предпринял последнее усилие, с огромным трудом сдерживая негодование:

– Кроме всего прочего, есть искусство. Культурные сокровища неизмеримой ценности. Произведения существ, творчески одаренных гораздо больше, чем вы. Живопись, скульптура, музыка...

Мистер Уитлоу, не делайте из себя посмешище, сказал главный. Искусство бессмысленно вне его культурного окружения. Что интересного можно ожидать от примитивного самовыражения незрелой расы? Более того, ни один из тех видов искусства, что вы перечислили, не может быть приспособлен к нашему способу восприятия, исключая скульптуру, а в этой области наши достижения неизмеримо выше, поскольку мы непосредственно воспринимаем объем. Ваше восприятие – всего лишь улавливание теней, ограниченное неестественными двухмерными образами.

Уитлоу выпрямился и скрестил руки на груди.

– Отлично, – процедил он. – Вижу, что не смогу уговорить вас. Но... – Он наставил палец на главного. – Позвольте все же кое-что сказать. Вы презираете людей, называете нас примитивными и незрелыми. Вы поливаете грязью нашу промышленность, науку, искусство. Вы отказываетесь помочь нам в беде. Вы полагаете, что можете пренебречь нами. Отлично. Продолжайте в том же духе – посмотрим, что произойдет! – В его глазах загорелся мстительный огонь. – Я знаю моего соплеменника – человека. Войны сделали его деспотичным и предприимчивым. Он поработил животных, обитающих в полях и лесах. Когда может, он порабощает и себе подобных, а когда не может, опутывает их неосязаемыми цепями экономической зависимости и благоговения перед его престижем. Он тупая марионетка своих низменных инстинктов, но в то же время он талантлив и чертовски упорен и у него безграничные амбиции! Он уже овладел атомной энергией и научился делать ракеты. Через несколько десятилетий у него будут космические корабли и субатомное оружие. Продолжайте его презирать – и ждите! Постоянные войны вынуждают человека совершенствовать оружие до невообразимого уровня. Ждите,

когда он появится на Марсе во всей своей мощи! Ждите, когда он встретится с вами и поймет, какими замечательными рабами вы можете стать, с вашей потрясающей приспособляемостью ко всем видам окружающей среды. Ждите, когда он поссорится с вами, победит вас и загонит в зловонные трюмы и заставит трудиться в недрах земли и на океанском дне, в стратосфере и на планетоидах. Да, ждите – и обязательно дождетесь!

Уитлоу прервал речь. Его грудь вздымалась; некоторое время он испытывал лишь злобное удовлетворение оттого, что все высказал этим несносным жукоподобным созданиям. Затем огляделся...

Жесткокрылы приближались. Отвратительные паучьи силуэты передних почти вторгались в его защитную сферу. Точно так же приближались и их мысли, образовав стену угрозы более черную, чем окружающая марсианская ночь. Исчезли так раздражавшие Уитлоу высокомерное веселье и холодная рассудочность. Забрехала догадка, что он каким-то образом пробился сквозь броню, попал в самое уязвимое место.

Он поймал мысль старого, адресованную главному:

Если другие хоть немного похожи на этого мистера Уитлоу, они поступят в точности как он сказал. Еще одно подтверждение.

Он медленно крутил головой, глядя сквозь опять свалившуюся на глаза челку, и пытался понять, из-за чего так резко изменилась позиция жесткокрылов. Его озабоченный взор остановился на главном.

Мы передумали, мистер Уитлоу, хмуро произнес главный. Я вам сразу сказал, что мы не колеблемся в принятии решений, когда располагаем ясными и убедительными аргументами. Если глупые доводы относительно гуманности и добычи были явно неудачными, то ваша последняя вспышка убедила нас. Все именно так, как вы говорите. Землянки в конце концов нападут на нас, и даже с некоторой надеждой на успех, если мы будем пассивны. По логике мы должны принять меры, и чем скорее, тем лучше... Проведем разведку, и если условия на Земле таковы, как вы утверждаете, то мы нападём.

Из глубин замешательства и уныния Уитлоу мигом взмыл на вершину энтузиазма. Казалось, его долговязое тело вытянулось еще больше. Он снова убрал волосы со лба.

– Отлично! – воскликнул Уитлоу, а затем взволнованно зачастил: – Конечно, я сделаю все, что смогу! Я обеспечу транспортировку... Я...

В этом нет нужды! – решительно прервал его главный. Мы не более доверяем вашим сверхъестественным возможностям, чем вы сами. У нас есть космические корабли, вполне пригодные для такого предприятия. Мы не выставяем их напоказ, как и не хвастаемся другими техническими достижениями нашей культуры. В отличие от вас, земляшек, мы не носимся бесцельно туда-сюда. Тем не менее кораблей у нас накоплено достаточно на случай необходимости.

Но даже этот презрительный отказ не испортил ликования мистера Уитлоу. Землянин сиял, лихорадочно блестящие глаза смаргивали слезы радости, судорожно дергался кадык.

– Ах, друзья мои!.. Дорогие друзья! Если бы я мог выразить, что это означает для меня! Если бы я мог описать, как счастлив, с каким восторгом представляю великий момент! Когда люди выглянут из своих окопов и блиндажей, из бомбардировщиков и истребителей, из жилищ и цехов, из наблюдательных постов и штабов и увидят угрозу в ночных небесах! Когда их жалкие амбиции спадут, как грязные лохмотья! Когда люди разрежут колючую проволоку иллюзорной ненависти и возьмутся за руки, как истинные братья, чтобы встретить общего врага! Когда, выполнив общую задачу, они добьются прочнейшего мира!

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Влажные глаза любовно взирали на голубую звезду, чуть возвышавшуюся над горизонтом.

Да, проникла в его мозг сухая мысль главного, для обладателя такого темперамента эта сцена будет очень радостной и трогательной. Но недолго...

Уитлоу тупо посмотрел вниз. Последняя мысль главного будто оцарапала его – как легкий удар ядовитой клешни. Он не все понял, но волосы на затылке встали дыбом.

– Что вы имеете в виду? – запинаясь, проговорил он.

Я имею в виду, проронил главный, что на Земле нам не понадобится тактика «разделяй и властвуй», которую применяют в подобных случаях. Ну вы знаете: присоединиться к одной фракции, чтобы победить другую, – враждующие стороны не очень разборчивы в союзниках, – затем подстрекать к дальнейшему расколу и так далее. Нет, превосходство в вооружении позволит нам провести зачистку, не прибегая к хлопотным манипуляциям. Так что недолго вам любоваться единением земляшек, о котором вы так мечтаете.

Побледневший от ужаса пацифист вытаращился на марсианина.

– Что значит «недолго»? – сипло прошептал он. – Что вы подразумеваете под «зачисткой»?

А вы еще не поняли, мистер Уитлоу? – спросил главный с оскорбительным укором. Неужели и впрямь рассчитываете на то, что мы прилетим, внушим земляшкам благоговейный страх и сразу отправимся восвояси? Это наверняка спровоцировало бы ответное вторжение на Марс. Ваши соотечественники при первой возможности явились бы к нам с намерением уничтожить угрозу. Нет, мистер Уитлоу, мы нападём на Землю только для того, чтобы защититься от потенциальной опасности. Наша цель – тотальное уничтожение человечества. И наше военное превосходство гарантирует успех.

Уитлоу тупо вытаращился на главного, похожий на грязную, пожелтевшую гипсовую статую самому себе. Он раскрыл рот, но не сказал ни слова.

Да как вы могли подумать, мистер Уитлоу, сердечно продолжил главный, что мы будем действовать в ваших интересах? В чьих бы то ни было интересах, кроме своих собственных?

Уитлоу не сводил глаз с подбиравшихся все ближе черных восьминогих яиц, этих воплощений ядовитой древней мглы.

Он только и смог, что мысленно пролепетать:

Но... вы же сами сказали... что нельзя представлять разумных инопланетян злобными чудовищами, стремящимися лишь разрушить, уничтожить...

Возможно, я так сказал, промыслил главный. Не стану спорить.

И только теперь мистер Уитлоу понял, каковы на самом деле эти инопланетяне.

Будто в удушливом кошмаре он видел приближающихся жесткокрылов. Поймал мысль, посланную старшему, – мысль, которую высокомерный главный даже не счел нужным скрыть от человека:

Ты еще не ухватился за его разум?

Нет.

Главный отдал приказ.

Черные яйца вторглись в световую сферу, протягивая грозные бронированные клешни... и это стало последним впечатлением мистера Уитлоу на Марсе.

Устройство спасло его, мгновенно переместив на огромное расстояние. Мистер Уитлоу очнулся внутри воздушного пузыря, который чудесным образом сохранял нормальное атмосферное давление в глубинах бескрайних венерианских морей. Подобно рыбе в аквариуме, пацифист взирает на мягко колышущиеся люминесцирующие водоросли и огромные здания среди них. Вокруг проплывали сверкающие корабли и существа со щупальцами.

Пять глаз на длинных стебельках рассматривали незнакомца, вторгшегося в чужой сад, с надменным неодобрением, которое даже удивление не могло поколебать.

Кто ты? – спросил главный моллюск.

Я... прибыл, чтобы проинформировать вас о вопиющем нарушении мирного договора.

Но кто ты? – вновь проникла в сознание мистера Уитлоу холодная мысль.

И внезапный прилив горькой правдивости заставил того ответить:

Наверное, меня можно назвать поджигателем войны.

Табу⁴

– Прошу убежища во имя Великого наследия! – выкрикнул кто-то сильным и звучным голосом, в котором, однако, слышалась насмешка.

Лицо просителя было скрыто в тени, но разгорающийся дымный рассвет кроваво-красными мазками очерчивал его массивную фигуру. Левой рукой мужчина легонько опирался о дверной проем, а правая безвольно висела вдоль туловища – Сифор заметил, как отсветы на рукаве сливаются с настоящей кровью, которая капала на пол.

– Если не ошибаюсь, – сказал Сифор, поднимая глаза, – передо мной преследуемый законом разбойник Амин...

– Преследовавшийся – когда еще существовал закон или, вернее сказать, видимость закона, чего я на своем веку не припомню, – перебил его проситель веселым басом.

– ...который разорил сотню мелких владений, – как ни в чем не бывало продолжил Сифор, – который немилосердно грабил, похищал и убивал людей, о хитрости которого славают легенды и которому нет ни малейшего дела до Великого наследия, чьим именем он нынче закликает спасти себе жизнь.

– Да какая разница? – усмехнулся Амин. – Я прошу убежища, и ты обязан мне его предоставить. Таковы ваши законы. – Он покачнулся, покрепче ухватился за косяк и обернулся. – И если ты сейчас же не закончишь свою приветственную речь, она станет надгробной. Я, знаешь ли, остаюсь добычей, пока торчу на пороге.

В темных небесах что-то загудело. Узкий луч пронзил воздух, раскалив его добела, в дюжине ярдов от Сифора и Амина, и там, где он соприкоснулся с землей, вспыхнуло пятно нестерпимо яркого света. Громыкнуло, запахло паленым, накатила волна жара.

Сифор зажмурился и сделал шаг назад. Но его ответ Амину в воцарившейся тишине прозвучал все так же спокойно и разумно:

– Ты прав, во всем прав. Прошу тебя, проходи. – Сифор посторонился и склонил голову. – Добро пожаловать в Приют на Унылом холме, Амин. Мы даруем тебе убежище.

Пошатываясь, но демонстрируя при этом некоторую удаль, разбойник вошел в низенькую дверцу. Когда он проходил мимо Сифора, снаружи раздался стон – такой, от которого бросает в дрожь. Сифор внимательно посмотрел на Амина:

– Ты явился не один?

Тот покачал головой и повернулся так, что красные лучи восходящего солнца упали на его худое, с крупными чертами лицо – лицо опасного рыжего божества, героя, среди предков которого был лис.

– Может, зверюгу какую взрывом опалило, – предположил он, обнажив зубы в ухмылке. Сифор ничего не ответил.

– Хиосикс! Тенекс! – воскликнул он. – У нас гость! Займитесь его ранами. Возьмите у него оружие.

Затем снял со стены маленькую прозрачную сферу на темной цилиндрической подставке и вышел.

Снаружи простиралась изрытая пустошь, на которой, казалось, совсем недавно бушевал лесной пожар; это впечатление усиливала растянувшаяся вдоль горизонта алая лента восхода. На фоне неба темнели силуэты мертвых и больных деревьев.

---

⁴ Перевод Д. Кальницкой.

Сифор обогнул место взрыва, высоко держа сферу, внутри которой теперь ярко горела изогнутая проволока. Снова послышалось гудение. Но Сифор не стал смотреть вверх – лишь покачал светящейся сферой, чтобы привлечь к ней внимание.

Снова стон. Сифор обратил свой взгляд к металлическому отблеску. Потом сделал несколько шагов и наткнулся на обломки небольшого флаера. Рядом в неестественной позе лежал, раскинув руки, кто-то маленький, облаченный в роскошный синтетический наряд.

Сифор освободил тонкие запястья и удобнее расположил сломанную лодыжку. Мальчишка вздрогнул и сделал попытку отползти, а потом открыл глаза.

– Сифор! Сифор из Приюта на Унылом холме! – В пронзительном голосе звенело удивление.

Вытаращившись на Сифора, мальчишка уцепился худыми пальцами за его серый рукав. Гудение нарастало, будто следом за одной осой подтянулся весь рой.

– Ты в безопасности, – сказал Сифор. – Амин ушел. Совсем скоро здесь будут люди твоего отца.

Мальчишка сжал его рукав еще крепче.

– Не отдавай меня им, – неожиданно прошептал он.

– Ты меня расслышал? Я сказал, что приближаются люди твоего отца.

Мальчик кивнул.

– Прошу, не отдавай меня им! – повторил он умоляюще. – Сифор, я хочу остаться с тобой. Остаться в Приюте!

Четыре флаера приземлились друг за другом, от их репульсоров полетели черные комья земли. Из каждого летательного аппарата выпрыгнули двое.

Раненый отчаянно вцепился в руку Сифора, будто надеялся вытрясти кивок или ободряющую улыбку. А потом в его глазах заплясал по-мальчишески хитрый огонек.

– Убежище, – прошептал он. – Сифор, я прошу убежища.

Сифор ничего не ответил – лицо оставалось все таким же бесстрастным, – но поднял с земли сферу и прицепил к поясу, а потом осторожно взял мальчика на руки.

К ним подбежали люди из флаеров. На синих синтетических комбинезонах и обтягивающих голову капюшонах красовалась одна и та же эмблема. В руках были бластеры. Эти люди походили на солдат, только им недоставало дисциплины, а лица покрывал темный налет животной тоски, чуть ли не осязаемая тонкая пленка. Из-за этого налета они не походили на людей – почти не походили.

По сравнению с их нарядами серое одеяние Сифора выглядело грубым и убогим, но его бледное лицо, суровое и аскетичное, будто вырезанное из слоновой кости, сияло тем светом, рядом с которым их лица казались еще темнее.

Теперь, когда пришельцы приблизились, стала заметна их неуверенность.

– Мы люди Аяртена из Росселя, – объяснил один. – А это его сын. Мальчика похитил разбойник Амин – хотел потребовать выкуп. Мы сбили его флаер.

– Я знаю, – отозвался Сифор.

– Спасибо тебе, сторонний человек, что помог сыну Аяртена, – подхватил другой.

Он шагнул вперед, чтобы забрать мальчика, но как-то нерешительно.

Раненый цеплялся за Сифора. Тот молча повернулся и зашагал к темному квадратному зданию Приюта.

– Мы должны доставить мальчика к отцу, – сказал другой синий, следуя за Сифором. – Отдай его нам, сторонний человек.

– Он попросил убежища, – ответил Сифор, не поворачивая головы и не замедляя шага.

Они посовещались шепотом, но ничего не предприняли – просто смотрели, как светящаяся сфера неспешно поднимается на холм, отбрасывая неправдоподобно огромную тень.

– Аж мороз по коже, – пробормотал один. – Мертвецы, вот они кто. Мертвецы.

– Их не поймешь. Подумать только – освещает себе дорогу шариком с мертвым воздухом и нагретой проволокой. Как наши предки-дикари. А вокруг ведь сколько угодно атомной энергии!

– Но известно же: они от нее отрекаются, как и от остального, когда умирают для мира.

– Подумать только, мальчишка попросил убежища! Со страху спятил, не иначе. Уж я бы ни в жизнь так не поступил.

– Юный Аятен всегда мне казался чуток странным.

– Отцу это не понравится. Совсем не понравится, особенно если учесть, что Амин укрывся в том же Приюте. Аятен разгневается.

– Но это же не наша вина.

– Надо поскорее выставить оцепление. И доложить Аяртену.

И громилы синими тенями скользнули к своим флаерам.

Сифор отдал мальчишку двум братьям в серых одеяниях, уже державшим наготове носилки, и отправился в лазарет. По пути он столкнулся с Амином, выходящим в сопровождении охраны из оружейной. Сифор заметил в глазах разбойника алчный блеск.

– Занимательную вы тут собрали коллекцию, – сказал Амин. – Есть старые добрые модели, каких нынче не делают. И притом немало!

– Кто-то умирает в Приюте, – пояснил Сифор, – кто-то становится сторонним человеком. А кто-то уходит прочь безоружным.

Золотисто-рыжие брови Амина недоверчиво изогнулись. Он хотел было отпустить ироничное замечание, но тут заметил носилки.

Сифор махнул братьям, чтобы заходили в лазарет.

– Ты настроен поесть? В трапезной будет ужин, – сказал он.

Разбойник расхохотался, будто его развеселило само предположение, что он может быть не настроен поесть. Раненую руку Амина упрятали в повязку, а его походка снова стала по-кошачьи упругой. Сифор повел его по темному коридору в трапезную.

– Хочешь стать пособником похитителя? – спросил чуть погодя Амин с веселым удивлением.

Он явно не стыдился своей давешней лжи.

– Мальчик попросил убежища, – ответил Сифор.

– Вернись он домой, и отец бы успокоился. Теперь же... Повезло вам, что Аяртена сейчас отвлекает приграничная война с Левенси из Уолса. Хотя, может, и не сильно отвлекает. – Амин пожал здоровым плечом.

Впереди в коридор вышел пожилой мужчина. На нем была зеленая форма старинного покроя, выцветшая, потрепанная, но безупречно чистая, с эмблемой командующего – несколько зеленоватых металлических дисков.

– Президент Четвертой всемирной республики, – ответил Сифор на вопрос Амина. – Живет здесь, в Приюте, уже год.

– Ого! – В голосе разбойника прозвучало сомнение. – Тогда ему, должно быть, лет двести – двести пятьдесят.

– Вовсе нет. Последний законно избранный президент, умирая, назначил преемника, который должен был править, пока не закончится чрезвычайное положение и не пройдут новые выборы. Обязанности президента поочередно исполняли несколько членов кабинета министров. Последний из них перед смертью передал полномочия своему верному подчиненному – секретарю или телохранителю. Так с тех пор и шло.

Амин расхохотался:

– Хочешь сказать, этот старик все еще верит, что у нас всего лишь чрезвычайное положение? И благополучное развитие славной Четвертой всемирной республики прервалось лишь на время? Может, он и сам готовит себе преемника-секретаря?

– Он явился сюда один, – покачал головой Сифор, – когда совсем состарился. Решил перед смертью передать свои полномочия мне.

Хохот Амина зазвучал прямо-таки оглушительно:

– Вот вам еще одна никчемная традиция! Еще одна безделушка в полном всяческой дряни сундуке Великого наследия! – Разбойник присмотрелся к идущему впереди старику. – У него бластер. Это же против ваших правил?

– Он главнокомандующий вооруженными силами Земли, и мы предоставили ему определенные привилегии, – спокойно объяснил Сифор.

Амин пожал плечом, давая понять: ему не расхохотаться достаточно громко, чтобы отдать должное этой шутке.

Они нагнали старика, и Сифор представил Амина:

– Ваше превосходительство, это разбойник Амин.

Старик вежливо кивнул:

– Всегда приятно познакомиться с товарищем и гражданином. Хотя, сударь, вынужден предупредить: когда восстановится мир, мне придется со всей суровостью взяться за вас. – Во взгляде президента мерцал мрачный огонек. – Но не будем сейчас об этом. Быть может, вы расскажете мне, что творится за стенами этого маленького уголка республики? Разбойники уж точно путешествуют. – Его голос сделался задумчивым. – В наши дни все сидят на месте – вероятно, потому, что перемещаться стало так легко.

Амин, казалось, забавлялся, отвечая старику в той же велеречивой и вежливой манере. Сифор оставил их за дружеской беседой и отправился в лазарет.

Врач в сером одеянии вправлял сломанную лодыжку. Несмотря на его резкий оклик, мальчишка сел на койке.

– Сифор, можно мне остаться? – с тревогой спросил он.

– Да, – кивнул Сифор. – По крайней мере, пока. А теперь не дергайся.

Он стоял рядом, пока врач не закончил свою работу. Потом посмотрел на влажное от пота личико и спросил:

– Аятен, почему ты хочешь остаться? Почему не желаешь вернуться домой?

Его бледные тонкие губы тронула улыбка.

Врач ушел.

Мальчишка нахмурился, подбирая ответ. В глазах промелькнул страх.

– Я не хочу домой, потому что... потому что это не люди – отец, его женщины, все они. Это животные.

– Все люди – животные, – тихо возразил Сифор.

– Когда я был маленьким, считал их богами. Верил, что все мы – боги. Да и как иначе? Машины поднимают тебя в небо, стоит лишь шевельнуть пальцем, трансмутаторы синтезируют еду, одежду, дома, оружие стирает в порошок, ленты с картинками показывают, что и как делать, – сколько у нас всего! Но постепенно я понял: что-то не так. Все эти прекрасные приспособления не вяжутся со скученностью, в которой мы живем, с бесконечными сварами, завистью, убийствами. Ни у кого не появляется новых идей. Никто ни о чем не думает. Никто не может ответить на мои действительно важные вопросы – и ленты с картинками тоже. Там не объясняется, почему мир должен заканчиваться на границах Росселя, почему к нам никогда не являются чужаки, а если являются, мы их убиваем, и почему, несмотря на все эти чудесные дары, мы живем, словно звери в пещере!

Лицо мальчика горело от волнения и облегчения – он наконец-то смог выговориться. Сифор положил руку на его худое плечо.

– Долгое время я убеждал себя, что это лишь проверка, – продолжил тот. – Что они смотрят, достоин ли я Росселя. И однажды я докажу, что достоин. Тогда откроется дверь в настоящий мир, большой и гостеприимный, который, я был уверен, где-то существует. Теперь я знаю, что такой двери нет. Настоящего мира нет – разве только у сторонних людей, но я толком не понимаю вас. Вы отреклись от всего, чем владеем мы. – Он схватил Сифора за запястье. – Почему? И почему, несмотря на все эти дары, мы живем как звери?

Сифор немного помолчал и ответил:

– Настоящий мир был. Кое-что от него осталось, и когда-нибудь он вернется. Цивилизация появилась, потому что люди нуждались друг в друге. Они осознали, что жизнь станет проще и лучше, если обмениваться – не только жизненно необходимыми вещами, но и тем, что не измерить и не взвесить, чему нет конкретной цены: красотой песни, радостью от танца, возможностью понять надежды и беды другого. Цивилизация развивалась и усиливалась, взаимная зависимость росла. Жизнь и счастье индивидуума создавались трудом миллионов людей. Но в мире действовали и противоположные силы. Люди научились синтезировать разные материалы, использовать альтернативные источники энергии. Войны ускорили этот процесс, ведь из-за них прекращались поставки важнейшего сырья. Все это достигло высшей точки, когда люди довели до совершенства атомную энергетику и изобрели многоцелевые трансмутаторы, способные где угодно производить вещи, необходимые для жизни. В любой другой момент эти изобретения стали бы великим благом, позволили бы направить силы человечества на решение социальных задач. Но над Четвертой всемирной республикой все еще висела тень Второй всемирной империи. Республику подточила межпланетная война с марсианскими и венерианскими колониями. Началась великая миграция, бесконечное и с виду бесцельное перемещение людей между тремя нашими планетами, сопровождаемое бессмысленной бойней. В конце концов наступил застой. Всех охватило недоверие к тем самым силам, которые породили цивилизацию. Человечество обратилось внутрь себя, умственно и физически. Вокруг самых энергичных и целеустремленных лидеров сформировались небольшие сообщества. С отщепенцами расправлялись, или же они прибывались к одному из таких сообществ. Человечество охватила усталость. Люди хотели одного – привязать себя к какому-нибудь месту, к земле. Эпоха перемещений сменилась эпохой пассивности. В любое другое время голод и нужда нарушили бы этот нездоровый баланс. Но теперь каждое маленькое сообщество не зависело от торговли, если речь шла о жизненно важном. А без всего, что не имело конкретной цены, разуверившиеся люди научились обходиться. Главным в жизни сделались зависть, соперничество и подозрительность, свойственные мелким сообществам. Чужаки подвергались гонениям. Каждое сообщество почти непрерывно воевало с соседями, но эти мелочные, злобные свары не могли привести к масштабным завоеваниям и созданию национальных государств, потому что для этого не было долгосрочных экономических оснований. Вот в таком мире, Аятен, ты и появился на свет.

Мальчик молчал. Сифор продолжил:

– Некоторые сознавали, что именно утрачено. Они видели, как культурное наследие Земли уходит в небытие – кроме самой малости, необходимой для новой, самодостаточной жизни. К примеру, не было больше надобности в умении читать и писать – лент с картинками хватало для минимального образования. Эти люди понимали, что не смогут изменить жизнь в маленьких сообществах, оставаясь внутри их и подчиняясь немилосердным законам. И тогда они порвали с прежней жизнью. Отреклись от атомной энергии, от ценного имущества. Лишь заплатив такую цену, они смогли добиться хотя бы призрачной неприкосновенности. И образовали свои крошечные общины, посвятили себя сохранению культурного наследия и идеалов братства, человеческой чести и достоинства. Стали сторонними людьми.

– Я хочу стать сторонним человеком, – прошептал Аятен.

Сифор нахмурился и кивнул.

– Вот что я тебе скажу... – наконец промолвил он. – Поживи с нами год как послушник. Учись, работай. Потом, если решимость тебя не покинет, мы снова поговорим об этом.

Аятен улыбнулся.

В трапезной, среди серых одежд сторонних людей, сидевших рядами вдоль длинных столов, ярко блестели пестрый, коричневый с золотым, наряд Амина и одеяния других чужаков, скрывавшихся в Приюте.

Сифор остановился возле Амина и спросил:

– Как тебе наша еда после синтетической?

– Конечно, не такая вкусная, – обернулся к нему разбойник. – Но я не первый раз в Приюте. Где вы берете эту гадость? – весело поинтересовался он.

– По большей части выращиваем в неглубоких емкостях на крыше.

– Значит, это болотные растения?

– Нет. Изначально они росли в земле.

Губы Амина чуть изогнулись, демонстрируя легкое, окрашенное иронией отвращение. Раздался звон колокольчика над дверью в Приют.

– Как там мальчишка? – вдруг спросил разбойник. – Он ведь не сильно ранен?.. Так я и думал. Ты, конечно же, отошлешь его к отцу?

– Нет. Он решил стать послушником.

Амин, прищурившись, поглядел на Сифора.

– Странную ты затеял игру, – сказал он наконец. – Похищение сделал обращением! Выходит, я твой пособник! Ты понимаешь, на что нарываешься? Сторонних людей, знаешь ли, и так едва терпят.

– Хочешь сказать, мне следовало дать убежище тебе, а ему отказать? – загадочно глядя на него, спросил Сифор.

Один из братьев вошел в трапезную и приблизился к Сифору:

– У порога стоит Аятен из Росселя. Он желает говорить с тобой.

– Вот видишь, – усмехнулся Амин. – Судя по тому, как идут дела, скоро просьбы об убежище не многого будут стоить. Сообщи мне, какие условия он выдвинет.

Сифор вышел. Остальные братья тоже отправились по своим делам, и трапезная быстро опустела. Двое сторонних людей остались, явно желая побеседовать с Амином. Разбойник, однако, не дал втянуть себя в беседу – он безостановочно вышагивал между скамьями и прислушивался, но не к тому, что происходило в трапезной, а к тому, что творилось снаружи. Его движения казались хаотическими, но когда вернулся Сифор, Амин встретил его у двери.

– Дал нам времени до восхода, – сообщил Сифор. – Мы должны вернуть мальчика.

– А если откажутся?

– Грозится показательно расправиться с Приютом на Унылом холме.

– Вот видишь, – хмыкнул Амин. – Он все-таки не отвлекся на приграничную войну с Левенси.

– Я на это и не рассчитывал. Хотя, думается мне, неразумно было отрядить столько людей для блокады Приюта.

– И ты не выдашь ему мальчишку? – В голосе Амина послышался гнев.

– Я дал Аятену слово, – ответил Сифор. – В эпоху великих цивилизаций люди могли порой пренебрегать моральными устоями, потому что общий прогресс был достаточно сильным и затмевал частные случаи предательства. Но сегодня вера в данное слово – часть почти забытого наследия. Если мы не сумеем сохранить ее, все труды сторонних людей пойдут прахом.

Амин рассмеялся, но этот смех был неприятным.

– Прекрасно, – сказал он. – В таком случае я, очевидно, вынужден покинуть Приют на Унылом холме, чтобы сохранить себе жизнь.

– Аяртен выставил очень плотное кольцо, – предупредил Сифор. – Тебе не уйти.

– Об этом уж мне судить. Прикажи, пожалуйста, вернуть мне оружие. Я ухожу, и немедленно.

– Ты наш гость, – покачал головой Сифор. – Мы не можем отпустить тебя так скоро.

– Собираешься выдать меня Аяртену?

– Нет. Ты попросил убежища. И получил его.

Сон сменился дрожащей темнотой, полной угроз. Кто-то тряс Сифора за плечо. Сифор сел:

– Явился Аяртен?

– Нет, но Амин сбежал. Сбил нас с ног, шмыгнул в боковой коридор. Мы не можем его найти.

Сифор узнал голос Хиосикса, одного из братьев, которых отрядил для охраны разбойника. Торопливо одевшись, он поспешил за Хиосиксом.

Растревоженный Приют походил на полный серых обитателей муравейник, в который забрался паук. Сифор отправился в лазарет. Как он и ожидал, юный Аятен исчез.

Откуда-то спереди послышалось шипение – бластерный выстрел. Сифор поспешил к выходу.

Амин стоял, прислонившись спиной к двери. В здоровой руке у него был бластер, другую он вытащил из повязки, и на бинтах алела свежая кровь. У ног разбойника без сознания лежал Аятен. Лицо Амина исказилось от боли, но он улыбался через силу.

Сифор подошел. Когда до разбойника оставалось несколько футов, тот поднял бластер:

– Первый выстрел был предупредительным. А сейчас стреляю на поражение.

Сифор остановился.

– Я собираюсь обменять свою жизнь на жизнь Аятена. Потом ты поймешь, что я делаю это и для вашего блага.

Молчаливые братья в сером, стоявшие полукругом позади Сифора, расступились, давая дорогу старику в выцветшей зеленой форме.

– Кто смеет творить насилие в Приюте на Унылом холме? – Голос президента Четвертой всемирной республики дрожал, но в нем звенела железная решимость. – Здесь распоряжаюсь я. Брось оружие, разбойник! – Старик трясущейся рукой потянулся к висевшему на поясе бластеру.

Его пронзил ослепительно-яркий луч. Амин захохотал.

И тут Сифор бросился в атаку. Луч дернулся, мазнул по серому одеянию и с шипением ударил в каменный пол. Амин упал на раненую руку и взвыл от боли. Сифор вырвал у разбойника бластер и отшвырнул подальше. Оружие завертелось на полу.

Амин прекратил сопротивляться.

– Ты лишил всех последнего шанса на спасение, – сказал он.

Сифор уперся коленями ему в грудь:

– А ты совершил убийство. У нас есть закон, хотя действует он лишь в этих стенах. Наказание за смерть – пожизненное заключение.

Оглушительно зазвонил колокол.

Несмотря на боль и слабость, Амин улыбнулся:

– Уверен, вместо заключения будет немедленная казнь. И не только меня убьют, но и всех вас. Уже рассвет. Ты знаешь, кто за дверью.

Дверь открылась. На пороге стоял злобный Аяртен из Росселя, облаченный в золотые одежды. Вот только он едва держался на ногах; в лице ни кровинки, а одежды порваны.

Он не заметил собственного сына, лежавшего перед ним на полу.

– Убежища! – воскликнул Аяртен. – На нас напал Левенси из Уолса. Он захватил мои владения. Мои люди, оставшиеся в живых, переметнулись к нему. Прошу убежища!

Дневник на снегу⁵

6 января. Уже два часа минуло с моего прибытия на Пик Одиночества, а я все сижу перед камином, впитывая тепло. В такси было чертовски холодно, и довольно утомительный полумильный переход через сугробы вместе с Джоном окончательно завершил мое превращение в сосульку. Таксист из Террестриала говорил, что здесь одно из безлюднейших мест во всей Монтане, и это очень похоже на правду – на многие мили вокруг лишь безжизненные искрящиеся снега с загадочными радужными пятнами и призрачными лучами, проблескивающими с севера, – прекрасное, пусть даже и пугающее поначалу зрелище.

Но я даже холод поставлю себе на службу! Мне пришло в голову, что своих чудищ я поселю на какой-нибудь жутко холодной планете, из тех, что вращаются вокруг потухающего или уже потухшего солнца. Это даст им вполне убедительный мотив для стремления вторгнуться на Землю и захватить ее. Отлично!

Ну вот я и на месте – безработный человек с еще не написанной книжкой. Мои друзья (кто себя таковыми считает или считал) никогда не верили, что я решусь на подобный шаг, а когда поняли серьезность моих намерений, в один голос пытались убедить, что я спятил. И ближе к концу я действительно заподозрил, что у меня какие-то нелады с психикой, но тогда... будто кто-то другой, а не я собирал чемодан, бросал оскорбительные замечания шефу и покупал билет. Весьма приятная иллюзия после стольких недель колебаний и растерянности!

До чего же хорошо наконец очутиться вдали от людей, газет, рекламы и кино – всей этой чертовой трясины для интеллекта! Должен признаться, я был довольно неприятно поражен, когда, едва оказавшись здесь, заметил большой радиоприемник, поставленный между камином и окном. Просто ужасно, когда подобная штукавина день-деньской бубнит тебе в ухо в крошечном домишке, где и укрыться от нее негде, помимо тесной кладовки. Здесь это еще почище, чем в городе! Но поскольку Джон пока его не включал, я мысленно перекрестился.

Джон просто бесподобный хозяин – радушный и, что самое главное, понимающий. Снабдив меня кофе и съестным, а также выставив бутылочку виски, он сразу удалился в другое кресло и погрузился в какую-то собственную писанину.

Ну что ж, наговориться еще успеем. Расскажу все, что его интересует (если, конечно, его что-то интересует), но сейчас я все еще переживаю свое путешествие. Чувствую себя так, будто меня перебросили из царства невыносимого шума и разлада в самое сердце покоя и тишины. От этого не оставляет какое-то диковатое ощущение пустоты и легкости – прямо воздушный шарик, который касается земли только для того, чтоб подскочить еще выше.

На этом, пожалуй, лучше пока закончить. Страшно подумать, сколь тихой может быть истинная тишина, чтоб оказаться настолько же тише, чем здесь, насколько здесь тише, чем в городе!

Тут, должно быть, можно слышать даже собственные мысли – действительно слышать. Только Джон и я – и мои чудища!

7 января. Чудесный денек. Морозец, но безветрие и залитые теплыми потоками солнечного света искрящиеся сугробы. Сегодня утром Джон показал мне окрестности. Уютный у него домишко и, что просто прекрасно, действительно такой уединенный, как показалось вчера вечером. Других домов в округе не видно, и, насколько я могу судить, по дороге, кроме моего такси, так никто и не проезжал – следы шин там, где оно разворачивалось, видны все столь же четко. Джон, правда, говорит, что каждые два дня обычно заезжает один фермер – у него с ним соглашение на доставку молока и прочих припасов.

---

⁵ Перевод А. Лисочкина.

Террестриал не виден: его загораживают холмы. Джон сказал, что до электричества и телефона миль шесть, не меньше, – досюда провода не доходят. Приемник работает на батарейках. Когда сильные заносы, до самого Террестриала приходится тащиться на лыжах.

Должен признаться, чувствую прямо-таки благоговейный страх от собственного безрассудства – убежденный книжный червь, решившийся вдруг сменить привычные удобства на воистину простой и грубый образ жизни. Но Джон, похоже, о таком даже не задумывается. Говорит, что мне обязательно надо научиться ходить на лыжах. Первый урок я получил прямо с утра и являл собой весьма смехотворное зрелище. Фактически я буду тут самым настоящим пленником, покуда очень многому не научусь. Но любую цену заплатишь за то, чтобы вырваться из расстраивающего мысли грохота и убивающей душу городской рутины!

Есть и еще одна положительная сторона вынужденной изоляции – она заставит меня как следует сосредоточиться на книге.

Ну-с, дело за малым. Мосты сожжены, пора напрямую браться за перо – а я в панике! Так давно я не писал чего-то действительно своего, так надолго даже отдельные попытки забросил! Так чертовски надолго. Я начинаю опасаться (начинаю, это ж надо!), что уже больше ни на что не способен, кроме как кропать короткие заметки и сочинять так называемые очерки – очерки, которые с годами становятся все больше и больше запутанными и далекими от жизни. И все же кое-какие ранние образцы моего творчества, еще школьных лет, должны помочь мне не пасть духом. Даже много позже, когда я уже действительно набил руку в литературе, мне казалось, что только в тех юношеских отрывках и проскакивала искра истинного писательского дара – пока я их не сжег. Воспоминания о них должны прибавить мне уверенности в себе – как бы там ни было, чувство уверенности может возникнуть от чего угодно, – но какие бы многообещающие замыслы ни посещали меня на заре карьеры, все они, боюсь, давно и навеки похоронены под грузом литературной поденщины последних лет.

И теперь, когда я в конце концов решился, сам не могу поверить, что привел меня к такому решению замысел написать фантастическую повесть. Это как раз тот самый сорт литературы, который я всегда нещадно подвергал осмеянию, – всякие там детские забавы с межпланетными пространствами и внеземными чудищами. Наипоследнейшая вещь, которую можно ждать от моих тяжеловесных очерков, со временем настолько переполнившихся анализом характеров (чуть ли, господи спаси, не психоанализом), и уныло-достоверной «средой», и «моим собственным опытом», и нагромождениями социально-политических «подтекстов», что там просто не осталось места для чего-либо другого. Да, и впрямь выглядит смехотворным парадоксом, что вместо всех этих глубоких и «значимых» вещей вдруг возникли какие-то, со щупальцами и в черной шерсти, чудища, уставившиеся немигающими взорами на Землю и жаждущие ее тепла и жизненных сил, которые настолько прочно засели у меня в голове, не покидая ее ни днем ни ночью, что в конце концов я нашел в себе силы смести все жалкие преграды, так мучительно долго державшие меня наедине с собственной никчемностью в городских стенах, – и рискнуть!

Джон говорит, что обращение к фантастике вполне естественно и полезно для начинающего писателя. А уж он-то в этом жанре собаку съел. (Но он терпеливо и настойчиво развивал свои способности долгие годы, с тех пор как обзавелся этим домиком. Мне до него еще ой как далеко.)

Но во всяком случае, моя книга никогда не будет дешевым сюжетным романчиком, несмотря на свою космическую подкладку. А раз уж на то пошло, что такого в космической подкладке? Я уже достаточно долго прожил со своими чудищами в голове, чтобы посвятить им множество весьма серьезных размышлений. Я сделаю их реальностью.

Тем же вечером. Только что был свидетелем очень подходящего к случаю сверхъестественного явления. Едва я вышел на улицу глотнуть свежего воздуха и полюбоваться снегом

и звездами, как мое внимание привлек какой-то фиолетовый луч, возникший на некотором расстоянии от домика. Не слишком яркий, он мерцал и переливался, будто жемчужная нитка, и уходил в небо так высоко, насколько хватало глаз, ничуть не расплываясь и по всей длине оставаясь тонким как игла, – совершенно необъяснимое зрелище. Луч медленно перемещался, словно что-то нащупывая. На единственный неуютный миг возникло чувство, будто он падает откуда-то со звезд и пытается отыскать меня.

Я уже собрался позвать Джона, когда луч мигнул и погас. Жаль, что он его не видел. По его мнению, это было нечто вроде полярного сияния, но луч явно не имел с ним ничего общего – насколько мне известно, полярные сияния зарождаются в стратосфере, где воздух разрежен, как в лампе дневного света, – а потом, я всегда считал, что они больше похожи на пятна или космы. Однако не исключено, что он прав, – по его словам, за последние годы он не раз наблюдал всякие причудливые свечения, а у меня опыт в таких делах практически нулевой.

Я спросил, не проводятся ли поблизости какие-нибудь секретные военные испытания – может, атомного реактора, или какого-нибудь нового типа прожектора, или радарной установки, – но он отверг такое предположение.

Чем бы ни объяснялось это явление, оно заметно подстегнуло мое воображение. Но не сказать чтобы я в этом нуждался. Меня почти всерьез беспокоит степень, до которой мой разум возродился к жизни за каких-то несколько часов на Пике Одиночества. Боюсь, он становится чересчур уж острым, будто нож с тончайшим, как бумага, лезвием, который только гнется, когда пытаешься им что-нибудь разрезать...

9 января. Наконец-то после ряда неудачных попыток я действительно начал. Изобразил, как мои чудища держат совет на дне фантастически глубокой расщелины или каньона на своей полуночной планете. Не считая тонкой, с зазубренными краями полосы звезд наверху, света там нет – запасы радиации у них настолько истощились, что много веков назад им пришлось прекратить тратить ее на такую роскошь, как освещение. Но их пустые глаза уже привыкли к звездному свету (хотя даже им, при всей их мудрости, неведомо, как извлечь из звезд хоть немного тепла), и они в состоянии смутно различать друг друга – огромные, лохматые, паукообразные силуэты, скорчившиеся на скалах или плотно прижавшиеся к грубому камню стен. Там царит невероятная стужа – под их защитный мех силится проникнуть холод, что сродни холоду межзвездного пространства. Общаются они между собой при помощи мыслей – нечестных, хорошо отточенных мыслей, ибо даже размышления требуют энергии. Они вспоминают свое славное прошлое – свою процветающую юность, свой деятельный расцвет. Они отмечают поражение, которым заканчивается вековое сражение с холодом. Они раз за разом подтверждают свое первобытное и непоколебимое стремление выжить.

Получилось здорово. Даже всегда беспристрастный Джон это отметил, хоть и сардонически попрекнул за подобную диковатую сказочку после стольких лет вежливого пренебрежения к его фантастическим рассказам.

Но совсем недавно, когда я делал первые безуспешные попытки взяться за перо, этот отрывок просто никуда не годился – я уже чувствовал, что готов уступить напору нагло ухмыляющегося города. Теперь могу признаться, как многие годы опасался, что не имею никаких творческих способностей, что мои многообещающие ранние отрывки были всего лишь детской причудой. Дети часто показывают проблески самых удивительных дарований, которые благополучно теряют, как только становятся старше: живого, ничем не скованного воображения, чуть ли не ясновидения, и всего прочего в этом духе. Что люди хвалили в этих моих первых рассказиках, так это искренность чувства и необыкновенно острое проникновение в побудительные мотивы взрослых. И боялся я лишь одного: что все это только некая «телепатия», неосознанное выхватывание отрывочных мыслей и переживаний взрослых, меня окружавших; что все те вещи, которые столь привлекательно и впечатляюще выглядели на бумаге, особенно

если учесть, что их написал ребенок, на самом деле требовали не больше творческих способностей, чем ремесло стенографиста. Меня даже всерьез беспокоило, не обнаружу ли я в один прекрасный день, что пишу автоматически! Какие только дурацкие страхи не зарождаются в голове у художника, когда минует творческий кризис, – Джон говорит, что это типично для нашего сообщества в целом.

Как бы там ни было, но манера, в которой сейчас пишется книга, до смешного подходит к этой идиотской телепатической теории. Хотя невероятных чудищ с планеты, что в десятках световых лет отсюда, при помощи телепатии ну никак не опишешь!

Наверное, это вчерашняя вечерняя радиопередача вновь навела меня на эти дурацкие размышления. Хотя сама передача была ничуть не дурацкая – исключительно интеллектуальная дискуссия о будущих возможностях науки: про атомную энергию, мозговые волны, новые методы радиосвязи, такого все плана – и, слава богу, не особо запопуляризованная в расчете на всяких придурков. Должно быть, программа какого-то местного университета... Джон сию секунду говорит, чтобы я не молот чепуху – на востоке нет ни одного образовательного института!

Мои предыдущие опасения относительно радио оказались совершенно беспочвенными – следовало бы знать, что Джон не из тех, кого сводят с ума мыльные оперы или джаз. Это техническое средство он использует весьма интеллигентно – только краткие ежедневные новости (а не какие-нибудь там пространные комментарии), классическая музыка, когда есть, и время от времени серьезная лекция или беседа за круглым столом. Правда, вчерашняя научная передача ему незнакома – в то время его не было дома, а по моему описанию он ее не узнал.

Я кое-чем обязан этой программе. По-моему, как раз в то время, когда я ее слушал, и выкристаллизовался пролог моей повести. Какое-то случайно оброненное слово или мысль обеспечили точку кристаллизации моим идеям. Разум обрел подходящую податливость – наверняка в результате недавней чрезмерной остроты восприятия, – и кружащиеся вихрем мысли опустились на свои места. Как бы то ни было, внезапно я почувствовал себя таким усталым и сонливым, что едва ли припомню, чем кончилась передача, или как вернулся Джон, или как я свалился в постель. Джон сказал, что я еще и на улицу выходил. Он тогда подумал, что я малость перебрал, но я предъявил ему неопровержимое доказательство в виде бутылки с виски, и практически нетронутый уровень содержимого решительно опроверг все клеветнические измышления!

Утром я проснулся свеженький как огурчик и на едином дыхании наваял вступление, словно уже все последние годы привык ежедневно выдавать на-гора такое количество строчек!

Получил сегодня еще один урок хождения на лыжах и добился не большего успеха – каждая минута, проведенная без моей книги, кажется теперь прожитой зря. Джон говорит, что мне действительно следует поскорей освоить эту науку, на случай если с ним вдруг что-то случится, когда мы будем отрезаны от Террестриала, – для такого надежного человека, как Джон, вещь весьма маловероятная. По радио сообщают о сильном буране на востоке, но он так далеко, что нас не затрагивает, – ярко сверкает солнце, небо темно-синее. Обещают похолодание.

Но какая разница, сколько придется просидеть в домике, не высовывая носа на улицу. Я уже начал создавать своих чудищ!

Тем же вечером. Я оказался прав! Джон только что видел мой фиолетовый луч, признал, что северное сияние тут ни при чем, и был просто поражен его близостью – поначалу он уверял, будто тот падает чуть ли не на сам домик!

Джон подходил с южной стороны, когда его увидел, – луч, как ему показалось, вонзался прямо в крышу, разбрасывая призрачные фиолетовые искры. Он прибавил шаг, взволнованно подзывая меня. Это было за мгновение до того, как я его услышал; я как раз поймал неясное бормотание – похоже, начало еще одной интересной научной передачи (очевидно, их была

целая серия) – и пытался получше настроиться, но без особого успеха: то ли приемник барахлил, то ли сам я что-то не так делал.

К тому моменту, как я вышел на улицу, луч угас. Мы несколько минут потоптались на морозе, всматриваясь во все стороны, но ничего, кроме звезд, не увидели.

Джон теперь согласен, что падение луча на крышу вполне могло быть оптическим обманом, но с прежней твердостью настаивает, будто тот был где-то совсем рядом. На сей раз уже я становлюсь поборником теории северных сияний! Поскольку, как следует поразмыслив, я пришел к выводу, что это был действительно некий причудливый атмосферный феномен, – многие исследователи Арктики и Антарктики, к примеру, сообщают о самых разнообразных формах проявления полярных сияний. Что же до расстояния, то в его оценке при столь чистой и прозрачной атмосфере можно запросто обмануться, по словам самого же Джона.

Или же – кто знает? – это могла быть какая-то необычная разновидность статического электричества, нечто сродни огням святого Эльма.

Джон пытался настроиться на программу, которую я уже почти поймал, но ничего не вышло. В этом диапазоне слышались только завывание и треск. Он заявил мне в своей обычной сардонической манере, что с моего прибытия начало происходить множество необъяснимых явлений!

В конце концов Джон бросил это занятие и отправился на боковую. Пожалуй, я тоже последую его примеру, хотя сначала еще разок попробую настроить приемник – моя всегдашняя ненависть к этой механической твари начинает понемногу притупляться, ведь теперь это единственное звено, связывающее меня с внешним миром.

На следующее утро – 10-го. Началось похолодание, которое обещали по радио. Лично я не заметил большой разницы, разве что протапливать домик пришлось подольше, а все, что способно задубеть, задубело. Позднее собираюсь помочь Джону наколоть дров – я сам на этом настоял. Он с легким раздражением осведомился, удалось ли мне превзойти его в обращении с приемником и поймать окончание той научной передачи, – говорит, последним, что он слышал, проваливаясь в сон, было завывание помех. Я ответил, что нет, – сон кузнечным молотом оглушил меня в тот самый момент, когда я крутил ручку настройки. Как добрался до кровати, помню довольно смутно, хотя вроде действительно припоминаю сонное рычание Джона: «Да выключи ты приемник, ради бога!»

Кстати, столкнулись еще с одним странным феноменом – или тем, что могло сойти за подобный феномен с некоторой натяжкой. Посреди завтрака я заметил, что Джон пристально смотрит мне через плечо. Я обернулся, и через мгновение увидел что-то необычное в морозном узоре окна. Более подробный осмотр поверг нас в полнейшее замешательство.

На стекле образовался причудливый волнистый рисунок. Его образовывали несколько параллельных рядов выпуклых треугольных бугорков с тонкими как волосок прожилками, расходящимися из центра к краям. Он был явно толще всего остального узора. Я никогда не видел, чтобы на стекле получалось нечто подобное. Ближайшая аналогия, которая в тот момент пришла мне в голову – не слишком точная, – со щупальцами осьминога или каракатицы. Почему-то припомнилось описание демона, промелькнувшего над краем утеса в «Короле Лире»: «Он был рогат и с тысячью носов». У меня возникло впечатление, будто узор образован неким предметом намного холоднее самого стекла, ненадолго к нему прижавшимся, хотя, конечно, это совершенно невероятно.

Я с удивлением услышал от Джона, что, по его мнению, узор есть и на самом стекле, но, соскоблив часть наледи, он и впрямь обнаружил такие же бледно-голубоватые или лиловые очертания.

Обсудив все возможные объяснения, мы остановились на том, что похолодание – одно из самых внезапных за последние годы, по словам Джона, – выявило скрытые дефекты стекла,

внеся какие-то изменения в молекулярное строение, отчего его теплоемкость стала неоднородной и послужила причиной соответствующей неоднородности толщины узора. Те же изменения вызвали и появление слабого лилового оттенка – если, конечно, его там и раньше не было.

Сегодня я в великолепном настроении и чувствую просто-таки потрясающую уверенность в собственных силах. Все эти «необъяснимые феномены», свидетелем которых я стал, всерьез меня не затронули, но доказали, что способность удивляться, упоительное ощущение грядущих чудес начинают понемногу возвращаться в мою жизнь – то, что, казалось, у меня навеки отобрал город с его слепой сосредоточенностью на «практических» материях и шумной прихотливой узколобостью.

И что лучше всего, у меня есть моя книга. Очередная сцена уже полностью сформировалась в голове.

Перед ужином. Сел на мель. Понятия не имею, как доставить чудищ на Землю. Новый отрывок прошел как по маслу – в нем рассказывается, как чудища веками жадно наблюдали за Землей и несколькими другими обитаемыми планетами поблизости (поблизости – это в световых годах, разумеется). У них есть телескопы, которым не нужны линзы, – они усиливают свет звезд точно так же, как радиоприемник усиливает радиоволны или телефон – человеческий голос. Эти телескопы чрезвычайно чувствительны – нет никаких ограничений избирательности и степени усиления; позволяют увидеть людей и дома – они настроены на такую длину волны, которая не преломляется нашей атмосферой; они ловят как радио, так и световые волны и позволяют слышать наши голоса; в них используются виды излучения, которые еще не открыты нашими учеными и которые долетают до самых отдаленных точек во много раз быстрее тех же радиоволн, практически мгновенно.

Но все это доскональное знание нашей повседневной жизни, все это межпланетное подглядывание в замочную скважину не приносит чудищам ровно никакой материальной выгоды, разве что еще больше разжигает их аппетиты, доводя до бессильного бешенства. Оно не приносит им ни йоты тепла; наоборот – лишь постоянно истощает скудные запасы радиации. И все же они продолжают тщательно шпионить за нами... приглядываясь, поджидая подходящего момента.

Это-то и оказалось камнем преткновения. Что же это за подходящий момент, которого они поджидают? Каким именно образом, к чертям собачьим, они собираются осуществить свой перелет? Полагаю, будь я опытным фантастом, решил бы эту проблему в мгновение ока при помощи космических кораблей, или четвертого измерения, или еще там не знаю чего. Но ни один из этих вариантов не подходит. К примеру, никакому нормальному ракетному двигателю не хватит жалкого количества энергии, которое у них осталось. Мне нужно что-то более правдоподобное.

Ну ладно, нечего так переживать – рано или поздно меня посетит озарение. Самое главное, что работа идет и есть результат. Джон взял проглядеть несколько последних страничек; уселся, чтобы прочитать их повнимательней; закончив, нацелился на меня пристальным взглядом, заметил: «Не знаю, зачем я-то занимался фантастикой последние пятнадцать лет» – и нагнулся за охапкой поленьев. Почти комплимент.

Неужели наконец я нашел свое истинное призвание? Боюсь даже задавать себе этот вопрос после стольких разочарований и блужданий в темных закоулках в течение бесцельных городских лет. И все-таки даже в самые чернейшие периоды часто казалось, что меня ждет некое важное или по меньшей мере ответственное предназначение, что меня лишь испытывают тоской и отчаянием, держа за кулисами, пока не настанет нужный момент.

Самообман?

11 января. Все это становится весьма интересным. Опять странные узоры на ледяной корке и самом стекле с утра – новый набор. Но при двадцати ниже нуля нечего удивляться, что неорганические материалы начинают откалывать коленца. Что получилось в результате первого падения температуры, вполне может повториться при следующем. Хотя на Джона это оказало довольно сильное впечатление и он ударился в теоретизирование относительно темных мест в области физики. Жаль, что не могу припомнить подробностей вчерашней научной передачи, – по-моему, в ней как раз шла речь о низкотемпературных феноменах, что помогло бы объяснить подобное явление. Но меня, как водится, уже морил сон, и, должно быть, большую ее часть я попросту продремал – стыд и срам, поскольку начало было весьма интригующим: что-то там насчет беспроводной передачи энергии, и создания физических эффектов на значительных расстояниях, и возможностей «научной телепортации» какого-то рода. Джон ехидно отзывается о моем «личном университете» – он опять рано ушел спать и программу пропустил. Но по его словам, однажды он проснулся и смутно уловил, как я слушаю «только какие-то совершенно кошмарные помехи», и сонно посоветовал либо получше настроить приемник, либо выключить его совсем. Странно, мне казалось, что слышно отлично, по крайней мере в самом начале, и я вообще не помню, чтобы он ко мне обращался. Наверное, ему действительно приснился кошмар. Но мне лучше постараться больше его не беспокоить. Смешно представить столь убежденного радионенавистника вроде меня в роли такого агрессивного фаната, не терпящего тишины.

Хотя интересно, не начинает ли мое присутствие раздражать Джона. Все утро он казался каким-то дерганым, а потом вдруг решил обеспокоиться моим ежевечерним дремотным состоянием. Я сказал, что это вполне закономерный результат перемены климата и непривычной для меня творческой активности. К физическим нагрузкам я тоже не привык, и коротких уроков хождения на лыжах вкупе с колкой дров, чего человек покрепче даже не заметил бы, вполне достаточно, чтобы действительно истощить мои мускулы. Так что неудивительно, что под конец дня усталость буквально валит меня с ног.

Но Джон сказал, что тоже чувствует к вечеру непривычную вялость и сонливость, и высказал неприятное предположение относительно отравления угарным газом – гипотеза, к которой в столь плотно закупоренном домишке никак не отнесешься легкомысленно. Он немедленно подверг осмотру плиту и камин, а также тщательно проверил оба дымохода на предмет трещин или засорения внутри и снаружи домика, несмотря на поистине дьявольский холод. Я вышел вместе с ним, на случай если потребуется помощь, и сразу получил изрядную дозу – брр! Окружавшая нас нетронутая снежная целина выглядела ярко и маняще, но для пешехода – если он только не закаленный полярник – губительно!

Все оказалось в полнейшем порядке, так что наши страхи поумерились. Но Джон продолжал пережевывать страшные истории об отравлениях угарным газом, вроде трагического конца воздухоплавателя Андре в Арктике, и оставался суевливым и беспокойным – и вдруг ни с того ни с сего вздумал сходить на лыжах в Террестриал за какими-то деталями для приемника и прочей чепухой далеко не первой необходимости. Я спросил, не достаточно ли ему и без того утомительных прогулок к дороге навстречу фермерскому автомобилю и что за нужда избирать для подобного похода самый холодный день в году. Но он только фыркнул: «И это, по-твоему, холодная погода?» – и отправился в путь. Я немного волнуюсь, хотя уверен, что уж он-то не пропадет. Может, мое присутствие действительно слегка выбило его из колеи. В конце концов, он уже несколько лет живет здесь совсем один, не считая нечастых вылазок в город, – практически отшельником. Появление еще одного человека могло совершенно расстроить давно заведенный порядок его существования – и творчества. Вдобавок я тоже писатель – довольно взрывоопасное соседство. Вполне возможно, что, даже несмотря на нашу дружбу (дружба в таких случаях просто ни при чем), я действую ему на нервы. Надо будет с ним серьезно и

откровенно поговорить, когда он вернется, и вывести его из этого состояния – не в лоб, разумеется.

Но пора к чудищам. Новый эпизод прямо-таки взывает, чтобы его изложили на бумаге.

Позже. Мель, на которой я сижу, превращается в прямо-таки неприступную скалу. Не могу выдумать ни одного более или менее правдоподобного способа доставки чудищ на Землю. Стоит попытаться мыслить в этом направлении, как в голове будто опускается плотный занавес. Очень надеюсь, что не повторится закономерность, характерная для многих моих ранних произведений: моментальное увязание в трясине после блестящего, на едином дыхании написанного вступления, как только дело доходит до выработки механики сюжета; чем более привлекательным и впечатляющим представлялось начало, тем большее крушение я всегда терпел с продолжением и тем вероятней оно попадало в зависимость от какой-нибудь чепуховой детали, на которой мне напрочь отказывала изобретательность, вроде того как два персонажа познакомились друг с другом или каким именно образом герой зарабатывает себе на жизнь.

Ну уж нет, на сей раз я не поддамся! Возьмусь сразу за более поздний эпизод, а рано или поздно все равно соображу, как сняться с мели.

По-моему, взявшись сегодня днем за работу, я почти решил эту проблему. Я изобразил тайный форпост чудищ, основанный ими на Земле. Используя земные энергетические ресурсы, они со временем сумеют найти способ перебросить сюда всех своих соплеменников – или даже перенести саму Землю вместе с Солнцем за многие световые годы в свою собственную мертвую солнечную систему, поближе к родной планете, сквозь безжизненное межзвездное пространство – словно Прометей, похитивший с небес огонь, – навек стерев даже само воспоминание о человечестве.

Вот только – что было очевидно с самого начала – при этом все равно остается проблема, откуда тут взялся этот форпост!

Хотя сам по себе эпизод с форпостом получился что надо. Ясное дело, чудищам-первопроходцам придется держать свое присутствие в тайне от человечества, пока они не «прощупают» нашу планету, не акклиматизируются к земным условиям, не обретут иммунитета к непривычным бактериальным штаммам и так далее, после чего начнут подбираться к человеку поближе с целью определить, какое оружие лучше всего использовать, когда грянет час всеобщего уничтожения.

Поскольку это не будет такое совсем уж одностороннее уничтожение. Человек не окажется совершенно бессилен против этих тварей. К примеру, он наверняка сумеет уничтожить форпост, если вдруг узнает о его существовании. Но такого, конечно, никогда не случится.

Я проработал несколько леденящих кровь сценок – люди мельком видят чудищ в удаленных, безлюдных местностях, замечают паукообразные темные силуэты в глубине дремучих лесов, натыкаются на поспешно покинутые горные логовища или стоянки; морякам попадаются неведомые черные существа вдали от районов оживленного судоходства; инженеров и ученых беспокоят необъяснимые утечки на линиях электропередачи и странные пропажи оборудования; смутный, но растущий всеобщий страх; «иррациональное» подозрение, что за нами подслушивают и подглядывают, «снимают с нас мерки для гробов»; со временем, когда эти твари окончательно обнаглеют, черные расплывчатые силуэты мелькают уже на городских крышах или липнут к высоким стенам в плохо освещенных местах по ночам; к оконным стеклам вдруг на мгновение прижимаются черные шерстистые хари...

Да, просто чудесно вышло, ничего не скажешь.

Надеюсь все же, что Джон вскорости вернется. Уже почти стемнело, а его по-прежнему не видать. Я несколько раз выглядывал за дверь, но видел только следы его лыж, переваливающие через холм. Должен признаться, начинаю понемногу дергаться. Полагаю, что меня слегка напугала моя же собственная писанина – такое не раз случалось с писателями. Замечаю, что

вдруг то поспешно бросаю взгляд за окно, то прислушиваюсь ко всяким странным звукам, и из головы не идут «необъяснимые феномены» последних дней – сияющий фиолетовый луч, причудливые узоры на стекле, мои собственные дурацкие размышления о телепатических способностях... Разум напряжен до предела, и не оставляет ощущение, одновременно и приятное и пугающее, будто я на пороге некоего чужого неведомого царства и способен сорвать висящий передо мной полупрозрачный занавес одним пальцем, если вдруг на это решусь.

Но такая нервозность вполне объяснима, учитывая уединенность места и задержку Джона. Очень надеюсь, что ему не вздумалось пробираться сюда на лыжах в темноте, – при подобной температуре любое происшествие или потеря ориентировки чреваты гибельными последствиями. И если он действительно попал в беду, помочь ему я не в силах.

Готовя ужин, держу радио включенным. Не такая уж и неприятная компания.

12 января. Вчера вечером мы просто замечательно посидели. Джон ввалился сразу перед ужином – он приехал с этим своим фермером. Привез бутылку фантастически крепкого рома (говорит, раз уж тащишь спиртное в такую даль, пусть спирта в нем будет побольше, а воды поменьше), и после ужина мы уселись поболтать. Странно, я никак не мог проникнуться духом вечера. Сидел как на иголках, все время тянуло то ли к книге, то ли к приемнику, то ли еще куда. Но спиртное помогло перебороть нервную импульсивность, и через некоторое время мы распахнули друг перед другом души и перемысли косточки практически всему под солнцем.

Очень рад, что одно мы выяснили с полной определенностью: любые мысли относительно того, будто мое присутствие раздражает Джона, – полная чушь. Он доволен, что у него появился товарищ, и тот факт, что он был способен оказать мне услугу, сильно повысил ему настроение. А если требуются еще какие-то доказательства, то сегодня утром он начал новый рассказ (сообщил, что последние пару дней постоянно прокручивал его в голове – отсюда и беспокойство), и от машинки просто дым идет!

Сегодня чувствую себя очень обыденно и приземленно. Теперь я понимаю, что последние несколько дней излишне взвинчивал и разум, и воображение. Пройдя через подобный «пир ума» (не без помощи настоящей пирушки), чувствуешь заметное облегчение, хотя при этом и легкую депрессию – многие вещи словно покрывает какой-то странный налет. Замечаю, что ум обращается к более практическим материям, вроде того, куда я буду предлагать свои рассказы или на что собираюсь жить, занимаясь литературой, когда иссякнут мои скромные сбережения. Мы с Джоном мало говорили на эту тему.

Ну ладно, пора приниматься за работу, хотя сейчас я с куда большим удовольствием просто бы пошатался по заснеженным окрестностям вместе с Джоном. Погода понемногу налаживается.

13 января – вечером. От судьбы не уйдешь – работа окончательно застопорилась. Это не временная посадка на мель – я не способен написать ни строчки. Сколько я уже изорвал исписанных наполовину листов! Ни единое слово не было верным, даже не казалось верным, пока я вымучивал очередной отрывок, – все полная чушь. Мои чудища – жалкие марионетки из папье-маше и траченного молю черного меха.

Джон советует не волноваться, но ему-то хорошо говорить – его-то рассказ летит на всех парах; сегодня Джон просто не вылезал из-за машинки и только что завалился в кровать, хватив наспех пару стопочек.

Вчера я последовал его совету – провел большую часть времени на воздухе, практикуясь в ходьбе на лыжах, колке дров и так далее. Но на остроте моего ума сегодня утром это не отразилось ни на йоту.

Не думаю, что следовало так радоваться по поводу преодоления «пира ума». Это и была моя творческая энергия. Без нее я вообще ни на что не способен. Выглядело все так, будто

я каким-то непостижимым образом «слушал» свой рассказ и контакт неожиданно оборвался. Припоминаю, что испытывал нечто подобное с некоторыми из моих ранних вещей. Все набираешь и набираешь номер, а на другом конце провода даже гудка не слышно.

Не думаю, что поможет выпивка. Вчера вечером мы опять устроили посиделки с бутылочкой – развеяться развеялись, но в голове пусто, по крайней мере у меня. И не думаю, что Джон и сегодня остановится на паре рюмочек, если я вовремя не откланяюсь.

По-моему, Джон действительно по-дружески за меня беспокоится – держит за неврастеника и старательно пытается занять чем-нибудь более телесным и простецким, вроде лыжных прогулок или кутежа. В его глазах я ловлю такое докторское выражение, и оно же ощущается в том, как он горячо пропагандирует в наших беседах «здоровый, практический образ жизни», всячески избегая обсуждения нездоровых тем.

Конечно, я и впрямь в чем-то неврастеник. Как и любая творческая личность. И я действительно задергался, когда возникло подозрение насчет угарного газа, – так ведь и Джон тоже! Какого дьявола он пытается сдерживать мое воображение? Ему бы следовало знать, насколько важно для меня закончить рассказ, какое решающее значение это имеет!

Однако заставлять себя не буду. Хуже нету. Пора ложиться, но сна ни в одном глазу. Джон уже храпит, черт бы его побрал!

Пожалуй, попробую поймать чего-нибудь по радио – громкость сделаю поменьше. Очень хочется послушать очередную научную передачу – они подстегивают мое воображение. Интересно, откуда они транслируются? Джон принес газеты, я просмотрел программу передач, но эту станцию не нашел.

14 января. Много бы отдал, чтобы узнать, что тут происходит. Опять с утра странные бугорчатые узоры – был очередной заморозок, – и не только на слое льда. Но сперва был тот идиотский случай двойного лунатизма. Наверное, в версии Джона насчет угара все-таки что-то есть, – по крайней мере, тут требуется хоть какая-нибудь версия.

Вчера поздно ночью я проснулся сидя, полностью одетый, оттого что Джон тряс меня за плечо. На его лице застыло очень серьезное и целеустремленное выражение, но глаза были закрыты. Через несколько мгновений мне удалось высвободиться. Поначалу он плохо соображал и вел себя чуть ли не агрессивно, но вскоре окончательно проснулся и объяснил, что ему приснился кошмар.

Он начался, по словам Джона, с похожего на стон завывания, которое терзало его уши несколько часов. Потом он вроде как проснулся и увидел комнату, но в ней творилось что-то неладное – всю ее заполняли фиолетовые искры, которые беспрерывно сыпались с потолка, взлетали и опадали снова. Он почувствовал жуткий холод, словно холод межзвездного пространства. Его сковывал страх от ощущения, будто нечто ужасное пытается проникнуть в домик. Он чувствовал, что это я каким-то образом впускаю это нечто внутрь и что нужно добраться до меня и остановить, но не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой – его будто придавило огромным весом. Он помнит, что долго и судорожно пытался вырваться.

Меня же, должно быть, сморил сон у приемника. Он был включен на маленькую громкость, но не настроен ни на какую станцию.

Источники дурного сна Джона вполне очевидны: фиолетовый сверкающий луч, кошмарные (во память!) помехи несколько дней назад, страх перед угарным газом, плохо скрываемое чувство беспокойства за меня и, наконец, довольно крепкое подпитие, в котором мы оба находились перед сном. На самом-то деле не стоило бы придавать всей этой истории особого значения, если бы не следы – хотя как и почему они связаны с кошмаром, я не имею ни малейшего представления.

Рисунок был тот же, что и раньше, только много толще – здоровенные ледяные рубцы. И у меня возникло странное ощущение, будто они источают гораздо более сильный холод, чем

вся остальная наледь. Когда мы отскребли их от стекла – работенка не из легких, – то увидели, что и на стекле рисунок стал отчетливей и более густого оттенка. Но что самое странное, мы заметили как бы его продолжение на наружном подоконнике, где следы проявлялись в виде растрескивания и отслоения краски, – при первом же прикосновении отскакивали чешуйки, чуть отливающие лиловым, и рассыпались в порошок. Нам также показалось, что продолжение рисунка есть и на спинке кресла у окна, хотя это под вопросом.

Почему все это возникло, было явно за гранью нашего разумения. Не исключено, что один из нас, сам того не сознавая, каким-то образом создал рисунок во сне, но как? В домике не было ни единого предмета, которым можно бы нарисовать подобный волнистый узор с тонкой волосяной кромкой. Неужели это Джон состряпал столь тщательный розыгрыш? Да нет, ничего подобного и быть не может!

Мы тщательно проверили остальные окна, включая окно кладовки, но похожих узоров не обнаружили.

Джон намерен при случае вынуть стекло и показать его кому-нибудь, кто разбирается в физике. Его все это почему-то очень задело. Ничем не могу его отвлечь. По-моему, он чуть ли не испуган. Несколько минут назад неопределенно предложил съездить в Террестриал и пожить там несколько дней.

Но это просто смешно. Я уверен, что за всем этим не кроется ничего из ряда вон выходящего. Даже таинственным следам должно найтись какое-то очень простое объяснение, которое мы бы сразу отыскали, если бы разбирались в физике.

Лично я для начала собираюсь напрочь выбросить этот случай из головы. Мой разум вновь ожил, и меня так и тянет к перу и бумаге. Больше мне ничего не мешает.

После ужина. Ощущаю странную нервозность, хотя работа опять идет как по маслу, слава богу! Похоже, я снялся с мели! Все еще не вижу, как доставить чудищ на Землю, но есть подсознательное ощущение, что со временем подходящий метод сам собой возникнет в голове. Логика тут никакой, но ощущение достаточно сильное, чтобы справиться с любыми опасениями.

Между тем описываю события, случившиеся незадолго до прибытия первого чудища на Землю и сразу после него наседаю на упрямый отрывок с двух сторон одновременно! Второй эпизод вышел явно посильнее. Начинается он с того, что чудище с трудом барахтается в снегу (оно, естественно, выбирает холодный регион, чтобы поменьше отличался от климата его собственной планеты). Я изображаю временное замешательство монстра от земных радиационных бурь, его неуклюжие, но стремительные движения, торопливые поиски укрытия. Какой-то невежественный простофиля замечает пришельца или его следы, рассказывает, что видел, но его высмеивают как суеверного дурачка. Хотя не исключено, что чудищу придется и убить кого-нибудь...

Странно, я так ясно все это вижу и при этом совершенно слеп к эпизоду, который непосредственно этому предшествует. Но я просто убежден, что завтра он перестанет быть тайной!

Джон подобрал последние страницы и вскоре положил обратно. «Слишком уж чертовски реалистично!» – заметил он при этом.

Следовало бы только радоваться, но все же теперь, когда я уже выполнил дневную норму, вдруг чувствую необъяснимую тревогу и... ну да, страх. Усталый, перетрудившийся разум опять с каким-то нездоровым любопытством перебирает события прошлого вечера. Твержу себе, что просто напуган своим же собственным произведением, ухитрившись убедить себя, будто все это правда – как и полагается писателю, – и зайдя в этом самоубеждении чуть дальше, чем следует.

Но очень боюсь, что за этим кроется нечто большее – какое-то реальное явление или постороннее воздействие, которых мы не понимаем.

К примеру, перечитывая предыдущие записи в дневнике, я обнаружил, что упустил несколько важных моментов, словно в подсознании преднамеренно пытался о них умолчать.

Во-первых, я нигде не упомянул, что цвет стекла и подоконника был абсолютно идентичен цвету фиолетового луча.

Возможно, здесь имеется вполне естественная связь – луч просто причудливая форма статического электричества, а следы – его отпечаток, точно так же как молния и отметины, которые она оставляет.

Подобный намек на научное объяснение вроде бы должен был меня успокоить, но дудки.

Во-вторых, есть ощущение, что кошмар Джона был в чем-то реальностью.

В-третьих, я ничего не сказал про поразившее нас обоих внезапное опасение, когда мы впервые увидели необычный узор на стекле, что его оставило некое... ну, скажем так, существо, хотя какое существо может быть холоднее своей среды обитания, я не знаю. Джон тогда ничего не сказал, но я уверен, что у него возникла в точности та же мысль, что и у меня: будтодвигающееся ошупью нечто приложило стылое щупальце к оконному стеклу.

Этот страх достиг своей высочайшей точки сегодня утром. Мы все еще не выкладывали друг другу, что у каждого на уме, но, увидев странные следы, тут же принялись, словно следуя какому-то невысказанному соглашению, расхаживать по комнате, внимательно ко всему приглядываясь. Это очень напоминало сцену, к которой часто прибегают в фильмах: два соперника ищут девушку, которая является предметом их нежных чувств и которая застенчиво куда-то скрылась. Оба молчаливо шатаются по дому, поднимаясь и спускаясь по лестницам, входя и выходя в двери. Они постоянно натыкаются друг на друга, отступают на шаг, кивают и расходятся, не проронив ни слова.

Вот так и было у нас с Джоном и нашим «существом». И ничего смешного в этом нет.

Но мы ничего не нашли.

Могу с полной уверенностью сказать, что все это беспокоило Джона ничуть не меньше, чем меня. Однако мы на эту тему не говорили – наши предположения никак нельзя отнести к тем, что можно обсудить с позиций логики и здравого смысла.

Он сказал только одно: что сегодня мечтает увидеть меня в постели раньше, чем уляжется сам. Ему не хотелось бы повторения событий, которые привели к тому лунатическому кошмару. Я, естественно, не возражаю – мне ничуть не меньше претит еще раз испытать нечто подобное.

Если бы только мы не были так чертовски надежно отрезаны от внешнего мира! Конечно, при нужде всегда можем улизнуть в Террестриал – если нас не отрежет от него буран. Метеослужба не отрицает, что подобное вероятно в ближайшие дни.

Джон весь день держит радио включенным, и должен признать, я ему за это сердечно благодарен. Даже самая пустая и бестолковая передача создает иллюзию причастности к обществу и не позволяет воображению забраться слишком уж далеко.

Очень хочу, чтобы мы оба были сейчас в городе.

15 января. Дело приняло совершенно плохой оборот. Решили переехать в город сегодня же.

В домике либо постоянно находится какое-то враждебное, смертельно опасное существо, либо оно способно в любой момент проникнуть сюда, невзирая на запертую дверь и плотно законопаченные окна. Это нечто неизвестное науке и чуждое той жизни, которую мы знаем. Оно из некоего царства крошечного холода.

Я полностью сознаю полную невероятность этих слов. Я бы никогда не доверил их бумаге, если бы не считал, что это абсолютная правда.

Или же мы столкнулись с какой-то неизвестной природной силой, которая ведет себя в точности как враждебное, смертельно опасное существо. Как бы то ни было, мы не рискуем далее испытывать судьбу.

Сейчас ждем фермера с машиной, поедем вместе с ним. Поначалу хотели не откладывая отправиться пешком, но рана Джона и отсутствие у меня опыта подобных переходов вынудили отказаться от этого замысла.

У нас опять была беспокойная ночь с хождениями во сне, только на сей раз она закончилась не столь невинно.

Все началось, насколько мы сейчас способны восстановить, с приснившегося Джону кошмара, который был точным повторением сна, что мучил его прошлой ночью, – за исключением того, что все ощущения, по словам Джона, оказались значительно острее.

Как и в прошлый раз, первым моим осознанным ощущением было, что Джон трясет меня и толкает. Правда, теперь в комнате было темно, только тускло мерцали угли в камине.

Наша схватка оказалась бурной. Кресло опрокинулось. Мы крутнулись на месте, шарахнулись о стену, приемник с треском грохнулся на пол.

Потом Джон успокоился. Я торопливо зажег лампу.

Повернувшись, услышал, как он заворчал от боли.

Он тупо таращился на свою правую руку.

Запястье, словно браслет, дважды опоясывали глубокие отметины, похожие на те, что были на стекле.

Вдавленная плоть была алого цвета и покрыта коркой замерзшей крови.

Кожа по краям отметины – белая, холодная при прикосновении и покрыта тонкими волосяными прожилками того же фиолетового оттенка, что и луч и узор на стекле.

Это было за минуту до того, как смерзшаяся кровь начала таять.

Рану мы перевязали. Протирание дезинфицирующим средством не произвело ровно никакого эффекта на фиолетовые прожилки.

Потом безрезультатно обыскали домик и, дожидаясь утра, приняли уже упомянутое решение.

Мы без устали пытались восстановить, что еще произошло в тот момент. Предположим, во сне я встал – или же Джон стащил меня с кровати, – но тогда?..

Надеюсь, мне все-таки удастся избавиться от ощущения, будто я заодно с той тварью или силой, что ранила Джона. Что я каким-то образом пытаюсь впустить ее внутрь.

Странно, но мне ничуть не меньше, чем вчера, хочется взяться за перо. Есть ощущение, что стоит только начать – и мель будет преодолена без задержки. Если учитывать все обстоятельства, это чувство внушает мне отвращение. И верно говорят, что на страхе творческие способности только жиреют, хотя человеческого тут мало.

Фермер с машиной будет здесь с минуты на минуту. За окном пасмурно. Надо бы узнать прогноз погоды, но приемник вышел из строя.

Позже. Сегодня уже никак не выбраться. Ужасающей силы буран буквально обрушился на нас через несколько минут после того, как я закончил последнюю запись. Джон, по его словам, был практически убежден в подобном исходе, но надеялся, что стихия минует нас в последний момент. Ни о каком фермере теперь не может быть и речи.

Неистовство бурана испугало бы меня, не будь кое-чего пострашней. Скрипят балки. Ветер визжит и рычит, высасывая из домика последнее тепло. Удивительно сильный порыв только что дунул прямо в трубу, отчего из камина полетела горячая зола. Поддерживаем в плите огонь посильнее, чтобы сохранялась тяга. Хотя солнце еще не село, снаружи ничего не видно, за исключением тусклых отсветов наших окон на несущейся поземке.

Джон с головой ушел в ремонт приемника, невзирая на больную руку, – нужно выяснить, сколько еще продлится буран. Хотя я в подобной механике практически не смыслю, помогал ему, придерживая какие-то детали.

Теперь, когда у нас нет иного выбора, кроме как оставаться здесь, чувствуем себя не так панически. Случившееся вчера вечером кажется каким-то слишком уж неправдоподобным, далеким. Конечно, в окрестностях действительно может хозяйничать неведомая сила, но теперь мы начеку, и маловероятно, что ей удастся опять нам навредить. В конце концов, она показывается, только когда мы оба спим, а мы решили, что сегодня ночью вообще не будем спать – по крайней мере, один из нас. Джон вызвался дежурить всю ночь. Я возражал, ссылаясь на его раненую руку, но он уверяет, что она не болит, только тупо пульсирует. Распухла она тоже не очень заметно. Он говорит, до сих пор кажется, будто она слегка заморожена, как новокаином.

В целом и буран, и ощущение физической опасности произвели на меня стимулирующий эффект. Я страстно хочу чем-нибудь заняться. Необъяснимое желание опять сесть за повесть по-прежнему вызывает у меня досаду.

Вечером. Скоро пойду спать. Вдруг неожиданно почувствовал себя жутко вымотанным. Но слава тебе господи, наконец заработало радио. Какая-то свехидиотская передача, но она меня поддерживает. Прогноз уверяет, что буран завтра прекратится. Джон в добром расположении духа и настороже. Топор – лучшее оружие, которым мы тут располагаем, – прислонен к его креслу.

На следующий день. Надо изложить случившиеся события в строгой последовательности. Может, и пригодится – иначе не пойму, как в случае чего объяснят те отметины.

Приходится оставаться в домике! Буран означает несомненную гибель. *Оно* убралось – наверное.

Нечего опять паниковать. По-моему, я счастливо избежал серьезного обморожения. Не говоря уже об ушибленной или сильно растянутой лодыжке. Никому не добраться сейчас до Террестриала. Буду полным идиотом, если попробую. Мне просто повезло, что я опять набрел на домик. Нужно взять себя в руки. Нужно! Даже если *оно* здесь и за мной наблюдает.

Сначала – вчерашняя ночь. Первое – беспокойные сны про снег и черных паукообразных чудищ – отражение моей книги. Второе – бреду как лунатик – чернота и фиолетовые искры – Джон – вдруг фиолетовый вихрь – падение в пустоту – обжигающий легкие холод – треск – внезапная боль – вспышка белых искр – тьма.

Третье – нынешнее утро. Слабость – жутко трясет – тарашусь в стену – узор на шершавом дереве – узнавание – узор перескакивает ближе – голова и спина Джона – ни удивления, ни ужаса поначалу – собственное бормотание: «Джон тоже заболел. Заснул на полу, как и я». Знакомый узор.

Возился с Джоном почти час – потом еще – безнадежно – череп проеден – волосы тают – рассыпаются в порошок при касании – фиолетовые прожилки – сбегаящий вниз след – рубашка проедена насквозь – видны кости позвоночника – плоть поблизости от следа снежно-белая и ледяная под пальцами, холодней, чем в домике, – буран все беснуется – оба очага погасли – разжег их – обшарил домик – тело Джона в кладовку – прикрыл – кофе – идиотская тяга к перу и бумаге – попытка включить разбитый приемник – надо хоть что-нибудь делать – руки двигаются все быстрее и быстрее – пробирает дрожь – все сильнее и сильнее – поспешно оделся – пристегнул лыжи – наружу, в буран, – страшный напор ветра – дважды сбивало с ног – пытался двигаться согнувшись – запутался в лыжах – опять упал – боль – боролся с чем-то схватившим меня – опять боль – лежу неподвижно, уткнувшись лицом в снег, – надо возвра-

щаться – полз на четвереньках – полз целую вечность – ничего не чувствовал – мелькнувшая дверь домика позади – добрался до нее...

Надо взять себя в руки. Надо привести в порядок мысли. Восстановить!

Джон уснул. Отчего он уснул? А я тем временем впустил эту тварь? Как? Он вдруг вскакивает. Борется с тварью и со мной. Сбивает меня с ног. Опутан, как Лаокоон. Бьет топором. Мимо. Приемник – вдребезги. Второй раз не успевает. Скорчился, замерз, разъеден до смерти.

А потом? Я был совершенно беспомощен. Почему оно отстало?

Меня оно не боится и приберегло на сегодняшнюю ночь? Или я ему нужен? Временами возникает безумное чувство, будто повесть, которую я пишу, – это правда. Что одно из моих чудищ убило Джона, что я пытаюсь помочь им попасть на Землю...

Но слабость и пустота в голове – попытка осмыслить неосмыслимое... Это не фантастика – это реальность. Следует немедленно пресекать любые подобные рассуждения, ведущие к сумасшествию.

Нужно решить, что делать дальше. Пока продолжается буран, я заперт здесь, как в ловушке. Оно попытается одолеть меня сегодня ночью. Ни в коем случае нельзя спать. Когда буран поутихнет, можно попробовать подавать дымовые сигналы. Или, если позволит нога, пробраться в Террестриал, придерживаясь дороги. Может, мимо поедет фермер, хотя Джон не раз повторял, что дороги замело...

Джон...

Если бы только я не был так одинок! Было бы у меня хоть радио!

Позже. Приемник заработал! Это просто чудо, – видно, я усвоил больше знаний, чем думал, помогая вчера его чинить. Пальцы проворно двигались, будто помнили больше, чем мозг, и очень скоро я все разбитые детали заменил запасными.

До чего же хорошо было услышать первые голоса!

Буран к ночи пройдет – так сказали по радио.

Я заметно успокоился. Я полностью сознаю опасности грядущей ночи, но уверен, что при удаче сумею их избежать.

Эмоции вконец истощились. Я считаю, что смогу должным образом встретить что бы ни пришло, встретить холодно и спокойно.

Я был бы полностью уверен в себе, если бы не настойчивое, лишаящее присутствия духа ощущение, будто какая-то часть моего подсознания контролируется извне.

Больше всего боюсь поддаться какому-нибудь внезапному подсознательному побуждению, вроде желания взяться за перо, которое временами становится невероятно сильным, – я чувствую, что просто обязан завершить «застрявший» эпизод повести.

Подобные побуждения могут оказаться ловушками, призванными лишить меня бдительности.

Послушаю радио. Надеюсь, что найду хорошую программу, которая укрепит мой дух.

До чего же фантастическое стремление закончить повесть!

(Первые строки следующей записи в дневнике Олдермена совершенно неразборчивы – неистовые машинальные каракули, нацарапанные в великой спешке. В нескольких местах перо прорвало бумагу. Внезапно запись становится понятной, хотя скорость письма, судя по всему, только возросла. Переход разительный, будто захлебывающийся словами и эмоциями психопат вдруг нацепил маску сдержанного и здравомыслящего человека. Перемена лица, от которого ведется изложение, тоже важна и вполне очевидно соотносится с последней строкой предыдущей записи.)

Паукообразный заметил, что контакт восстановлен, и холодно потребовал прибавить мощность, хоть это и означало истощение последних ресурсов. На сей раз никак нельзя было промахнуться – на следующую попытку энергии уже не оставалось.

Однако можно было уже не сомневаться в успехе. Один двуногий, пытавшийся помешать, был надежно устранен, второй же реагировал точно по плану.

Как долго предвкушался этот момент! Сколько тысячелетий было проведено в ожидании появления более-менее разумных животных на этой далекой планете и их первых успехов в создании адекватных возбудителей излучения – ужасающе долгий процесс, даже при постоянных телепатических подсказках! И как долго, уже под конец, пришлось отбирать подходящего по чувствительности двуногого и развивать его восприимчивость до требуемого уровня! Одно время казалось, что он навсегда скрылся в бушующих вихрях мыслей своих более бестолковых собратьев, но в конце концов его удалось выманить на открытое пространство. Условия были как раз теми, что требуются для достижения тонкого соотношения между физическим и умственным излучениями, которое распахивает двери между звездами и наводит мосты над ущельями космоса.

И теперь паукообразный был на середине такого моста. Вот уже пять раз кряду проходил по нему – только для того, чтобы получить отпор на дальнем его конце. На сей раз нельзя допустить осечки. От этого зависит судьба всего мира.

Всегда восприимчивый разум двуногого стал терять привычную податливость, хоть и не до очень тревожного уровня. Поскольку его сознание оказалось не в состоянии воспринять реальность того, что он делал, двуногий приписал происходящее вымыслу – привычное для него объяснение.

И вот паукообразный преодолел мост целиком. Обретающая материальность плоть немела, съезживалась под радиационными ударами сырой, жаркой планеты. Это было все равно что рождаться заново.

В сознании двуногого царила полная неразбериха. Более грубый, зацикленный на родной планете участок сознания явно пытался навести порядок и грозил вскоре заглушить восприимчивый сектор – но не настолько вскоре, чтобы это имело решающее значение. Паукообразный беспристрастно проглядел его слой за слоем и выдал заключение: практически невыносимый ужас, намерение поджечь жилище при помощи какого-то горючего с целью ранить захватчика (это только к лучшему – не останется никаких улик) и намерение бежать, как только будет вновь обретен контроль над телом (это необходимо пресечь – двуногого нужно перехватить и уничтожить; его рассказам, конечно, никто не поверит, но живым он все равно будет представлять собой немалую опасность).

Паукообразный вырвался на свободу – переход завершился. Как только его разум пришел в окончательную готовность, то взял под контроль все побуждения двуногого и приготовился к преследованию.

В этот первый момент торжества, однако, в нем зародилось нечто вроде жалости к крошечному, безумному, обреченному животному, что помогло столь разительно изменить удел навеки остывшей планеты.

Ведь оно могло спастись. Просто не надо было поддаваться телепатическому нашептыванию. Не надо было забывать о столь недавнем отвращении к голосу стада. Не надо было исправлять последствия неосознанного защитного акта, предпринятого его сотоварищем перед самой смертью. Не надо было чинить приемник.

Заключительный комментарий доктора медицины Вилларда П. Кронина, Террестриал, Монтана:

Возгорание дома, принадлежавшего Джону Вендлу, было отмечено в 3 часа ночи 17 января, вскоре после окончания бурана. Я входил в спасательную партию, немедленно выслан-

нюю туда для оказания экстренной помощи, и одним из первых увидел пожарище. На нем было обнаружено единственное сильно обгоревшее тело, позднее опознанное как тело Вендла. Имелись указания на то, что пожар возник в результате случайного падения керосиновой лампы.

Любому здравомыслящему человеку должно быть очевидно, что «дневник» Томаса Олдермена является продуктом воспаленного сознания и почти наверняка сфабрикован в попытке переложить на какое-то мифическое существо вину в совершении тяжкого преступления, следы которого он пытался скрыть при помощи поджога.

Опрос давних городских знакомых Олдермена рисует образ слабовольного и нелюдимого мечтателя, жалкого неудачника в своем ремесле. Вполне вероятным мотивом может быть ревность к коллеге-писаке, произведения которого хоть и являются в большинстве своем пустопорожней псевдонаучной чушью, сработанной в расчете на невежественные умы, но имели, по крайней мере, небольшой финансовый успех. Что же касается подобной же ребяческой «повести», которую якобы писал Олдермен, то нет ни единого свидетельства в пользу того, что она даже просто существовала, хотя, конечно, нельзя отрицать и возможности, что она просто сгорела при пожаре.

К большому несчастью, самые заманчивые подробности «дневника» получили огласку в Террестриале, породив волну перепуганных пересудов среди наиболее невежественной и доверчивой части обывателей.

Неменьшим несчастьем оказалось и то, что необразованный и суеверный горняк по имени Эванс, входивший в спасательную партию и ту группу, которая направилась на поиски Олдермена, случайно уклонился в сторону и вскоре вернулся в панике с совершенно диким сообщением, будто нашел какие-то «здоровенные, глубокие размазанные следы», идущие параллельно следам Олдермена. И несчастье вдвойне, что внезапное возобновление снегопада не позволило разоблачить эту утку при помощи зримого доказательства, которое только и способно убедить отдельные тупые головы.

Вряд ли есть смысл указывать подобным легковерным умам на тот факт, что ни один из пользующихся общим доверием жителей Террестриала не видел абсолютно ничего из ряда вон выходящего в окрестностях города, что метеослужба не наблюдала никаких необычных свечений и что ни одна из радиопередач ни по времени выхода в эфир, ни по содержанию не соответствует той «научной программе», которой Олдермен придает такое значение.

Однако слухи о странных следах и мелькающих тут и там больших черных пауках упорно продолжают будоражить общественное мнение со смехотворно-раздражающей настойчивостью, наводящей на мысль о массовой эпидемии галлюцинаций.

Весьма желательно, чтобы вся эта история получила наконец логичное и убедительное разрешение, которое мог бы обеспечить открытый суд над Томасом Олдерменом.

Однако это уже невозможно. Приблизительно в двух милях от домика группа, шедшая по следам Олдермена, наткнулась на его замеченное снегом тело. Выражение скованного морозом лица само по себе являлось вполне убедительным доказательством безумия. Зарывшаяся в снег окоченевшая рука сжимала блокнот с упомянутым «дневником». На тыльной стороне другой кисти, плотно прижатой к замерзшим глазам, было обнаружено нечто, что хоть и подливает масла в огонь невеждам вроде Эванса, но дает в руки образованному и знакомому с научным подходом интеллекту ключ к причине возникновения одной из наиболее причудливых подробностей в сфабрикованном Олдерменом действе.

То, что было замечено на его руке, совершенно очевидно является весьма грубым образчиком татуировки, хотя настолько старой и неумело выполненной, что характерная пунктура и зернистость окраски уже практически не выражены.

Татуировки в виде нескольких волнистых фиолетовых прожилок.

А я пойду дальше...⁶

Часто под вечер Маот охватывает беспокойство, и она отправляется туда, где черная земля сливается с желтым песком, и стоит, глядя в пустыню, пока не поднимется ветер.

А я сижу, прислонившись спиной к тростниковой ограде, и гляжу на Нил. Не то чтобы Маот молодеет, просто она тоскует по полям. Их обрабатываю я, а она отдает всю себя стаду. Каждый день она уводит овец и коз пастись все дальше.

Долгое время я наблюдал за переменами. Одно поколение сменяло другое, скудели поля, приходило в негодность орошение – тем более что участились дожди. И становились проще жилища, пока не превратились просто в шатры с тростниковой изгородью вокруг. И каждый год какая-то семья собирала свои стада и отправлялась на запад. Почему я должен быть так крепко привязан к этим несчастным остаткам цивилизации, я, который видел, как рабы фараона Хеопса разбирали на блоки великую пирамиду?

Я часто удивляюсь, почему не становлюсь молодым. Для меня это такая же тайна, как и для бронзовокожих крестьян, которые благоговейно падают ниц, когда я прохожу неподалеку.

Я завидую тем, кто становится молодым. Я жажду отбросить всю свою мудрость и ответственность и ринуться навстречу любви, навстречу волнению, от которого перехватывает дыхание, навстречу этим беззаботным годам, пока не настанет конец.

Но я по-прежнему остаюсь тридцатилетним бородачом и ношу овечью шкуру точно так же, как прежде носил камзол или тогу, и постоянно испытываю желание помолодеть и все так же не имею возможности его осуществить.

Мне кажется, что я был таким всегда. Хотя почему? Ведь я даже не могу вспомнить свое воскрешение, в то время как все помнят свое.

Маот – проникательная женщина. Она не требует от меня исполнения всех ее желаний, но, вернувшись домой, садится подальше от очага и напевает отрывки какой-то тревожащей песни, и подводит брови зеленой краской, чтобы стать для меня еще более желанной, и любым способом старается заразить меня своим беспокойством. Днем она отрывает меня от напряженной работы и показывает, какими становятся наши овцы и козы.

Среди нас нет больше молодых. С приближением юности или чуть раньше они уходят в пустыню. Даже беззубые, высохшие старики восстают из своих могил и, пренебрегая припасами, что были с ними, собирают свои стада, берут жен и ковыляют на запад.

Я запомнил первое воскрешение, свидетелем которого стал. Это было в дымной стране машин и постоянных перемен. Но то, о чем я собираюсь рассказать, случилось в тихом уголке, где все еще оставались маленькие фермы, узкие дороги, простая жизнь.

Там жили две женщины, Флора и Элен. Не могу вспомнить точно, но, кажется, это произошло несколько лет спустя после их собственного воскрешения. Судя по всему, я был их племянником, хотя не уверен в этом наверняка.

Они стали навещать старую могилу на кладбище в полумиле от города. Я помню букетики цветов, которые они уносили с собой, возвращаясь домой. Я видел, что они были чем-то опечалены.

Шли годы. Их визиты на кладбище участились. Однажды, сопровождая их, я заметил, что истершаяся надпись на надгробии проступает яснее и четче. Моложе становились их лица. «Джон, любимый муж Флоры...»

Флора часто плакала по ночам, а Элен с печальным лицом расхаживала по комнате. Приходили родственники, говорили что-то успокаивающее, но слова, казалось, только усиливали горе.

---

⁶ Перевод А. Безуглого.

В конце концов надгробие стало совсем новым, и нежные зеленые стебли травы исчезли в сырой коричневой земле. Казалось, этих знаков дожидались смутные неосознанные чувства. Флора и Элен справились со своим горем, посетили священника, могильщика и врача, сделали необходимые приготовления.

Холодным осенним днем, когда свернувшиеся коричневые листья взлетели на деревья, процессия двинулась – пустой катафалк, темные молчаливые автомобили. На кладбище мы встретили двух мужчин, они стояли, деликатно отвернувшись от свежерытой могилы. Потом, пока Флора и Элен горько рыдали, а священник произносил положенные слова, длинный узкий гроб подняли из могилы и понесли к катафалку.

Дома крышку гроба сняли, и мы увидели Джона, забальзамированного старика, которого впереди ждала долгая жизнь.

На следующий день, повинаясь тому, что, казалось, было вечным ритуалом, они вынули его из гроба, могильщик вытянул из его вен едкую жидкость и ввел красную кровь. Потом его уложили в постель. Прошло несколько часов напряженного ожидания, и кровь начала свою работу. Когда у Джона вырвалось первое дыхание, Флора села рядом на кровать, обняла его и прижала к себе.

Но он был еще очень болен, ему нужен был отдых, и потому взмахом руки доктор приказал ей выйти из комнаты.

Я тоже должен был испытывать счастье, однако, помнится, в тот момент во всем происходящем ощущал что-то нездоровое. Может быть, когда в нашей жизни впервые случаются большие кризисы, мы всегда чувствуем себя подобным образом.

Я люблю Маот. Скитаясь по свету, я любил сотни женщин, но это не влияет на искренность моей привязанности к ней. В их жизни я входил не так, как обычно это делают любовники, – восстав из могилы или в пылу какой-то ужасной ссоры. Я вечный скиталец.

Маот знает: во мне есть нечто странное. Но она не позволяет, чтобы это нечто мешало ее попыткам заставить меня исполнять ее желания.

Я люблю Маот и в конце концов уступлю ей. Но сначала я задержусь немного на берегу Нила, взгляну в последний раз на его великолепии.

Самые первые воспоминания даются мне тяжелей всего, но изо всех сил я стараюсь в них разобраться. Чувствую, копни я чуть глубже – и мне явилось бы мучительное понимание происходящего. Но кажется, я никогда не буду способен сделать необходимое усилие.

Эти воспоминания беспорядочно возникают из тьмы и страха. Я гражданин большой страны; где-то там, далеко отсюда, я безбород и ношу уродливые, сковывающие движения одежды; однако ни мой возраст, ни облик ничем не отличаются от сегодняшнего. Страна эта в сотню раз больше Египта, но она лишь одна из многих. Все народы мира известны друг другу, Земля – это шар, а не плоскость, она плывет сквозь усыпанную островами солнц бездну, а не накрыта разукрашенной звездами чашей. Повсюду машины, а новость облетает вокруг света, как простой крик. Повсюду изобилие, о котором и не мечтали, возможности, не имеющие себе равных. Однако люди несчастны. Они живут в страхе. Если я не ошибаюсь, в страхе перед войной, которая вот-вот разразится и уничтожит какой-то вражеский город. В страхе от опасности, которая исходит не с Земли, а со звезд. Отравленные облака. Смертоносные светлячки светящейся пыли.

Но хуже всего было оружие, о котором еще только ходили слухи. Месяцами, которые казались вечностью, мы стояли на грани этой войны. Мы знали: ошибки уже совершены, бесповоротные шаги сделаны, последние шансы утрачены. Мы только ждали самого события.

Похоже, для нашего отчаяния и ужаса существовали особые причины. Как будто бы и до этого происходили мировые войны и мы отчаянно старались их предотвратить, обещая себе, что уж эта-то – последняя. Но такого я еще не помню. Вполне возможно, что надо мной, да и над всем миром всегда нависала тень подобных катастроф, всеобщей гибели.

Несутся месяцы, и вдруг чудесным, невероятным образом война начинает стихать. Напряжение ослабевает. Тучи рассеиваются. Все суетятся – конференции, планы... Ну а также надежды на долгожданный мир.

Но тянется он недолго. Вспыхнувшая вскоре резня связана с именем Гитлера. Забавно: и как это имя пришло мне в голову после стольких тысячелетий? Его армии развернулись веером по континенту.

Но их успех недолог. Их разгромили, и Гитлер предан забвению. В конце концов он остался в памяти мелким смутяном.

Снова краткий миг мира и спокойствия, потом не такая свирепая война, как предыдущие, которая также сменяется затишьем.

И так далее...

Иногда я думаю – и следует помнить об этом, – что когда-то время текло в другом направлении и что из отвращения к нескончаемым войнам оно повернуло вспять, повторяя уже пройденный путь. Что наши сегодняшние жизни – лишь возврат, но возврат по спирали. Большое отступление.

В таком случае время может повернуть снова. Возможно, у нас будет еще один шанс преодолеть барьер.

Хотя нет... Мысль исчезла в ряби нильской воды.

Сегодня еще одна семья покидает долину. Все утро они тащились вверх по песчаному ущелью. А теперь, подойдя к краю желтых утесов – возможно, чтобы бросить прощальный взгляд, – они отчетливо видны на фоне утреннего неба. Вертикальные черточки – люди, горизонтальные – животные.

Маот смотрит, стоя за моей спиной. Но она молчит. Она во мне уверена.

Утесы снова опустели. Скоро люди забудут о Ниле, исчезнут беспокойные призраки воспоминаний.

Смысл нашей жизни – в забвении. Точно так же как ребенок исчезает в утробе матери, так и великие идеи исчезают в голове гения. Сначала они повсюду. Они окружают нас, словно воздух. Затем редуют, не все уже знают о них. А потом приходит великий человек, забирает идеи себе, и они становятся его тайной. Остается лишь тревожное убеждение, что исчезло что-то стоящее.

Я видел, как Шекспир не написал великих пьес. Я наблюдал, как у Сократа не рождались великие мысли. Я слышал, как Иисус не произнес великих слов.

Есть надпись, высеченная на камне; она кажется вечной. Я возвращаюсь через несколько веков, нахожу ее той же, только чуть поновее, и думаю: может, хоть она уцелеет? Но однажды приходит резчик и деловито стесывает буквы, пока не остается ровный камень.

Теперь только он знает, что там было написано. А когда он молодеет, знание исчезает навсегда.

И так во всем. Наши жилища становятся новее, и мы разбираем их, а материалы незаметно растаскиваем по карьерам и шахтам, лесам и полям. Наша одежда новее, и мы ее снимаем. Мы обновляемся сами, обо всем забываем и слепо тычемся в поисках мамы.

Теперь все люди ушли. Замешкались лишь я да Маот.

Я не ожидал, что все это настанет так быстро. Теперь, когда конец близок, Природа, похоже, заторопилась. Предполагаю, что тут и там вдоль Нила оставших еще хватает, но мне нравится думать, будто мы последние, кто видит исчезающие поля, последние, кто смотрит на реку, сознавая, что она символизировала когда-то, прежде чем наступит забвение.

В нашем мире выигрывают побежденные. После второй войны, о которой я говорил, в моей стране за морями долгое время царил мир. Среди нас в это время жили примитивные племена – люди, которых называли индейцами. Забитые и презираемые, они обитали в тех

краях, где их заставляли жить. Мы даже не задумывались о них. Мы бы подняли на смех того, кто сказал бы, что у них хватит сил принести нам вред.

Но среди них вдруг вспыхнула искра восстания. Они организовали банды, вооружились луками и ружьями и вышли на тропу войны.

Мы бились с ними, не придавая схваткам особого значения, борьба тлела нескончаемо. Индейцы упорствовали, все продолжалось, они устраивали засады, совершали набеги.

Однако мы по-прежнему считали все это настолько незначительным, что нашли время заняться междоусобной гражданской войной. Результаты оказались плачевными. Чернокожую часть населения обратили в рабов, которые тяжело трудились на плантациях и в поместьях.

Индейцы превратились в грозную силу. Шаг за шагом они вытеснили нас за реки и равнины Среднего Запада, за лесистые горные хребты на восток.

Какое-то время мы удерживались здесь на побережье, в основном благодаря поддержке заокеанского островного государства, которому отдали свою независимость.

Произошло ободряющее событие. Всех негров-рабов собрали вместе и погрузили на корабли, потом их отправили к берегам южного континента, где одних освободили, а других сдали на руки воинственным племенам.

Но давление индейцев, иногда поддерживаемых союзниками, все возрастало. Город за городом, поселок за поселком, поселение за поселением – все наши ставки были биты. Мы погрузились на корабли и отправились за море. После чего индейцы стали на удивление миролюбивы, так что, похоже, последние суда спасались бегством не от физического страха, а от мистического ужаса перед зелеными молчаливыми лесами, поглотившими их дома.

На юге ацтеки взяли за обсидиановые ножи и кремневые мечи и выгнали тех, кого, помнится, называли испанцами.

Еще через столетие о западном континенте забыли, остались лишь смутные, призрачные воспоминания.

Растущая тирания и невежество, постоянное противоборство на границах, восстания покоренных, которые в свою очередь становились угнетателями, – вот из чего состояла следующая историческая эпоха.

Однажды я подумал, что поток времени повернул вспять. Появились сильные и организованные люди, римляне, которые подчинили себе почти весь мир.

Но эта стабильность оказалась недолговечной. Еще раз те, кем управляли, поднялись против правителей. Римлян изгнали и из Англии, и из Египта, и из Галлии, и из Азии, и из Греции. На опустошенных полях возвысился Карфаген, чтобы бросить успешный вызов римскому могуществу. Римляне нашли убежище на родине, утратили влияние в мире, выродились, растворились в дымке миграций.

Их побуждающие к деяниям помыслы на одно славное столетие возгорелись в Афинах, но исчезли, не выдержав собственной тяжести.

После этого упадок продолжался с неизменным постоянством. Больше я уже не обманывался.

Кроме этого последнего случая...

Из-за того что страна эта была напоена солнцем, была полна храмов и мавзолеев, привержена традициям, спокойна, я подумал, что Египет устоит. Бег неменяющихся веков подтвердил мои надежды. Я думал, что если мы не достигли поворотного пункта, то по крайней мере остановились.

Но пришли дожди, обломки рухнувших храмов и мавзолеев вернулись в каменоломни, а традиции и спокойствие уступили место неустойчивости кочевой жизни.

Если поворотный пункт и существует, то наступит, лишь когда человек останется один на один с животными.

А Египет исчезнет, как и все остальное.

Завтра мы с Маот отправляемся. Согнали стадо. Скатали шатер.

Маот пышет юностью. Она очень мила.

В пустыне будет неуютно. Скоро мы обменяемся последним самым нежным поцелуем и она по-детски прижмется ко мне, а я буду за ней приглядывать, пока мы не отыщем ее мать. Или, может быть, однажды я брошу Маот в пустыне, и мать найдет ее сама.

А я пойду дальше...

Сны Альберта Морленда⁷

Осень 1939 года вспоминается мне обычно не как начало Второй мировой войны, а как период, в котором Альберту Морленду снился сон. Оба этих события – и война, и сон – никогда, однако, у меня в сознании не разделялись. Вообще-то говоря, я даже опасаясь, что между ними действительно существовала некая связь, но связь эта не из тех, что нормальный человек станет рассматривать всерьез, если он действительно в здравом уме и трезвой памяти.

Альберт Морленд был, а не исключено, что и поныне остается профессиональным шахматистом. Данный факт наложил весьма важный отпечаток на этот самый сон – или сны. Большую часть своих скудных поступлений Альберт зарабатывал игрой в Нижнем Манхэттене, в одном увеселительном пассаже, никому не давая отказа – ни энтузиасту, находящему удовольствие в попытке обыграть специалиста, ни страдающему от одиночества бедолаге, превратившему шахматы в род наркотика, ни банкроту, соблазнившемуся купить полчаса интеллектуального превосходства за четвертак.

Познакомившись с Морлендом, я частенько заходяжил в пассаж и смотрел, как он играет по три-четыре партии зараз, не обращая внимания на шелканье и жужжание кегельбанных шаров и беспорядочную пальбу, доносящуюся из тира. За победу он брал пятнадцать центов; еще десять шли в пользу заведения. Когда он проигрывал, никто не получал ничего.

Со временем я выяснил, что он куда как лучший игрок, чем это требовалось для его занятий в пассаже. Ему случалось выигрывать партии и у всемирно известных гроссмейстеров. Пара манхэттенских клубов пыталась заманить его на крупные турниры, но из-за недостатка честолубия он предпочитал плыть по течению в неизвестность. У меня создалось впечатление, что он просто считал шахматы чересчур уж тривиальным делом, чтобы всерьез рассчитывать на них в жизни, хоть и наверняка мечтал вырваться когда-нибудь из тесного мирка игрового зала, ожидая прихода чего-то действительно значимого. Иногда он поправлял свои финансовые дела, выступая за клубную команду и выручая зараз долларов пять.

Познакомились мы с ним в старом кирпичном доме, где оба жили на одном этаже, и там-то он и рассказал мне впервые про сон.

Мы как раз заканчивали партию, и я лениво наблюдал, как обшарпанные фигуры одна за другой исчезают с доски, образуя растущую кучку в прорези пододеяльника на его койке. За окном капризный ветерок вихрями закручивал сухую пыль. Волнами накатывал городской шум, и зудела неисправная неоновая вывеска. Партия для меня была почти что проиграна, но я был рад, что Морленд никогда мне не поддавался, как порой поступал в пассаже, чтобы подзадорить игроков. Я был счастлив, что вообще имею возможность играть с Морлендом, и тогда еще не знал, что я, возможно, его единственный друг.

Я произнес какую-то совершенную банальность насчет шахмат.

– Вы считаете, это действительно сложная игра? – откликнулся он, обратив на меня пристально-насмешливый взгляд темных, как ночные иллюминаторы, глаз из-под тяжелых век. – Что ж, может, оно и так. Но то, во что я играю каждую ночь во сне, во многие тысячи раз сложнее. И что самое дикое – это все продолжается и продолжается, ночь за ночью. Одна и та же игра. Я никогда и не сплю-то по-настоящему. Во сне я играю.

И он поведал, путаясь между легкомысленно-шутливым и смущенно-серьезным тоном, о том, что стало впоследствии основным предметом наших бесед.

Образы в этом сне, по его описаниям, были исключительно простыми, без обычных для таких случаев несоответствий и нелепицы. Доска до того огромная, что иногда он вынужден ходить по ней, чтобы передвинуть фигуру. Клеток намного больше, чем в шахматах, и они

---

⁷ Перевод А. Лисочкина.

самых разных цветов, причем сила фигуры зависит от цвета клетки, на которой она стоит. Сверху и по бокам доски только чернота, предполагающая беззвездную безграничность, как если бы, по его словам, вся эта сцена располагалась на самой верхушке Вселенной.

Проснувшись, он никогда не мог до конца припомнить все правила, хотя удавалось воспроизвести немало отрывочных моментов, включая довольно любопытный факт, что – совсем не так, как в шахматах, – его фигуры и фигуры противника не дублируют друг друга. И все же он был твердо убежден, что во сне не только прекрасно ориентируется в правилах, но и способен играть исключительно на стратегическом, гроссмейстерском уровне. По его словам, выглядело это так, будто его ночной разум располагает намного большим числом измерений, чем дневной, и позволяет интуитивно охватывать самые запутанные комбинации, которые обычно пришлось бы просчитывать шаг за шагом.

– Ведь ощущение мгновенно возросших умственных возможностей весьма обыденная вещь во сне? – добавил он, пристально глядя на меня. – Так что, полагаю, вы имеете полное право сказать, что и этот сон тоже вполне обыденный.

Я не совсем понял, как следует воспринимать последнюю реплику, так что решил отвлечь его вопросом:

– А как выглядят фигуры?

Как выяснилось, они имели определенную схожесть с шахматными: в том, что были весьма стилизованными и вместе с тем сохраняли какую-то видимость оригинала – архитектурного, природного, декоративного, – послужившего основой для стилизации. Но на этом схожесть и заканчивалась. А оригиналы, насколько он мог их представить, и сами по себе были гротесковыми до предела. Там были ступенчатые башни, слегка отклоняющиеся от вертикали, причудливо искривленные многоугольники, наводившие на мысли о храмах и гробницах, растительно-животные образы, которые не поддавались никакой классификации и чьи абстрактные конечности и наружные органы предполагали множество каких-то неведомых функций. Образцами для наиболее сильных фигур послужили, очевидно, живые существа, поскольку они держали стилизованное оружие или еще какие-то приспособления и были увенчаны чем-то очень похожим на короны и тиары – почти как король и ферзь в шахматах, – а резьба изображала тяжелые мантии и капюшоны. Но людей они напоминали только в этом смысле. Морленд тщетно пытался подобрать какие-то земные аналоги, называя индусских идолов, доисторических рептилий, скульптуры футуристов, осьминогов с кинжалами в щупальцах, огромных муравьев, богомоллов и прочих насекомых с фантастически видоизмененными конечностями.

– Наверное, пришлось бы обыскать всю Вселенную – каждую планету и каждое потухшее солнце, – чтобы найти оригинальные образцы, – проговорил он, нахмурясь. – Но не забывайте: в самих фигурах во сне вовсе нет никакого тумана и неопределенности. Они столь же осязаемы и материальны, как вот эта ладья. – Он подхватил упомянутую фигуру, на мгновение сжал ее в кулаке и протянул мне на ладони. – Неопределенность только в том, что они изображают.

Это может показаться странным, но его слова будто раскрыли некие «глаза сна» в моей собственной голове, и я будто наяву увидел то, что он описывал. Я спросил, не случилось ли ему в ходе этого сна испытывать страх.

Он ответил, что все фигуры до единой наполняли его глубоким отвращением – те, что изображали более высшие жизненные формы, обычно более сильным, чем, скажем, архитектурные. Ему было противно даже дотрагиваться до них. Была там одна фигура, которая действовала особенно болезненно-зачаровывающе. Он окрестил ее «стрелком», потому что создавалось впечатление, будто ее стилизованное оружие обладает способностью поражать на расстоянии; но в остальном ничего человеческого в ней не наблюдалось. Он пытался описать ее, рисуя некую промежуточную, искаженную жизненную форму, достигшую более высокого интеллектуального могущества, чем человек, не потеряв при этом – а скорей обретя – еще больше холодной жестокости и злобы. Это была одна из фигур противника, которой не нашлось

дубликата среди его собственных. Смешанное чувство отвращения и страха, которое она вызывала, иногда становилось столь сильным, что начинало оказывать влияние на всю его игровую стратегию в целом, и он опасался, как бы это чувство не достигло однажды такого уровня, при котором он не удержится и возьмет ее, только чтобы убрать с доски – даже если подобный ход заметно подорвет его позиции.

– Одному Богу известно, как это мой мозг сумел состряпать столь мерзкое существо, – закончил он с мимолетной ухмылкой. – Лет пятьсот назад я бы сказал, что тут не обошлось без козней дьявола.

– Кстати, о дьяволе, – спросил я, сразу осознав, что мое легкомыслие не совсем уместно. – А против кого вы играете во сне?

Он опять нахмурился:

– Не знаю. Фигуры противника двигаются сами. Я делаю ход, а потом, прождав чуть ли не целую вечность, уже совершенно на взводе, как в шахматах, замечаю, как одна из противостоящих фигур принимается легонько трястись, а потом вихляться взад-вперед. Постепенно размах увеличивается, пока фигура не потеряет равновесие и не начнет враскачку и вперевалку двигаться по доске, словно стакан в корабельной каюте во время шторма. Потом, так же постепенно, как и в начале, успокаивается и замирает. Не знаю почему, но это всегда наводит на мысль о некоем огромном, невидимом, дряхлом создании – хитром, эгоистичном, жестоком. Вы видели того трясущегося старика в пассаже? Который дрожащей рукой тащит фигуру по доске, не отрывая от поверхности? Это немного похоже.

Я кивнул. Сравнение оказалось довольно удачным, и я очень живо все представил. Я впервые подумал, насколько неприятной штукой должен быть подобный сон.

– И все это продолжается ночь за ночью? – спросил я.

– Ночь за ночью! – подтвердил он с внезапной горячностью. – И всегда одна и та же игра. Все это тянется уже больше месяца, а мои фигуры еще только-только вошли в первое соприкосновение с противником. Сны истощают мою мыслительную энергию. Я очень хочу, чтобы это когда-нибудь закончилось. Дошел уже до того, что боюсь ложиться спать. – Он приоткрыл рот и отвернулся. – Это может показаться странным, – мягко проговорил он через мгновение с виноватой улыбкой, – чтобы какому-то там сну придавалось такое значение. Но если у вас бывают плохие сны, вы знаете, как они способны омрачить любые мысли на весь следующий день. И я даже не буду в полной мере расписывать, что за чувства овладевают мной, пока снится этот сон, пока мой мозг трудится над игрой и разрабатывает комбинацию за комбинацией, взвешивая тысячи запутанных вариантов. Да, среди этих чувств есть отвращение, есть и страх. Я уже это говорил. Но самое сильное, господствующее над всеми остальными – это чувство ответственности. Мне никак нельзя проиграть. От этого зависит не только мое личное благополучие. Заключены еще какие-то ужасные пари, хоть я и весьма смутно представляю, какие именно.

Случалось ли вам в детстве, с присущей ребенку нехваткой взвешенности в оценках, вдруг страшно из-за чего-то беспокоиться? Посещало ли вас ощущение, будто все, буквально все зависит от того, как вы исполните некое совершенно тривиальное действие, какую-то абсолютно пустяковую обязанность? Так вот, во сне я сознаю, что на кон поставлена ни больше ни меньше как судьба всего человеческого рода. Единственный неверный ход – и Вселенная будет ввергнута в бесконечную ночь. Иногда во сне я просто-таки в этом уверен.

Последние слова он проговорил совсем тихо и уставился на фигуры. Я отпустил несколько ничего не значащих реплик и принялся пересказывать кошмар с полетами по воздуху, который мне недавно приснился, – что, судя по всему, не вызывало у Морленда особого интереса. На прощание я дал какой-то довольно неопределенный совет относительно перемены его ежевечерних привычек, который тоже вроде не произвел впечатления, хотя и был воспринят весьма любезно. Когда я уже направился к себе в комнату, он вдруг заметил:

– Правда, смешно подумать, что сейчас я опять начну играть, едва коснусь головой подушки? – И, ухмыльнувшись, беззаботно прибавил: – Наверное, все это закончится раньше, чем я думаю. Недавно появилось предчувствие, что противник вот-вот предпримет внезапное наступление, хоть и старательно изображает, будто ушел в глухую оборону.

Он опять ухмыльнулся и закрыл дверь.

Ожидая сна и глядя в клубящуюся волнистую тьму, которая была больше в самих глазах, чем перед ними, я размышлял, не нуждается ли Морленд в психиатрическом лечении в еще большей степени, чем большинство шахматистов. Человек без семьи, друзей или должного занятия наверняка должен быть предрасположен к умственным расстройствам. Но он вовсе не производил впечатления психически больного. Наверное, сон просто служил некой компенсацией за невозможность даже в шахматах в полной мере проявить то, на что способен его неординарный разум. И конечно, грандиозность видения, с его неземным фоном и причастностью к наивысшему интеллектуальному искусству, целиком и полностью удовлетворяла такому назначению.

В голове у меня крутились строчки рубаи Хайяма, где вселенная очень похожа на шахматы: «Мир я сравнил бы с шахматной доской: то день, то ночь. А пешки – мы с тобой. Подвигают, притиснут – и побили; и в темный ящик сунут на покой»⁸.

Потом я представил себе эмоциональную атмосферу его снов, чувства ужаса и безграничной ответственности, огромного долга и необратимости возможных последствий – чувства, которые узнавал из своих собственных снов, – и сопоставил их с безумным, тоскливым состоянием мира, ибо был октябрь и ощущение полнейшей катастрофы еще не успело окончательно притупиться... Вообразил миллионы таких вот плывущих по течению Морлендов, вдруг осознавших шокирующее положение вещей, безвозвратную потерю всего, на что они привыкли надеяться, и свое собственное, пусть и трудноопределимое, но не вызывающее никаких сомнений соучастие в общем развале и разоре. Сон Морленда начал представляться мне символом отчаянной, навеки запоздавшей борьбы против неумолимых сил судьбы и случайности. И мои ночные размышления закрутились вокруг фантазии, будто некие космические создания – ни боги, ни люди – давным-давно сотворили человечество в порядке шутки, или эксперимента, или творческого каприза, а теперь задумали решить судьбу своего детища по результатам игры на сообразительность между творением и творцом.

Внезапно я осознал, что сна ни в одном глазу и что темнота уже не безмятежна. Я резко щелкнул выключателем и ни с того ни с сего решил посмотреть, не лег ли еще Морленд.

В коридоре было столь же темно и похоронно-уныло, как и в любых меблированных комнатах поздно ночью, и я постарался уменьшить неизбежный скрип половиц до минимума. Несколько мгновений выждал перед дверью Морленда, но не услышал ни звука, так что стучать не стал и, полагаясь на наше близкое знакомство, отважился слегка приоткрыть дверь – потихоньку, чтобы не побеспокоить, если он уже лег.

Тогда-то я и услышал его голос, и впечатление, что этот голос доносится из какого-то страшного далека, было настолько определенным, что я сразу отошел к лестнице и позвал:

– Морленд, вы где?

И только в этот момент я осознал, что именно он произнес. Наверное, особенный смысл слов и был причиной тому, что поначалу они отложились у меня в голове как простой набор звуков.

Слова были такие:

– Хватаю пауком латника. Угрожаю.

---

⁸ Перевод И. Тхоржевского.

Мне внезапно пришло в голову, что по строению эта фраза очень напоминала одно из распространенных шахматных выражений, вроде: «Беру ладьей слона. Шах». Но никаких «пауков» или «латников» не было ни в шахматах, ни в других известных мне играх.

Я машинально направился в его комнату, хоть и по-прежнему сомневался, что он там. Голос раздавался уж очень далеко – будто не в доме или по меньшей мере в какой-то удаленной его части.

Но Морленд лежал на койке, обращенное кверху лицо озарялось далекой электрической рекламой, которая через равные интервалы включалась и выключалась. Шум уличного движения, в коридоре почти неслышимый, делал полутьму какой-то раздражающе живой, беспокойной. Как и раньше, будто надоедливое насекомое, зудела и жужжала неисправная неоновая вывеска.

Я на цыпочках подошел и склонился над ним. На лице, еще более бледном, чем ему следовало быть по причине некой особенности перемежающегося неоновых света, застыло выражение болезненной сосредоточенности – на лбу пролегли глубокие вертикальные складки, мышцы вокруг глаз напряглись, губы сжались в тонкую полоску. Я подумал, не стоит ли разбудить Морленда. Я остро ощущал вокруг безликое бормотание города – бесчисленных кварталов замкнутого, рутинного, отстраненного существования, – и из-за этого контраста лицо спящего казалось еще более ранимым, ярко индивидуальным и незащищенным, похожим на какого-то мягкого, хоть и целеустремленно напрягшегося моллюска, вдруг потерявшего свою защитную раковину.

Пока я пребывал в нерешительности, губы чуть приоткрылись, оставаясь столь же напряженными. Он заговорил, и опять впечатление разделяющего нас огромного расстояния оказалось таким сильным, что я невольно оглянулся на пыльное мерцающее окно. Потом меня охватила дрожь.

– Кольчатая тварь ползет на тринадцатый квадрат владений зеленого правителя.

Вот что он сказал – но каким голосом, я могу передать лишь очень приблизительно.

Непостижимая удаленность лишила этот голос всей звучности и богатства оттенков, так что был он пустым, плоским, слабым и траурно-жутковатым, как звучат иногда голоса в открытом поле, или с высокой крыши, или когда барахлит телефон. Возникло чувство, будто я жертва мрачноватого розыгрыша, но все же я представлял, что суть чревовещания заключается скорее в умении говорить, не шевеля губами, и ловком внушении, нежели в каком-то действительно убедительном изменении самого голоса. Против воли в голове у меня возникло видение безграничного пространства, заполненного тьмой. Казалось, меня выносит куда-то ввысь из окружающего мира, так что Манхэттен пролег подо мной, словно черный несимметричный наконечник стрелы, обведенный свинцовыми водами, и начал проваливаться со все увеличивающейся быстротой, пока и Земля, и Солнце, и звезды, и галактики не исчезли и я не оказался за пределами Вселенной. Вот до какой степени потряс меня голос Морленда.

Не знаю, долго ли еще я простоял, дожидаясь, когда он заговорит опять, среди плавающих, но не затрагивающих меня шумов Манхэттена и всплеск электрической вывески, мигающей с неуклонной размеренностью тиканья часов. Я мог думать только об игре, которая шла в этот момент, и гадать, сделал ли уже противник ответный ход и в чью пользу складывается партия. По лицу Морленда ничего прочесть было нельзя, оно оставалось напряженно-сосредоточенным. В течение нескольких мгновений – или минут, – пока я стоял там, я безоговорочно поверил в реальность описанной мне игры. Я будто сам каким-то образом спал и видел сон и был не в силах поставить эту веру под сомнение или разрушить сковавшие меня чары.

Когда наконец его губы слегка раздвинулись и я вновь испытал то невероятное, сверхъестественное чувство, будто нас разделяет огромная даль, – слова на сей раз были: «Рогатая тварь прыгает через кривую башню, вызов стрелку», – мой страх вдруг вырвался за какие-то неведомые рамки, в которых был заперт доселе, и я шархнулся к двери.

А затем произошло то, что стало в косвенном смысле наистраннейшей частью всего эпизода. За время, которое мне потребовалось, чтобы дойти по коридору до своей комнаты, большая часть страха и впечатления полнейшей оторванности от мира, всецело завладевших мной, пока я смотрел на лицо Морленда, испарились столь быстро, что я даже забыл на какое-то время, насколько сильными они были. Не знаю, почему это случилось. Возможно, потому, что жутковатое царство сновидений Морленда слишком уж гротескно отличалось от чего-либо в реальном мире. Какой бы ни была причина, к тому моменту, как я открыл дверь своей комнаты, я уже думал: «Нет, в таких кошмарах есть явно что-то нездоровое. Наверное, ему надо все-таки сходить к психиатру. Как бы то ни было, это всего лишь сон» и так далее. Я чувствовал сильную усталость и отупение. Очень скоро я провалился в забытие.

Но некая тень исчезнувших эмоций, должно быть, все-таки застряла где-то глубоко в голове, поскольку на следующее утро я проснулся в страхе, что с Морлендом что-то случилось. Поспешно одевшись, я постучался к нему в дверь, но обнаружил, что комната пуста, а простыни все еще смяты. Я расспросил хозяйку, и она сказала, что он ушел без десяти девять, как обычно. Этот простой и ясный ответ все же не избавил меня от смутного беспокойства. Но поскольку поиски работы завели меня в тот день как раз в район пассажа, появился вполне обоснованный предлог туда заглянуть. Морленд флегматично передвигал фигуры на пару с каким-то рассеянным, взъерошенным малым славянского типа, отвлекаясь время от времени на пару шашечных блиц-партий на стороне. Удовлетворенный этим зрелищем, я не стал его отвлекать и удалился.

Тем вечером у нас состоялся длинный разговор про сновидения вообще, и я не без удивления обнаружил, что Морленд в этом вопросе очень неплохо начитан и по-научному осторожен в оценках. К некоторой моей досаде, именно я навел разговор на такие сомнительные темы, как ясновидение, телепатия и вероятность странных растяжений и прочих искривлений времени и пространства в состоянии сна. Какая-то дурацкая скрытность не позволила мне признаться, что вчера ночью я сунул нос к нему в комнату, но вскоре он и сам сообщил, что просмотрел очередную серию обычного сна. Теперь, уже поделившись испытанным, он вроде склонялся к более философской оценке происходящего. Вместе мы поразмыслили над возможными дневными источниками его сна. Когда наконец пожелали друг другу спокойной ночи, было уже далеко за полночь.

Вышел я от него с легким чувством разочарования – некой смутной неудовлетворенности. Наверное, страх, который я испытал прошлой ночью и потом почти забыл, упорно продолжал грызть меня откуда-то глубоко изнутри.

А следующим вечером все повторилось опять. Предположив, что Морленда уже порядком утомили разговоры про сновидения, я подбил его на партию в шахматы. Но посреди игры он вдруг поставил на место фигуру, которой собрался сделать ход, и проговорил:

– Знаете, а этот чертов сон становится все более утомительным.

Выяснилось, что его противник наконец развязал давно грозившее наступление и сон стал превращаться в некое подобие настоящего кошмара.

– Это почти как в шахматах, – пояснил он. – Вы играете в полной уверенности, что позиция у вас крепкая и партия движется в нужном направлении. Все ходы противника вам давно известны. Вы кажетесь себе провидцем. И вдруг он делает совершенно неожиданный атакующий ход. На мгновение вам кажется, что это просто глупость, грубая ошибка с его стороны. Потом присматриваетесь и осознаете: вы что-то полностью проглядели и атака самая настоящая. И тут вас прошибает холодный пот.

Конечно, в этом сне я и так постоянно испытываю страх, волнение и чувство огромной ответственности. Но мои фигуры всегда были стеной, которая надежно меня защищала. А теперь я вижу в этой стене одни трещины. И пробита она может быть в любом из сотни слабых мест. Как только одна из противостоящих фигур начинает трястись и качаться, я гадаю,

не случится ли так, что, когда ход будет сделан, в голове у меня вдруг вспыхнет единственная и неизбежная комбинация ходов, ведущая к моему поражению. Вчера ночью показалось, что я действительно вижу такой ход, и ужас был настолько силен, что в один миг я словно провалился сквозь миллионы миль пустоты. И все же прямо в этот момент пробуждения я понял, что моя позиция, хоть и опасная, пока остается прочной. Это было так ясно и четко, что я чуть было не перенес в свое дневное сознание и ответ почему, но тут из причинной цепочки выпало сразу несколько звеньев, словно мой бодрствующий разум оказался не так велик, чтобы удерживать их все сразу.

Морленд сообщил, что фиксация на «стрелке» причиняет ему все большее беспокойство. Тот наполнял его неким особенным ужасом, несколько иным по окраске, но, пожалуй, даже еще более высокого уровня, чем тот, что порождался сном в целом, – каким-то сумасшедшим, болезненным ужасом, который отличали сильнейшее чувство гадливости, перекручивающее нервы раздражение и безрассудные порывы наложить на себя руки.

– Не могу избавиться от чувства, – сказал он, – что эта тварь в какой-то нечестной, коварной манере и станет причиной моего поражения.

Мне он показался очень усталым, хотя лицо было того непроницаемого, натянутого склада, что не всегда с готовностью демонстрирует признаки утомления, и я серьезно обеспокоился за его физическое и нервное состояние. Я предложил ему проконсультироваться с врачом (не хотелось употреблять слова вроде «психоаналитик» или «психиатр») и высказал предположение, что отчасти может помочь снотворное.

– Но в более глубоком сне сновидения нередко бывают даже еще ярче и реалистичней, – возразил он с саркастической улыбкой. – Нет уж, лучше буду играть по-старому.

Я не без радости подметил, что он по-прежнему рассматривает свой сон как некий интересный временный психологический феномен. (На том, в качестве чего еще он мог этот сон рассматривать, я предпочел не останавливаться.) Даже признавая исключительную напряженность своих эмоций, Морленд всегда подавал свои высказывания в эдаком шутиливом ключе. Раз он сравнил свои сны с манией преследования параноика и вскольз заметил, не пора ли ему удалиться в сумасшедший дом.

– Там я смогу окончательно забыть про пассаж и все мое время посвятить игре, – добавил он и резко рассмеялся, заметив, что я начинаю размышлять, не вложен ли в эти слова серьезный смысл.

Но некую часть моего сознания не убедили подобные заверения, и когда позже моя комната погрузилась во тьму, воображение продолжало рисовать вселенную в виде огромной арены, где всякому живому существу суждено быть втянутым в заранее проигранную игру на сообразительность против некоего демонического разума, и как бы долго ни тянулась эта игра, похожая на игру кошки с мышью, ее исход всегда известен заранее – или почти всегда, потому что каким-то чудом этот разум может и проиграть. Я поймал себя на том, что сравниваю его кое с кем из шахматистов, которые, если вдруг не способны победить противника мастерством, все равно добиваются успеха – за счет одного только поведения за доской, призванного вызвать у противника раздражение и лишить его ясности мысли.

Подобный настрой внес определенную окраску и в мои собственные неясные сновидения; не отпускал он и на следующий день. Шатаясь по улицам, я чувствовал, как меня переполняет беспокойство, и ощущал нервную натянутость и страдание в каждом промелькнувшем передо мною лице. Я словно впервые обрел способность заглянуть за маску, которую носит каждый человек, особенно в переполненном городе, и увидеть, что скрывается за ней: самовлюбленная ранимость, затаенное раздражение, страстное упрямство, крушение надежд – и над всем этим тревога, слишком трудноопределимая и чего-то недосчитывающая, чтоб имеваться страхом, но тем не менее заражающая каждую мысль и действие и делающая самые обыденные вещи пугающими. И мне казалось, что социальных, экономических, психологиче-

ских факторов, даже смерти и войны недостаточно, чтобы объяснить подобное беспокойство, и что это и впрямь порождение чего-то сомнительного и опасного в самом строении вселенной.

Вечером я опять забрел в пассаж. Здесь я тоже ощутил некие перемены, ибо рассеянность Морленда была уже не той расчетливой скукой, с которой я был знаком, а усталость шокирующе бросалась в глаза. Один из трех его противников, беспокойно поерзав на стуле, напомнил, что давно сделал ход, и Морленд так вздернул голову, будто очнулся от дремы. Он немедленно походил в ответ и сразу потерял ферзя, угодив в ловушку, которая была очевидна даже мне. Немного позже он проиграл еще одну партию в результате не менее элементарного промаха. Хозяин пассажа, крупный, раскормленный тип, вперевалку подошел и с бесстрастным выражением на мясистой физиономии остановился за спиной у Морленда, словно изучая позицию последней игры. Морленд сдал и эту.

– Кто победил? – спросил хозяин.

Морленд указал на противника. Хозяин неопределенно хмыкнул и отошел.

Больше играть никто не сел. Пассаж должен был вот-вот закрыться. Я точно не знал, заметил ли меня Морленд, но через некоторое время он встал, кивнул мне и взял шляпу и пальто. Мы направились к себе в меблированные комнаты. Путь был не близкий. По дороге Морленд едва произнес пару слов, а мое ощущение нездорового проникновения в окружающий мир тоже держало меня в молчании. Он, как и обычно, шагал длинными, чуть скованными шагами, сунув руки в карманы, глубоко нахлобучив шляпу и хмуро уставившись на тротуар футах в десяти вперед.

Когда мы вошли в комнату, он сел, не снимая пальто, и произнес:

– Ну конечно, это я из-за сна проиграл три партии. Когда я сегодня проснулся, он был до ужаса четким, и я почти вспомнил точную позицию и все правила. Я тут начал рисовать схему...

Он указал на обрывок оберточной бумаги на столе. Торопливые пересекающиеся линии, в спешке не доведенные до конца, изображали нечто вроде угла неопределенно большей сетки. Там было около пятисот клеток. На некоторых имелись значки и названия фигур, а отходящие от них стрелки показывали направления ходов.

– Добрался только досюда, уже начинаю забывать, – проговорил он устало, глядя в пол. – Но я по-прежнему очень близко. Это как математическая головоломка, которую ты почти разгадал. Части доски мелькали у меня в голове весь день; казалось, одно небольшое усилие – и удастся ухватить все целиком. И все же не удалось. – Его голос изменился. – Понимаете, я на пороге поражения. Это все та фигура, которую я прозвал стрелком. Ночью никак не мог сосредоточиться на доске – стрелок словно заслонял все остальные фигуры. И что хуже всего, он на самом острие неприятельской атаки. Я просто жажду взять его. Но нельзя, ведь это еще и некое орудие, приманка в стратегической ловушке, заложенной противником. Если я возьму стрелка, то неминуемо откроюсь и партия будет проиграна. Так что приходится смотреть, как он подкрадывается все ближе – у него довольно уродливый скачущий ход с двумя изломами, – и не забывать, что мой единственный шанс – это сидеть тихо, пока противник не перехитрит самого себя и я не получу шанса контратаковать. Но этого не будет. Очень скоро, возможно даже сегодня ночью, нервы не выдержат, и я возьму стрелка.

Я с огромным интересом изучал схему и вполуха слушал все остальное – в том числе и подробное описание наружности стрелка: голова как бы из пяти долек... голова, почти скрытая капюшоном... какие-то придатки, с четырьмя суставами каждый, выглядывающие из-под мантии... некое восьмизубое оружие с колесиками и рычагами и какие-то пузырьки, будто бы для яда... поза, наводящая на мысль, что фигура целится из этого оружия... все причудливо вырезано из какого-то глянцевого красного камня с фиолетовым отливом... выражение жестокой, сверхъестественной злобы...

Тут все мое внимание сфокусировалось на схеме, и меня пробрала дрожь, поскольку я узнал два знакомых названия, которые Морленд никогда не упоминал при мне днем, — «кольчатая тварь» и «зеленый правитель».

Ни секунды не колеблясь, я рассказал, как три ночи назад слышал его разговоры во сне и как точно совпадают с названиями на схеме странные слова, которые он тогда произносил. Все это я выложил с прямо-таки мелодраматической поспешностью. Открытие надписей на схеме, само по себе не особо поразительное, потому, наверное, произвело на меня столь сильное впечатление, что до той поры я успел забыть или загнать куда-то вглубь сильный страх, который испытал, наблюдая за спящим Морлендом.

Однако, не успев еще закончить, я заметил в его лице растущее беспокойство и внезапно осознал, что эти мои признания и открытия могут подействовать на него далеко не лучшим образом. Так что я решил умолчать о поразившей меня особенности его голоса — впечатлении разделявшего нас огромного расстояния — и о страхе, который он у меня вызвал.

Даже при этом было совершенно очевидно, что Морленд испытал жесточайший шок. Казалось, он пребывал на грани серьезного нервного срыва, когда стремительно метался взад-вперед и бросал совершенно сумасшедшие замечания, вновь и вновь возвращаясь к дьявольской убедительности сна — которую мое откровение, похоже, еще больше усилило, — и наконец разразился невнятными просьбами о помощи.

Эти просьбы произвели на меня немедленный эффект, заставив позабыть любые дикие рассуждения о себе самом. Думать теперь я мог только о том, как помочь Морленду, и происходящее опять представлялось мне проблемой, которую разумней перепоручить психиатру. Наши роли переменились. Я был уже не благоговеющим слушателем, а надежным и рассудительным другом, к которому Морленд обратился за советом. Это более всего придало мне чувство уверенности и сделало мои предыдущие размышления детскими и нездоровыми. Я ругательно ругал себя за то, что потворствовал игре его обманчивого воображения, и теперь делал все возможное, чтобы исправить эту ошибку.

Через некоторое время мои повторяющиеся доводы вроде возымели определенный успех. Морленд успокоился, и наша беседа опять стала более-менее разумной и двусторонней, хотя он то и дело продолжал интересоваться моим мнением относительно того или иного момента, не дававшего ему покоя. Мне впервые открылось, до какой степени серьезно воспринимает мой друг этот сон. Во время своих одиноких тягостных размышлений, рассказывал мне Морленд, он иногда приходил к убеждению, что, когда он спит, его разум оставляет тело и уносится сквозь немеренные дали в некое межвселенское царство, где и играет партия. Возникла иллюзия, говорил он, опасного приближения к сокровеннейшим тайнам вселенной и к открытию того, что среди них одна гниль, зло и насмешка. Временами дикий страх вызывало предположение, что когда-нибудь этот переход между его разумом и царством игры «распадется», по его словам, до такой степени, что и его тело «будет высосано из нашего мира вместе с разумом». Убежденность в том, что проигрыш в игре обрекает на какую-то ужасную участь весь мир, в последние дни только окрепла. Он провел пугающие параллели между ходом игры и ходом войны и уже начинал верить, что итог войны — хоть и вовсе не обязательно победа одной из сторон — зависит исключительно от конечного результата партии.

Иногда это становилось настолько сильным, что единственное облегчение давала мысль: что бы ни случилось, ему нипочем не убедить других в реальности своего сна. Этот сон всегда будут рассматривать как проявление сумасшествия или плод больного воображения. Не важно, насколько живой и яркий он для самого Морленда, — тому в жизни не представить твердых, объективных доказательств.

— Как и сейчас, — добавил он. — Вы ведь видели, что я сплю, правда? На этой самой койке. Слышали, как я разговариваю во сне? Разговариваю про игру. И вы нисколько не сомневаетесь, что это всего лишь сон, верно? Вам ведь ничего другого и в голову не приходит?

Не знаю, почему эти последние довольно двусмысленные вопросы должны были произвести на меня такой увещающий эффект – притом что каких-то три ночи назад я содрогался от ужаса, заслышав доносящийся неведь откуда голос Морленда. Но они это сделали. Они как бы стали печатью на договоре между нами – относительно того, что сон был просто сном и ничего другого не значил. У меня возникло какое-то приподнято-самодовольное чувство – словно у врача, вытащившего пациента из опасного кризиса. С Морлендом я говорил тоном, который сейчас назвал бы напыщенно-сочувственным, и не замечал, с какой унылой покорностью кивает он в ответ на мои поучения.

Я даже убедил его посетить ночную забегаловку по соседству, как будто – прости меня, Господи! – желал отпраздновать собственную победу над его сном. Пока мы сидели у грязноватой стойки, покуривая сигареты и потягивая обжигающий кофе, я заметил, что он вновь обрел способность улыбаться, что лишь прибавило мне самодовольства. Я был слеп к той предельной подавленности и смиренной безнадежности, что скрывались за этими улыбками. Когда я распрощался с ним на пороге его жилища, он вдруг порывисто схватил меня за руку и проговорил:

– Хочу сказать одно: я действительно очень благодарен за то, что вы меня вытащили из этого болота.

Я отмахнулся.

– Нет-нет, не спорьте, – продолжил он. – Это и в самом деле очень важно. Ну ладно, все равно спасибо!

Уходя, я казался себе чуть ли не благодетелем. Не возникло никаких мрачных предчувствий. Я только размышлял, в таком весьма философском плане, о том, сколь диковинные формы могут принимать страх и беспокойство в условиях нашей безнадежно запутавшейся цивилизации.

На следующее утро, едва одевшись, я бодро постучал в его дверь и машинально толкнул ее, не дожидаясь ответа. На мгновение меня ослепил солнечный свет, льющийся сквозь пыльное стекло.

А потом я увидел *это*, и все остальное отступило на задний план.

Оно лежало на смятой простыне, почти скрытое складкой одеяла, – штука дюймов десяти в высоту, твердая, как статуэтка, и столь же бесспорно реальная. Но с первого же взгляда я понял, что ее форма не имеет никакого отношения к какому-либо земному существу. Этот факт был бы совершенно очевиден не только профану в искусстве, но и специалисту. Также я понял, что красное с фиолетовым отливом вещество, из которого она была вырезана или отлита, отсутствует в классификации земных минералов и металлов. Налиествовала каждая деталь. Голова, как бы из пяти долек, почти скрытая капюшоном. Какие-то придатки, с четырьмя суставами каждый, выглядывающие из-под мантии. Восьмизубое оружие с колесиками и рычагами. Пузырьки, как будто для яда. Поза, наводящая на мысль, что фигурка целится из этого оружия. Выражение жестокой, сверхъестественной злобы.

Вне всяких сомнений, это была та самая вещица, которая снилась Морленду. Вещица, которая ужасала и завораживала его, как теперь ужасала и завораживала меня, которая невыносимо терзала его нервы, как теперь начинала терзать нервы мне. Вещица, служившая острием неприятельского наступления и приманкой, взятие которой – а теперь было совершенно очевидно, что она взята, – означало почти неминуемый проигрыш. Вещица, которую каким-то непостижимым образом забросило сюда сквозь необозримые пространства из царства безумия, правящего вселенной.

Вне всяких сомнений, это и был стрелок.

Едва сознавая, что движет мной, помимо страха, и какая у меня цель, я бросился прочь из комнаты. Потом сообразил, что должен разыскать Морленда. Вроде никто не видел, как он выходил из дому.

Я искал его весь день. В пассаже, шахматных клубах, библиотеках.

Был уже вечер, когда я вернулся и заставил себя войти в его комнату. Фигурки там уже не было. Никто во всем доме не признался, что хоть что-то про нее знает, – а я спросил почти всех его обитателей, – хотя некоторые отрицания показались мне чересчур уж возмущенными. Это навело на мысль, что стрелок, несомненно обладающий материальной ценностью, уже нашел дорогу в руки какого-нибудь богатого и эксцентричного коллекционера. В прошлом и другие мелкие предметы ускользали отсюда подобным маршрутом.

Или же сам Морленд незаметно вернулся и забрал стрелка с собой.

Но я был уверен, что фигуру сделали не на Земле.

И хотя есть вполне серьезные причины опасаться противного, у меня есть ощущение, что где-то – в дешевом пансионе, или меблированных комнатах, или сумасшедшем доме – Альберт Морленд, если игра еще не закончена и час расплаты не пробил, все еще доигрывает эту невероятную партию, ставка в которой слишком чудовищна, чтобы человек сумел ее осознать.

Зачарованный лес⁹

Темнота была терпкой, как листья фомальгаутской аа, едкой, как ригелианский лесной пожар, и все еще слабо подрагивала, как танцующие дома Диких. Ее наполняло низкое сердитое жужжание, так похожее на гул растревоженного улья земных пчел.

Коротко и натужно взревели механизмы. Овальный люк открылся в темноту. Внутри просочился мягкий зеленоватый свет, а вместе с ним неповторимый, приправленный травяной горечью аромат новой планеты.

Зеленоватый оттенок свету придавали не то колючие ветви, не то корни, перегородившие отверстие люка. После утомительной монотонности подпространства ком подкатывал к горлу при виде переплетенных, толстых, как человеческое запястье, побегов.

Человеческая рука протянулась из темноты к зеленому барьеру. Тонкие, как пальцы, прозрачные шипы задрожали, слегка изогнулись, а затем рванулись вперед... но продвинулись лишь на волосок, потому что рука тут же остановилась.

Она не убралась, просто зависла у самого острия шипа – наслаждение опасностью. Резкий беззаботный смех отпечатался в обиженно загудевшей темноте.

«Нужно очистить выход от этих чертовых зеленых кинжалов, – подумал Элвин. – Впрочем, хорошо, что они вообще здесь есть. Возможно, этот колючий лес и стал той соломинкой, которая спасла катер... или, по крайней мере, меня».

И тут Элвин замер. Гудение за его спиной оформилось в неправильную английскую речь, искаженную за столетия, но, в сущности, оставшуюся прежней.

– Ты летишь быстро, Элвин.

– Быстрее любого из ваших охотников, – негромко согласился Элвин, даже не оглянувшись, и добавил: – «ВСС» означает «выше скорости света».

– Ты летишь далеко, Элвин. Десятки световых лет, – продолжил искаженный голос.

– Двадцатки, – поправил Элвин.

– И все-таки я говорю с тобой, Элвин.

– Но ты не знаешь, где я. Я прошел через слепую зону глубоко в подпространстве. Ваше ВСС-радио не могло меня засечь. Ты кричишь в бесконечность, Федрис.

– Элвин, ты можешь лететь сколь угодно быстро и далеко, – продолжил искаженный голос, – но в конце концов где-нибудь сядешь, и мы отыщем тебя.

Элвин снова беззаботно рассмеялся. Он все еще смотрел в зеленый проем люка.

– Отыщите меня? Где вы меня отыщите, Федрис? На какой из миллионов планет СОС? На какой из сотен миллионов планет, не входящих в него?

Искаженный голос зазвучал слабее:

– Твоя родная планета мертва, Элвин. Из всех Диких только ты сумел проскользнуть мимо наших кордонов.

На этот раз Элвин ничего не сказал вслух. Он нащупал на шее светящийся медальон и осторожно вынул из него крохотную белую сферу величиной с божью коровку, посмотрел на нее с мрачной усмешкой, бережно держа в ковшике ладони, и снова положил в медальон, словно величайшую реликвию.

Искаженный голос сник до призрачного шепота:

– Ты один, Элвин. Один против тайн и ужасов Вселенной. Непостижимое доберется до тебя раньше нас. Время, пространство и судьба объединились против тебя. Даже сама удача...

Призрачный голос ВСС-радио умолк, когда поврежденные аккумуляторы окончательно сели. Утробу потерпевшего аварию корабля вновь наполнила тишина.

---

⁹ Перевод С. Удалина.

И весело разлетелась на осколки, когда Элвин рассмеялся в последний раз. Федрис-психолог! Федрис-глупец! Неужели Федрис надеется расшатать его нервы с помощью шаманских фокусов и силы внушения? Словно кто-нибудь из Диких может поверить в сверхъестественное!

«Не то чтобы во Вселенной совсем нет неизъяснимого, – мрачно напомнил себе Элвин. – Есть сверхъестественная красота, порождаемая опасностью и полным самовыражением. Но одни лишь Дикие понимают это неизъяснимое. Его никогда не понять бедным прирученным стадам, которые будут поклоняться безопасности и трусости, как всегда делало большинство членов СОС, или Сообщества... и ненавидеть всех, кто любит красоту и опасность».

Как ненавидели Диких и поэтому уничтожили их.

Всех, кроме одного.

Федрис сказал «один»? Элвин скептически усмехнулся, дотронулся до медальона на шее и легко вскочил на ноги.

Немного времени спустя он извлек из поврежденного корабля все, что ему было необходимо.

«А теперь, Федрис, я должен совершить акт создания, – пробормотал он и улыбнулся. – Или лучше сказать „воссоздания“?»

Он навел тупое жерло распылителя на забитый зеленью проход. Не последовало ни звука, ни вспышки; зеленые ветви затряслись и почернели, утратив шипы, а затем превратились в сдуваемый ветром порошок, мелкий и черный, как пыльный ковер земной Луны. Элвин метнулся к выходу и на какое-то мгновение задержался там – золотоволосый, с холодной усмешкой на губах и веселыми искорками в глазах, в расшитой платиной тунике черного цвета, прекрасный, как юный бог... или дьявол-подросток. Затем высунулся наружу и направил ультразвуковой луч распылителя вниз, расчищая свободную площадку посреди колючего леса. Закончив эту работу, он ловко спрыгнул на землю; мелкая пыль от удара поднялась в воздух и окутала его колени.

Элвин выключил распылитель, смахнул пот с лица, рассмеялся, подумав о своем растущем недовольстве, и оглядел лес. Тот не изменился ни на йоту за мили пути. Все те же глянцевые шипы, копьевидные листья и ветви поднимались из голой красноватой земли. Остальной планеты он не видел, как не уловил ни малейшего намека на движущихся живых существ – не считая самих шипов, «замечавших» его, когда он приближался. Ради эксперимента он позволил одному малютке уколоть себя, и это оказалось чудовищно больно.

Но все-таки что это за странная природа? Искусственные насаждения? Или растения пропитывают все вокруг ядом, как земное красное дерево – свою древесину? Он усмехнулся, почувствовав, как по спине пробежал холодок.

Если здесь нет животных, для чего нужны шипы?

Нелепый лес! Своей незатейливостью он напоминал зачарованные леса из старинных земных сказок. Эта идея пришла бы по душе доктору Федрису!

Если бы Элвин имел хоть какое-то представление о том, где находится планета, он мог бы составить более обоснованное мнение о здешних формах жизни. Споры жизни дрейфуют по космосу, поэтому разные планетные системы и даже целые звездные регионы могут иметь схожие биосистемы. Но Элвин передвигался слишком быстро, слишком необычным способом, на самом быстром и необычном корабле Диких – слишком быстро даже для того, чтобы наблюдать за звездами и определить, где он оказался.

«Или чтобы Федрис мог определить это», – напомнил он себе.

Или чтобы его появление могла засечь станция слежения за глубоким космосом, если она была на этой планете. Но раз уж на то пошло, он и сам не собирался здесь появляться. Просто вынырнул из подпространства среди злобещих черных конфетти метеорных потоков

– а потом столкновение, стремительное падение поврежденного корабля и отчаянная попытка зацепиться за ближайшую планету.

Он сумеет определить, где находится, когда наступит ночь и покажутся звезды. Если, конечно, ночь на этой планете когда-нибудь наступает. И если когда-нибудь рассеется высокий туман.

Элвин сверился с компасом. Стрелка примитивного, но полезного инструмента работала исправно. По крайней мере, у планеты были магнитные полюса.

И вероятно, здесь были ночь и день, смена которых поддерживает растительную жизнь и комфортную температуру.

Как только Элвин выберется из этого леса, он сможет строить планы на будущее. Только бы здесь оказались города! Хотя бы один!

Он спрятал компас под тунику и с удивительной нежностью, почти с благоговением, прикоснулся к медальону на шее.

Потом посмотрел на кружева веток над головой. Да, все именно так, как в тех сказочных лесах, что заставляли рыцаря изрядно помахать двуручным мечом.

С распылителем задача упрощалась – ультразвуковых зарядов в его магазине хватит на расчистку еще десятков миль пути.

Элвин оглянулся на слегка изогнутый тоннель, проделанный им.

Сквозь голубовато-серый пепел уже пробивались треклятые зеленые ростки.

Он включил распылитель.

Ветки на опушке леса были такими густыми, что свободное пространство ошеломило Элвина. На мгновение он застыл, глядя, как хаотичный зеленый ковер чернеет под невидимым лучом распылителя. А затем вышел из леса – не в волшебную страну, но в такое место, где впервые прозвучали сказки о ней.

Чистое пространство растянулось приблизительно на полмили. Со всех сторон его окружал колючий лес. Из ядовитой зелени в сотне шагов справа от Элвина вытекал ручей и, журча, пересекал прогалину по неглубокой ложбине. За ручьем виднелся небольшой холм.

На склоне холма пристроилась кучка невзрачных серых домов. Над одним висело перышко дыма. Рядом стояли две повозки и примитивные сельскохозяйственные машины.

За исключением участка с домами, всю ложбину занимали посадки. По всему холму через равные промежутки росли невысокие деревья с красными и желтыми плодами. Повсюду виднелись ряды кустарников и засеянные пшеницей поля, волновавшиеся на ветру. Однако все растения, казалось, останавливались и замирали в ярде от колючего леса.

Послышалось печальное мычание, а затем из-за холма вышли коровы, числом с полдюжины. Мужчина в простой рубахе неторопливо повел их в сторону домов. Маленькое животное – возможно, кошка – выскочило из дома, над которым поднимался дым, и пошло рядом с коровами, путаясь у них под ногами. Следом за кошкой из дверей появилась девушка и стала, скрестив руки на груди.

Элвин жадно впитывал атмосферу покоя и щедрой земли, чувствуя себя человеком, окунувшимся в древность. Должно быть, именно о таких идиллических картинах рассказывалось в старинных земных песнях. Напряженные мышцы Элвина невольно расслабились.

Из рожицы прямо перед ним вышла вторая девушка и остановилась, глядя на него широко раскрытыми глазами. На ней была сплетенная из травяных волокон рубаха. Элвин ощутил ее странное обаяние – наполовину искушенное, наполовину наивное. Она была похожа на девушку Диких, наряженную в деревенскую одежду. Но на ее лице застыл детский испуг.

Элвин направился к ней по шелестящему пшеничному полю. Девушка опустила на колени.

– Ты, ты... – с трудом пробормотала она, а затем продолжила уже быстрее, на превосходном английском: – Не делай мне зла, владыка. Прими мое почтение.

– Я не сделаю тебе зла, если ты ответишь на мои вопросы, – сказал Элвин, решив воспользоваться тем, что его приняли за какую-то важную персону. – Что это за деревня?

– Это Деревня, – простодушно ответила девушка.

– Да, но какая?

– Просто деревня, – дрожащим голосом повторила она. – Других деревень не бывает.

– Откуда же тогда пришел я? – спросил он.

Ее глаза округлились от страха.

– Не знаю.

Она была рыжеволосой и довольно красивой. Элвин нахмурился:

– Что это за планета?

Она с недоумением посмотрела на него:

– Что такое планета?

«Возможно, мне все-таки придется столкнуться с языковыми трудностями», – подумал Элвин.

– Что это за солнце? – спросил он.

– Что такое солнце?

Теряя терпение, он показал наверх:

– Разве это никогда не кончается?

– Ты хочешь сказать, – испуганно пробормотала она, – что небо может кончиться?

– Небо всегда одинаковое?

– Нет, иногда оно светлеет. Но сейчас наступает вечер.

– А где кончается этот колючий лес?

– Не понимаю.

Взгляд девушки скользнул за спину Элвина, на неровный коридор, сделанный его распылителем. Испуг на ее лице перерос в благоговейный ужас.

– Ты победил ядовитые иглы, – прошептала она, затем склонилась так низко, что распущенные рыжие волосы коснулись бурых ростков, и выдохнула: – Не делай мне зла, всемогущий.

– Не могу этого обещать, – отрывисто произнес Элвин. – Как тебя зовут?

– Сефора, – шепотом ответила она.

– Хорошо, Сефора, отведи меня к остальным.

Она вскочила и быстрее лани помчалась назад к домам.

Неспешной величественной поступью, подобающей богу, властелину, или за кого там приняла его девушка, Элвин подошел к дому, над крышей которого поднимался дым. Здесь уже приготовились встретить его. Двое юношей преклонили колени перед ним, а другая девушка, которую он видел стоящей у двери, протянула ему деревянное блюдо с оранжевыми и пурпурными плодами. Победитель колючего леса попробовал угощение и коротким кивком велел убрать блюдо, хотя плоды были очень вкусными.

Элвин вошел в примитивный деревенский дом, где его встретила раздумавшаяся Сефора, с полотенцем и исходящей паром миской в руках, и смущенно показала на его ботинки. Он продемонстрировал ей фокус с растягивающейся обувью и через несколько мгновений уже лежал на ложе из шкур, набитых благоухающими листьями, а девушка почтительно омыла ему ноги.

Ей было около двадцати лет, как он выяснил, ведя праздный разговор и отложив на время расспросы о более важных вещах. В ее жизни не было ничего, кроме крестьянского труда и простых забав. Один из юношей – Альфорс – недавно стал ее другом.

Серое небо снаружи быстро темнело. Второй юноша, Корс, которого Элвин видел пасущим стадо, принес охапку сучковатых поленьев и скормил их скудному огню; тот мгновенно

разгорелся ярким желто-красным светом. Тем временем Тулия – девушка Корса – пристроилась рядом и занялась работой, от которой по дому растеклись аппетитные запахи.

При всем домашнем уюте в воздухе витала скованность. «В конце концов, – напомнил себе Элвин, – не каждый вечер к тебе на ужин приходит бог». Но после тушеного мяса со свежеевыпеченным хлебом, фруктового варенья и легкого вина он одобрительно улыбнулся, и атмосфера тут же стала более праздничной, почти веселой. Альфорс взял арфу со струнами из бычьих жил и запел незатейливый гимн природе, а Сефора и Тулия принялись танцевать. Корс следил за тем, чтобы огонь в печи продолжал гудеть, а чаша Элвина всегда была наполнена, хотя один раз ненадолго вышел – видимо, присмотреть за посадками.

Элвин оживился. Деревенские жители немного напоминали Диких. Казалось, в них была частичка того беззаботного, восторженного духа, который так ненавидели одомашненные народы СОС. Однако вскоре сходство сделалось болезненно сильным, и он повелительным жестом умерил веселье.

Наблюдая и задавая вопросы, Элвин быстро собирал информацию, хотя то, что он узнал, скорее ошеломило его, чем принесло ему пользу. Эти четверо, двое юношей и две девушки, были единственными обитателями деревни. О других людях они ничего не знали.

Они никогда не видели солнца и звезд. Очевидно, оси собственного вращения планеты и ее вращения вокруг светила были параллельны, поэтому климат на любой широте оставался неизменным, а в этой местности небо постоянно закрывал пояс облаков. Элвин решил, что позже проверит это и определит, равна ли продолжительность дня и ночи.

Самым странным было то, что эти две пары никогда не выходили за пределы расчищенного участка. Колючий лес – бесконечный, как они считали, – стал для них непреодолимым барьером. Огонь шипел и гас; соприкоснувшись с ним, самые острые топоры мгновенно затуплялись. И потом, эти четверо вполне здраво опасались дьявольских разумных шипов.

Все это заставляло выстроить очевидную последовательность вопросов.

– А где ваши родители? – спросил Элвин Корса.

– Родители?

Корс наморщил лоб.

– Ты говоришь о сверкающих? – вмешалась Тулия, словно бы чем-то опечаленная. – Они ушли.

– Сверкающие? – усмехнулся Элвин. – Такие же люди, как вы?

– О нет. Они из металла, с колесиками вместо ног и длинными умелыми руками, которые сгибаются в любом месте.

– Как бы мне хотелось быть сделанной из прекрасного яркого металла! – мечтательно произнесла Сефора. – С колесиками вместо уродливых ног, мелодичным, неизменным голосом. Как бы мне хотелось знать все на свете и никогда не сердиться!

– Перед уходом они объяснили нам, почему должны уйти, – продолжила Тулия. – Чтобы мы могли справляться своими силами, как должны поступать все живущие. Но мы их любили и поэтому очень огорчились.

«Видно, ничего не поделаешь», – подумал Элвин, воспользовавшись своей способностью к чтению мыслей, чтобы проверить правдивость сказанного. Этих людей действительно вырастили роботы. Но как такое случилось? Десятки фантастических недоказуемых версий родились в его голове. Он криво усмехнулся, вспомнив слова Федриса о тайнах Вселенной.

Затем настала его очередь отвечать на вопросы, робкие и благоговейные.

– Я темный ангел, прилетевший свыше, – без затей объяснил он. – Создавая Вселенную, Бог решил, что это место будет довольно скучным, если в нем не найдется ни одной души, готовой идти на любой риск и презирать любую опасность. Поэтому он скупо разбросал между бесчисленных стад прирученных ангелов дикую породу, чтобы в мире всегда было сколько-то беззаботных душ, готовых преодолевать любые преграды. И ломать тоже, чтобы уводить при-

рученные стада в ночь с ее неизведанными красотами и опасностями. – Он лукаво улыбнулся, и отблески пламени заиграли на его щеках и губах. – Так же, как я сломал ваш колючий барьер.

Снаружи давно уже стояла крошечная тьма. Бутылка с вином почти опустела. Элвин зевнул, и ему тут же приготовили постель. Кошка прыгнула с печи, подошла к Элвину и потерлась о его ноги.

Элвин проснулся с первым бледным проблеском рассвета и поднялся с постели так тихо, что никого не разбудил, даже кошку. Он на мгновение задержался в темной комнате с тяжелым запахом тлеющих углей и остатков вина. Ему вдруг пришло в голову, что было бы по-своему приятно прожить здесь всю жизнь, изображая лесного бога, которому поклоняются нимфы и крестьяне.

Но потом он коснулся медальона на шее и покачал головой. В этой деревне он не сможет выполнить свою миссию – хотя бы потому, что здесь слишком мало людей. Ему нужен город. Он в последний раз посмотрел на свернувшихся под одеялами хозяев и хозяек – волосы Сефоры только начали краснеть в разгорающемся свете дня – и вышел из дома.

Как он и ожидал, колючий лес давно затянул сделанную им брешь возле ручья. Элвин повернул в противоположную сторону, обогнул холм и добрался до зеленой стены за ним. Сверившись с компасом, он наметил путь – прочь от поврежденного корабля. А затем включил распылитель.

К полудню – если судить по яркости света – он прошел уже не один десяток миль и задумался о том, что, возможно, ему следовало остаться на месте аварии и попытаться починить левитатор. Если бы он только мог подняться повыше и посмотреть, что произойдет – если что-нибудь произойдет – с этим нелепым лесом!

Дело в том, что лес перед ним не менялся, словно был посажен на его пути колдуном из сказки. Прозрачные шипы все так же изгибались, когда Элвин наклонялся к ним, а потом нападали. А позади него все так же пробивались сквозь серовато-синий пепел новые зеленые побеги.

Он размышлял о том, как все переменялось, – еще недавно он летел быстрее света на космическом корабле, а теперь ползает по земле, подобно червю. Этого достаточно, чтобы довести Дикого до отчаяния, заставить его пожалеть об отказе от простых радостей жизни лесного бога.

Но потом он открыл медальон и достал оттуда крохотную белую сферу. И с восхищенной улыбкой залюбовался тем, как она сверкает на ладони.

Федрис сказал, что только один из Диких ускользнул с осажденной планеты.

Да что он знает, этот Федрис!

Он знает, что Элвин сбежал на космическом корабле, проскользнув мимо надежных кордонов СОС. Что перед тем его дважды тщательно обыскивали и было бы чудом, если бы он сумел скрыть что-нибудь крупнее этого крошечного шарика.

Но и крошечного шарика достаточно.

В нем хранятся все Дикие.

Древних людей завораживала идея человека-невидимки. Но они не понимали, что такой человек уже существует, что каждый из нас поначалу был невидимкой – одной-единственной клеткой.

Здесь, в этом маленьком шарике, находились генетические элементы всех Диких, хромосомы и гены каждого из них. Здесь были и Влана с ее горящими глазами, и бесшабашный Нар, и Фортен с его мягким смехом – они и миллиарды других! Стопроцентные близнецы каждого из тех, кто погиб на планете Диких, ожидали момента, когда их поместят в подходящие

безъядерные ростовые клетки и вырастят в теле подходящей матери. Все это перекачивалось теперь в ладони Элвина.

Это что касается материального наследства.

Если же говорить о духовном наследстве, то ради него Элвин и оказался здесь.

И тогда все сможет начаться заново. Дикие опять будут мечтать о стремительных полетах в космосе и встречах с прекрасными угрозами. И опять попытаются, если захотят, создать моноатомы, семена новых вселенных, из-за чего их и уничтожило СОС. Давно, в Эпоху расцвета, физики предложили идею моноатома, из которого выросла вся Вселенная, и теперь пришло время проверить, можно ли создать другие такие же атомы, используя энергию подпространства. Разве Федрис, или Элвин, или СОС способны сказать, могут ли – и должны ли – эти новые вселенные уничтожить прежнюю? Что за беда, если прирученное стадо боится этих прекрасных субмикроскопических яиц творения? «Все должно начаться заново», – решил Элвин.

Однако его гнала вперед не только могучая решимость, но и ощущение того, как шипастые побеги прорастают под ногами.

Час спустя распылитель уничтожил очередное переплетение веток, за которым не оказалось ничего, кроме неба. Он вышел на чистое пространство, диаметром приблизительно в полмили. Впереди, по небольшой ложбине, протекал журчащий ручей, вокруг Элвина колыхалось пшеничное поле. За ложбиной виднелся небольшой холм, засаженный фруктовыми деревьями. На ближнем склоне стояла кучка невзрачных серых домов. Над одним из них поднималась струйка дыма. Из-за холма вышел мужчина, погонявший небольшое стадо.

Элвину пришла в голову вторая мысль: компас, вероятно, испортился, какая-то сила отклонила стрелку в сторону и вынудила его вернуться назад, описав полный круг.

А первая мысль, которую он быстро подавил, была такой: вот они – обещанные Федрисом тайны, нечто сверхъестественное из мира древних сказок.

Мелодия, казалось, тоже пошла по кругу – он подавил это соображение еще быстрее, – и возле знакомой рожицы стояла Сефора.

Прокричав ее имя, Элвин поспешил к ней, немного удивленный той радостью, которую испытал при виде ее.

Девушка заметила его, подняла руку и бросила ему что-то. Он подставил грудь, полагая, что это какой-нибудь блестящий плод.

И едва успел отскочить в сторону.

Это был блестящий и ужасно тяжелый нож.

– Сефора! – воскликнул он.

Рыжеволосая нимфа развернулась и умчалась быстрее лани, выкрикивая на бегу:

– Альфорс! Корс! Тулия!

Элвин бросился за ней.

Пробегаючи мимо первой пристройки, он угодил в засаду, вероятно устроенную наспех. Альфорс и Корс с ревом бросились на него из старой столярной мастерской: один размахивал бондарным молотком, другой – двуручной пилой. А из дверей соседней кухни выскочила Тулия с разделочным ножом.

Элвин перехватил запястье девушки, и они оба покачнулись от силы ее замаха. Затем, с большой неохотой, проклиная себя, но подчиняясь необходимости, он выхватил распылитель и выстрелил навскидку в того, кто был ближе всего.

Корс пошатнулся, поднес руку к глазам и смахнул пыль. Теперь ближе всех оказался Альфорс. Элвин различил крупные, в дюйм длиной, зубья звенящей, поющей пилы. Ее блестящая нижняя половина тут же исчезла вместе с кистью Альфорса, а верхняя со свистом пронеслась над головой Элвина.

Корс снова напал, вопя от боли и незряче размахивая молотком. Элвин сбил его с ног выстрелом максимальной мощности, превратив грудь молодого крестьянина в извергающий пыль вулкан. Затем развернулся, повалил Альфорса и вовремя пригнулся – нож, который Тулия взяла другой рукой, едва не задел ему шею. Они упали вместе, и распылитель уперся в горло Тулии.

Элвин торопливо отряхнул с лица пыль и увидел, как к нему мчится Сефора. Перед ее пламенеющими волосами и смертельно бледным лицом сверкали зубья вил.

– Сефора! – крикнул он и попытался встать, но Альфорс придавил его ноги.

– Сефора! – снова прокричал он умоляющим голосом, но та, похоже, не слышала его, и на ее лице отражалась только ненависть. Поэтому он включил распылитель, и вилы вместе с лицом и волосами девушки превратились в облако серой пыли. Безголовое тело, нелепо подпрыгнув, упало прямо на Элвина, а лишенный зубьев черенок вил воткнулся в землю. Сефора дважды перевернулась после падения, все стихло, и наконец обеспокоенно замычали коровы.

Элвин выбрался из-под того, что осталось от Альфорса, неуверенно поднялся на ноги, откашлялся, а затем с ужасом и отвращением отбежал от оседающего облака серой пыли. Оказавшись на свежем воздухе, он прочистил легкие, издав несколько резких возгласов, вздрогнул, с печальной улыбкой посмотрел на покрытые пылью неподвижные тела и задумался над случившимся.

Очевидно, какое-то магнитное воздействие отклонило стрелку компаса, заставив ее идти по кругу. Возможно, один из магнитных полюсов планеты находился в непосредственной близости от этого места. Конечно, здешний климат и режим смены дня и ночи не походили на полярные, однако ось собственного вращения планеты и ось ее магнитного поля вполне могли находиться далеко друг от друга.

Настоящей же головоломкой было поведение юношей и девушек, приютивших Элвина предыдущим вечером. Казалось невероятным, что одно лишь бегство Элвина, даже если его принимали за бога, чудовищно оскорбило их и они превратились в убийц. Конечно, древние жители Земли убивали своих богов и уничтожали их символы, но это было продуманным ритуалом, а не внезапным кровавым безумием.

На мгновение он подумал, не мог ли Федрис отравить их ненавистью к нему, не знал ли Федрис способа сверхсветовой передачи этой ненависти через всю Вселенную. Но Элвин и сам понимал, что это всего лишь болезненная фантазия, своего рода черный юмор.

Возможно, эти милые крестьяне были под властью клинического безумия.

Элвин пожал плечами и решительно направился к дому, чтобы состряпать себе еду. Между тем небо потемнело. Он затопил печь и потратил какое-то время на изготовление маленького гирокомпаса из тех материалов, что нашлись в его сумке. Работал он с той отрешенной сноровкой, с какой обычно выстругивают игрушку для ребенка. Кошка стояла у двери и наблюдала за ним, но сразу убегала, когда Элвин пытался позвать ее, и не желала подходить к еде, которую он оставил на печи. Он поднял взгляд к бутылки с вином, все еще подвешенной к потолочной балке, но не стал снимать ее.

Потом он устроился на постели, которую прошлой ночью занимали Корс и Тулия. Когда огонь в печи погас, в комнате сделалось совсем темно. Ему почти удалось не думать о тех, кто лежит снаружи, только раз или два он вспомнил о том, как странно подпрыгнула Сефора, упавшая затем на него. Возле двери в темноте сверкали кошачьи глаза.

Когда Элвин проснулся, уже наступил день. Он быстро собрал вещи, положив в сумку немного плодов. Кошка отскочила в сторону, когда он вышел за дверь. Элвин не стал оглядываться на театр побоища, но слышал, как там жужжат мухи. Он перебрался через холм к тому месту, где вошел в лес накануне утром. Колючие деревья с нелепым, сказочным упрямством

уже давно затянули проделанный Элвином проход. От него не осталось и следа. Элвин включил моторчик гироскопа и направил распылитель на зеленую стену.

Это была обычная монотонная работа, но он принялся за нее с какой-то несвойственной ему прежде мрачной сосредоточенностью.

Через равные промежутки времени он сверялся с гироскопом и оглядывался назад, на прямой как стрела зеленый коридор, сужавшийся не только из-за перспективы. Удивительно, как быстро росли эти шипы!

Элвин прокручивал в голове долговременный план действий. Он рассчитывал, обязан был надеяться на то, что на долгие годы избавился от Федриса и сил СОС. За это время следовало найти крупное поселение – желательно город – с большим количеством подходящих домашних животных и стать его полновластным властелином, вероятно основав для этого новую религию. А потом создать родильные фермы. Семена Диких, собранные в медальоне на его шее, пришлось бы разделить на части – по числу ферм – и поместить в утробы живых или неживых матерей. Лучше живых. И видимо, не человеческих – иначе возникло бы слишком много социальных проблем.

Элвина позабавила мысль о том, что Дикие будут рождены от овец, или коз, или, может быть, от травоядных животных с других планет, и он мысленно представил себя идущим во главе этого странного стада, играющим на свирели, подобно древнему Пану... но вдруг осознал, что представляет, как Сефора и Тулия пляшут вокруг него. Он нахмурился и отогнал от себя это видение.

Затем встал вопрос о том, как воспитывать Диких и дать им образование. О воспитании должна была позаботиться его будущая община; образованием предстояло заняться самому Элвину, полагаясь только на собственный разум и библиотеку обучающих микрофильмов из поврежденного корабля. Очень полезны были бы какие-нибудь роботы. Элвин припомнил вечерний разговор двухдневной давности, из которого стало ясно, что на этой планете есть – или, по крайней мере, были – роботы, и погрузился в беспочвенные мечтания, хотя и не забывал сверяться с гироскопом.

Так и тянулся день – Элвин шагал час за часом в облаке пыли с распылителем в руках, но потом, несмотря на всю свою бдительность, впал в почти гипнотическое состояние. На него нахлынули тревожные воспоминания: темнота подпространства; кошачьи глаза возле двери и трение мехового бока о ноги; пыль, хлещущая из горла Тулии; нелепо подпрыгнувшее тело Сефоры, словно та покачивалась в воздухе на невидимой волне; воображаемая картина взорванной планеты Диких, темная сторона которой испускала радиоактивное свечение, заметное даже из глубокого космоса; осиное жужжание поврежденного корабля; призрачный шепот Федриса: «Непостижимое доберется до тебя, Элвин...»

Просвет в колючем лесу застал его врасплох.

Он вышел на чистое пространство диаметром приблизительно в полмили. Впереди, по небольшой ложбине, протекал журчащий ручей, вокруг Элвина колыхалось пшеничное поле. За ложбиной виднелся небольшой холм, засаженный фруктовыми деревьями, на его склоне стояла кучка невзрачных серых домов. Над одним из них поднималась лента дыма.

Элвин почти не почувствовал укола шипа, когда попятился назад в лес, однако этого импульса хватило, чтобы он снова сделал несколько шагов вперед. Но такая мелочь никак не сказалась на лихорадочной работе мозга. Он убеждал себя, что должен противостоять этой силе, искажающей показания гироскопа так же легко, как и магнитного, искажающей даже видимые очертания мира.

Или он действительно очутился в сказке: как ни пытайся сбежать из зачарованного леса, все равно к вечеру вернешься обратно, к...

Ему показалось, будто над невысокими серыми домами выются тучи мух.

Деревья впереди зашуршали, и он услышал взволнованный голос, пугающе знакомый:
– Тулия! Иди скорей сюда!

Элвин затрясся. Введенные, как курок, мускулы, повинуюсь случайному импульсу, зачем-то бросили его вперед и так же внезапно заставили остановиться. Он стоял по колено в пшенице и дико оглядывался по сторонам. Затем уловил движение в сумеречном поле – два следа, оставшиеся после этого движения, колыхание пшеницы, и ничего больше. Два следа, ведущие от рощи к нему.

И вдруг Сефора и Тулия оказались прямо перед ним, выпрыгнув из укрытия, словно шаловливые дети, с сияющими глазами и довольными, озорными улыбками на губах. Из горла Тулии, вчера разлетевшегося в пыль, теперь вылетал смех. Рыжие волосы Сефоры, на его глазах развеянные в серое облако, теперь развеивались на ветру.

Элвин попытался сбежать в лес, но девушки преградили ему дорогу и схватили за руки, издав новый взрыв смеха. От их прикосновения силы оставили Элвина, кости, казалось, превратились в ледяную кашу, и Сефора с Тулией потащили его, спотыкающегося, через пшеничное поле.

– Мы не причиним тебе вреда, – успокаивала его Тулия между звенящими переливами озорного смеха.

– Ох, Тулия, он такой пугливый!

– Он чем-то опечален, Сефора.

– Ему не хватает любви, Тулия!

Холодные руки Тулии обвились вокруг шеи Элвина, а ее влажные губы прижались к его губам. Тяжело дыша, он попытался вырваться, но с губ Тулии снова сорвался смех. Он крепко зажмурил глаза и разрыдался.

Когда Элвин снова открыл глаза, он стоял возле серых домов. Кто-то повесил ему на шею венок из цветов и измазал подбородок фруктовым соком, появились Альфорс с Корсом; все четверо, взявшись за руки, самозабвенно танцевали вокруг него в сумраке и смеялись, смеялись...

Элвин тоже принялся смеяться, все громче и громче, сияющие глаза танцоров подбадривали его, и он сам начал кружиться внутри хоровода, а они улыбались, радуясь, что он танцует вместе с ними. И тогда он вскинул распылитель и включил его, не прекращая кружиться, пока радостный хоровод не превратился в разлетающееся кольцо пыли. Все еще смеясь, Элвин промчался по холму – кошка стрелой неслась рядом с ним, – пока не врезался в колючую стену. Когда лицо и руки распухли от ядовитых укусов, он вспомнил о том предмете, который все еще сжимали его пальцы, поднял его и нажал на кнопку. И с песней двинулся дальше, сквозь облако пыли.

Он шагал и пел, останавливаясь только для того, чтобы с ликующим автоматизмом перезарядить распылитель или достать из сумки новую светящуюся сферу, озарявшую холодным огнем крохотный мир зеленых шипов и частиц пыли вокруг него. Чаще всего он напевал старинную центаврийскую песню:

Дебора, звезды проносятся мимо,
Во тьме запыхают – и гаснут опять.
Мы вылетим прочь из Галактики, милая,
Но я так и буду тебя целовать.

Только иногда вместо «Дебора» он пел «Сефора», а вместо «целовать» – «убивать». Временами ему казалось, что за ним следуют скачущие овцы и козы, а также странные чудовища, которые на самом деле были его братьями и сестрами. А порой вокруг него танцевали две нимфы, одна из них – рыжеволосая.

Они пели вместе с ним высокими, звонкими голосами и лукаво улыбались ему. К утру он так устал, что снял со спины сумку и выбросил ее, а немного погодя сорвал что-то с шеи и тоже отшвырнул прочь.

Когда над переплетением веток показалось бледное небо, нимфы и животные исчезли, и он вспомнил, что был кем-то важным и опасным, что с ним произошло нечто совершенно невозможное. Если бы он мог хорошенько все обдумать...

Лес неожиданно кончился. Он вышел на чистое пространство, диаметром приблизительно в полмили. Впереди, в небольшой ложбине, протекал бурлящий ручей. За ложбиной виднелся засаженный фруктовыми деревьями холм. Вокруг Элвина колыхалось красновато-коричневое пшеничное поле. На склоне холма стояла кучка невзрачных серых домов. Над одним из них поднимался шлейф дыма.

К Элвину, легко шагая через поле, направлялась Сефора.

Он в ужасе закричал и вскинул распылитель. Но девушка была еще слишком далеко. Полоса обращенной в пыль пшеницы протянулась лишь на половину расстояния до нее. Сефора развернулась и побежала назад к домам. Он бросился следом, не опуская распылителя, стреляя зарядами полной мощности, с бешеной скоростью мчась по пылевой дорожке и совершая дикие скачки сквозь серые облака.

Пылевая дорожка подбиралась все ближе к Сефоре, уже почти облизывая ее ноги. Девушка метнулась в проход между двумя домами.

И тут что-то обвилось змеей вокруг коленей Элвина, а когда он повалился лицом вперед, что-то другое обхватило верхнюю часть его тела, прижав локти к бокам. Распылитель выскользнул из его рук.

Он лежал на спине, тяжело дыша. Альфорс и Корс смотрели на него сквозь редящее облако пыли, все ту же затягивая на нем веревку, чтобы обездвигить.

– Ты в порядке, Сефора? – спросил Альфорс.

– Да, в порядке. Дайте взглянуть на него.

Лицо Сефоры появилось из-за пыльной завесы, глаза смотрели на него с холодным любопытством, рыжие волосы касались его щеки, и Элвин закрыл глаза и закричал, и еще раз, и еще.

– Разумеется, все объясняется очень просто, здесь нет ничего сверхъестественного, – заверил Федриса директор Центра по исследованию человека, затем взял с подлокотника бокал сладкого магелланского вина и сделал глоток. – Элвин просто шел по прямой.

Федрис нахмурился. Это был низкорослый мужчина с озабоченным видом, от которого он не смог избавиться даже после самого серьезного курса психоанализа.

– Конечно же, Галактика весьма благодарна вам за поимку Элвина. Мы даже не предполагали, что он добрался до Магеллановых Облаков. Не могу сказать, от каких ужасов мы спаслись...

– Я не заслужил благодарности, – ответил директор. – Простая случайность. Все дело в том, что у Элвина сдали нервы. И вы, несомненно, подготовили почву для этого, намекнув на вмешательство сверхъестественных сил...

– Это были пустые угрозы, порожденные отчаянием, – слегка покраснев, перебил его Федрис.

– И все же они подготовили почву. А потом Элвину дьявольски не повезло – он приземлился в самом центре нашего проекта «Магелланик – сорок семь». Готов признать, этого хватило бы, чтобы испугать кого угодно, – усмехнулся директор.

Федрис поднял голову:

– Что это за проект? Я знаю только, что он довольно-таки секретный.

Директор откинулся на спинку мягкого кресла.

– Научное познание человеческого поведения всегда было сопряжено с чрезвычайными трудностями. Еще в Эпоху рассвета люди пробовали изучить свои общественные проблемы теми же способами, какими изучали физику и химию. Они хотели в точности знать, какие причины приводят к тем или иным результатам. Но всех останавливало одно и то же серьезное препятствие.

Федрис кивнул:

– Отсутствие контрольных групп.

– Именно так, – согласился директор. – Скажем, с крысами все намного проще. Берете пару – или сотню – крысиных семейств с одинаковой наследственностью, помещаете их в одинаковую обстановку. Затем изменяете какой-нибудь фактор для одного семейства и наблюдаете за результатами. Результаты вызывают доверие – другие семейства будут вашей контрольной группой, показывающей, что произошло бы, если бы вы не изменили этот фактор.

Федрис изумленно посмотрел на него:

– Вы хотите сказать...

Директор кивнул:

– На «Магелланике – сорок семь» мы занимаемся тем же самым, но берем не крыс, а людей. Вместо клеток используем расчищенные участки земли диаметром в полмили с совершенно идентичными погодными условиями, рельефом, растительностью и животными – все одинаково до мельчайших деталей. Решеткой служит колючий лес, специально выведенный нашими ботаниками для этой цели. Обитатели клетки – подопытные люди, идентичные близнецы, двойняшки... хотя, пожалуй, правильнее сказать «сотняшки». Одинаковое для всех групп воспитание обеспечивают роботы – няни и наставники, настроенные на выполнение одного и того же неизменного алгоритма. Наше наблюдение, разумеется, остается тайным... и при этом периодическим, что и привело к печальным результатам: Элвин причинил нам серьезный урон, прежде чем мы его поймали. Теперь вы понимаете схему? В колючем лесу, где Элвин совершил аварийную посадку, мы расчистили около ста одинаковых участков, на одном и том же расстоянии друг от друга. Один участок совершенно неотличим от другого, на каждом проживали одна Сефора, одна Тулия, один Альфорс и один Корс. Элвин решил, что двигался по кругу, но на самом деле шел по прямой. Каждый вечер он выходил на новый участок. Каждый раз встречал новую Сефору. Все группы, с которыми он сталкивался, были идентичны, за исключением одного фактора – того, который мы изменяли, – и это приводило его в еще больший ужас. Понимаете, в этих группах мы проводили эксперимент, призванный выявить мотивы человеческого поведения по отношению к незнакомцам. Мы сделали небольшие изменения в обстановке и в программе обучающих роботов. В результате первая группа, которую он встретил, подчинилась чужаку, вторая проявила невероятную агрессивность, третья, напротив, – невероятное дружелюбие, а четвертая – крайнюю подозрительность. Очень плохо, что он не повстречал сперва четвертую группу... хотя, конечно же, они не смогли бы справиться с ним, если бы он не обезумел от ужаса перед сверхъестественным.

Директор допил вино и улыбнулся Федрису:

– Как видите, это все чистейшая случайность. Я сам удивился больше всех, увидев во время очередного наблюдения, как мои «подопытные особи» связали непрошеного гостя. Узнав, что это Элвин, я был так потрясен, что меня можно было сбить с ног одной молекулой.

Федрис удивленно присвистнул.

– Могу только посочувствовать бедняге, – сказал он. – Теперь понимаю, почему ваш проект засекречен.

Директор кивнул:

– Да, многим трудно примириться с мыслью об экспериментах над людьми. Но все же это лучше, чем один глобальный эксперимент над всем человечеством без контрольной группы.

И мы заботимся о наших «подопытных особях». Как только эксперименты с одной из групп заканчиваются, мы переселяем ее членов в СОС, после соответствующего обучения.

– И все же... – с сомнением проговорил Федрис.

– Вы считаете, что это немного похоже на идеи Диких?

– Да, немного, – согласился Федрис.

– Иногда я тоже так считаю, – с улыбкой признался директор и налил гостю еще вина.

А тем временем в колючем лесу «Магелланика-47» зеленые побеги сомкнулись над медальоном с белой сферой внутри, заключая всех Диких, кроме Элвина, в крошечную зеленую гробницу.

Лев и ягненок¹⁰

Космический корабль ВСС (выше скорости света) «Крот» прокладывал путь через Угольный Мешок¹¹. Лабиринт центральной корабельной оранжереи погрузился во тьму. Для растений, возобновлявших запасы кислорода на «Кроте», наступила ночь. Лампы искусственного солнечного света, которые поддерживали их жизнь, были выключены.

Слабое мерцание пылевой туманности снаружи едва обрисовывало решетку из тонких прутьев, которая усиливала прозрачную круговую стену, и это говорило о приближении к звезде.

Из той же пыли или, может быть, из-за пределов пыли пробивалось и другое воздействие, не улавливаемое никакими физическими инструментами, непрерывная пульсация угрозы.

Карл Фридрих – антрополог и второй помощник капитана «Крота» – плыл во влажной темноте оранжереи. Он чувствовал эту угрозу и склонен был доверять своим ощущениям. Он видел слишком много странных вещей на слишком многих странных планетах, чтобы полностью отрицать сверхъестественные явления, хотя люди, причастные к космическим полетам, привыкли отмахиваться от него и пожимать плечами. Что же касается домоседов из Конфедерации цивилизованных планет, запертых в своих крохотных опрятных сферах с машинами, кабинетами и местами для развлечений – и маленькими яркими солнцами в пределах досягаемости, – то они просто не поняли бы, о чем думает Карл. А он не стал бы им рассказывать.

Однако Грег Данстен, плывший рядом с Карлом, домоседом не был, а сравнительно молодой возраст позволил ему, по крайней мере, сохранить тягу к романтике. (Его любимая жалоба звучала так: «Я знаю, почему вы все говорите о Матери-Земле. Потому что космос – мужского рода, чтоб ему пусто было!»)

– Довольно странно, – размышлял Карл, – что у Конфедерации столько трудностей с инакомыслящими колонистами и беглецами. Это немного похоже на попытку уложить льва рядом с ягненком. Или, правильнее сказать, ягнят рядом со львом.

– Конфедерация – это старый мартовский лев, – с усмешкой ответил секретарь и младший астронавигатор. – Рычит на всю Галактику о своих потерянных детях, и все лишь для того, чтобы отшлепать их.

– Или тайно следить за ними, – добавил Карл. – Как мы.

– Точно! – Слова с шумом срывались с губ Грега. – Кстати, у тебя есть предположения?

Карл понимал, что Грег имеет в виду недавнюю сцену в рубке: десять пар глаз уставились на распухшие пальцы капитана Фулсома, когда тот осторожно открыл запечатанный приказ и вставил его в считывающую машину. Но антрополог все равно спросил:

– Предположения о чем?

– По-твоему, это наши беглецы так перепугали Конфедерацию?

– Трудно сказать, – пожал плечами Карл, предпочитая услышать чужое мнение.

– Но посмотри на факты, – настаивал Грег. – Кто они такие, эти беглецы? Просто очередная горстка диссидентов, захвативших ВСС-корабль и нырнувших в Угольный Мешок в надежде уйти от погони или из-за того, что старое корыто вышло из-под контроля. Вспомни, среди них вряд ли был хоть один инженер, не говоря уже о настоящем физике. Только горстка художников, артистов, психологов, аналитиков... ах да, и еще два-три антрополога.

Карл стерпел насмешку.

---

¹⁰ Перевод С. Удалина.

¹¹ Угольный Мешок – темная газопылевая туманность в созвездии Южного Креста, приблизительно в 150 парсеках от Солнца.

– Конечно, мы же просто отбросы, наши поля бесконечно далеки от священного атома. Но сдаётся мне, там было и несколько белых воротничков. – Грег ухмыльнулся. – А если серьёзно, старик, как может эта банда угрожать Конфедерации? Нет, я могу понять, что Конфедерация заинтересовалась ими, собираясь теперь, спустя пару столетий, поставить точку в этом деле. Неплохо бы узнать, нашли ли они пригодную для жизни планету, какую культуру создали, можем ли мы основать там исследовательскую станцию. Конечно, все это вполне объяснимо. Но в чем здесь опасность?

Карл Фридрих снова повел плечами. Призрачное мерцание едва очерчивало его профиль с покатым лбом.

– Как ты сам сказал, возможно, это просто расследование.

– Но зачем устраивать цирк с секретным приказом? К чему все эти намеки, недосказанности, предупреждения и предосторожности? А кроме того... – в голосе Грега прозвучала неуверенность, – ты ведь сам чувствуешь это, правда?

Оба плыли в невесомости, слегка придерживаясь пальцами за поручни у иллюминаторов, и напряженно всматривались в черную пыль, сквозь которую пробивался «Крот».

– Да, – просто ответил Карл. – Чувствую.

Грег сдержанно кивнул и добавил без всякой видимой связи – не считая того, что это сказал Грег Данстен:

– Ешкин кот, как жаль, что в космосе нет женщин!

Позади послышалось мягкое шуршание. Из радиального прохода между рядами папоротника выплыл чей-то силуэт. Необъяснимым образом – чувства всех людей чрезвычайно обостряются во время межзвездных путешествий – Карл и Грег угадали в нем Хуана Гальвеса, врача и старшего биолога «Крота».

Какое-то время все молчали. Их объединяло одно качество, которое людям двадцатого или двадцать первого столетия показалось бы странным и даже неприятным. Это было общее знание и опыт людей, живущих в Галактике, а не на Земле, тех, кто, описывая свою личную вселенную, говорит о звездах и планетах, а не о странах и городах, кто не знает другого ритма жизни, кроме размеренности старого доброго ВСС-натиска, кто постиг предназначение человечества – пробираться сквозь черный космос к новым планетам... Людей с потухшими глазами и впалыми щеками – потухшими и впалыми по меркам двадцатого или даже двадцать первого столетия: неизгладимый след жизни среди машин.

– Как там капитан? – наконец спросил Грег у Гальвеса.

– Надеюсь, что смогу вытащить его и он оправится от приступа, – ответил испанец с Арктур-Квагуора, подплывая ближе. – Но пока я только пытаюсь нащупать истинную природу болезни. Уверен лишь в одном: это не обычная закупорка из-за отсутствия гравитации. Центрифуга не помогла. Что касается сердца, то клянусь, что это психосоматика, несмотря на ухудшение состояния, хотя мне не удалось выявить возможные эмоциональные причины – я проверил записи его сеансов психоанализа.

Он помолчал, глядя сквозь решетку.

– Тем не менее, – с горечью продолжил он, – кто может сказать, какие вредные частицы и потоки радиации пронизывают загрязненный вакуум вокруг нас? Честное слово, джентльмены, мне это не по душе. – Он кивнул худым подбородком в сторону космической пыли. – Стоит только подумать, что мы завязли здесь на несколько световых недель, и я чувствую, как начинаю задыхаться.

Карл Фридрих криво усмехнулся.

– Не знаю, Хуан, – беспечно сказал он. – В каком-то смысле я даже рад, что не вижу звезд. Они заставляют думать о планетах и людях, старающихся поддерживать старый добрый ВСС-натиск. Я скорее благодарен судьбе за эту пыль и темноту.

Гальвес вежливо хмыкнул, словно признавал за каждым право на собственное космическое безумие, и заметил:

– Пусть так, но мне приходилось бывать только в чистом космосе, и я ненавижу этот мерзкий пепел. Можно сначала врезаться в планету и только потом разглядеть ее.

– Она должна быть видна в телескоп, – напомнил Грег. – И мы уже давно летим в ВСС-режиме.

– Думаю, да, – угрюмо согласился врач. – А как насчет «Гримуара»?

– «Гримуара»? – озадаченно переспросил Грег.

– Разве вы не узнали о нем из приказа? Беглецы называли так свой корабль, после того как угнали его. Старинное земное слово, означающее учебник... черной магии.

На мгновение все трое замолчали, ощущая пыль и темноту... и слабую зловещую пульсацию, словно накатывавшую черными волнами на берег рассудка.

– Так что насчет «Гримуара»? – с оттенком вызова спросил Грег. – Даже если его пустая обезлюдевшая оболочка просто болтается в пространстве, она тоже должна быть видна в телескоп.

– Ох! – живо откликнулся испанец с Арктура. – Но если предположить, что он поврежден, скажем, пробит метеоритом? Помните, какой груз вез «Гримуар», когда его угнали?

– Боевую радиоактивную пыль, – ответил Карл. – Ее хватило бы, чтобы уничтожить пару планет.

– Вот именно! – в мрачном возбуждении воскликнул корабельный врач. – Итак, представьте себе, что «Гримуар» получил пробоину. Радиоактивная пыль могла перемешаться – под действием солнечного ветра или как-то еще – с обычной. Что, если «Крот», следуя по вычисленному нами курсу «Гримуара», направляется прямо в скопление этой дряни?

– Счетчики Гейгера должны засечь ее, – заверил его Грег.

– Даже если она рассыпалась по огромному мешку, в который направляется «Крот»?

– Даже тогда! – резко ответил Грег. – Кроме того, эта дрянь давно уже потеряла силу. В трюме «Гримуара» ее могли поддерживать в состоянии боеготовности с помощью реактора. Но как только она повисла в пространстве... понимаешь, радиоактивная пыль имеет дьявольски короткий период полураспада.

– Хорошо, хорошо, – уступил врач. – Но у меня все равно есть такое ощущение.

– У всех есть, – тихо ответил Карл Фридрих. – И возможно, ты подхватил идею Грега.

– Какую идею? – спросил Грег.

– Ту, что ты предложил, когда мы в первый раз заговорили о беглецах. Сказал, что это не они так испугали Конфедерацию, а нечто совершенно иное, действующее через них. Отсюда секретность, срочность, тревога и так далее. Нечто огромное, враждебное... и совершенно чуждое человечеству.

В этот момент Карл уловил, что тон пульсирующей угрозы повышается, услышал слабое, но зловещее жужжание, словно рядом дремало гигантское насекомое, ощутил, как сгущается темнота, а воздух во влажной оранжерее становится сухим, будто сюда прорвалась пыль.

По сдерживаемому дыханию товарищей Карл понял: они тоже что-то почувствовали.

И тут ему почудилось, будто ворвавшаяся пыль – или нечто другое – приняла форму необычайно высокой человеческой – или не человеческой – фигуры в плаще с капюшоном. Два тусклых глаза на огромной голове казались маленькими лунами, затерянными в межгалактическом пространстве. А затем жужжание оформилось в едва различимые слова на английском:

– Возвращайся, «Крот». Разворачивай свой тоннель и возвращайся.

Гальвес вцепился в руку Карла:

– Что это?

Прежде чем Карл успел ответить, в оранжерее пронзительно завизжал звонок. Люк в потолке открылся, впуская свет в переплетение листьев и лиан, в помещение нырнул еще один человек и, держась за поручни, подплыл к остальным.

– Остановка! – выкрикнул он. – Такимори отыскал планету у соседней звезды. Размером с Землю или чуть больше, расстояние до звезды – примерно как у Марса. Похоже, это именно то, что мы ищем. А что у вас произошло?

Когда вновь появившийся задал неожиданный вопрос, Карлу показалось, будто пылевая фигура, исчезнувшая было на свету, в полумраке снова приобрела прежние очертания. Жужжащий голос повторил, еще слабее, чем в первый раз:

– Разворачивай свой тоннель, «Крот».

Карл пристально взгляделся в озадаченное лицо задавшего вопрос. Через мгновение Тауно Свейн повернул свою скуластую физиономию викинга в сторону тени. И поскольку дух познания и здравомыслия был в нем очень силен, кажущаяся фигура потускнела и пропала, а жужжащий голос затих.

– Уф! – выдохнул Грег. – О, мои расшатанные космосом нервы!

– Мы видели призрака, мистер Свейн, – тихо проговорил Карл.

При слове «призрак» Гальвес выдавил из себя слабый смешок:

– Итак, мы, кажется, пережили коллективную галлюцинацию.

Первый помощник капитана и физик окинул всех строгим взглядом.

– Нервы тут ни при чем, – сказал он. – Я тоже видел и слышал это.

Он помолчал, и его сильный дух, казалось, сделался еще сильнее, превратив физиономию викинга в олицетворение упрямого и рискованного продвижения человечества по Галактике. Затем Свейн заговорил снова, с полной убежденностью:

– Это нечто до крайности ненавидит человека и его пути. Оно никогда не примет наших методов и инструментов. Это антинаука.

Три дня спустя – три местных дня, чуть более протяженных, чем земные, – Грег Данстен снова находился в оранжерее, но ее вид полностью изменился. Начать хотя бы с того, что Грег стоял на полу, а «Крот» внезапно оказался переполнен народом: передвигаться в трехмерном пространстве теперь было нельзя – только по двухмерной плоскости. Гравитация была немного сильнее, чем на Земле, она притягивала плоть и кровь Грега, и эластичные чулки защищали вены на его ногах. Листья и лианы над головой тяжело провисли.

Снаружи было еще удивительнее. Смутно различимый ландшафт начинался пятьюдесятью ярдами ниже, там, где располагалась корма «Крота». Сначала шла голая земля, почерневшая под реактивной струей посадочного двигателя. Затем – полоса смятых той же самой струей деревьев и кустов вокруг «Крота». Дальше были сумрачные джунгли, что тянулись к гряде холмов; местами в них поблескивала проточная вода.

Но настоящие чудеса происходили наверху. Пусть небо и покраснело к рассвету, в нем все еще было заметно кружево из тысяч метеорных следов – непрерывно меняющаяся бриллиантовая паутина.

– Это прекрасно, – тихо проговорил Грег. – Прекрасно... как женщина.

Стоявший рядом с ним метеоролог Рыков понимающе кивнул.

– Следовало ожидать, – сказал он, – что в пылевом облаке на любой планете с атмосферой можно наблюдать впечатляющие метеоритные явления. Хотя это, конечно, превосходит человеческое воображение. Хорошо еще, что они так малы и сгорают в атмосфере, иначе страховка от метеоритов на этой планете была бы заоблачно высокой. Но оставим в стороне всю эту красоту, и астрономию вместе с ней. Скажи, Грег, у тебя есть идеи, откуда это исходит – от какого-нибудь животного, минерала или растения?

Под «этим» Рыков подразумевал пульсирующую угрозу, которая никуда не делась после сцены трехдневной давности. Только теперь, как показывало это легкомысленное замечание, она существенно изменилась. Неосвязаемые волны ужаса превратились в отчетливо слышный ритм, что проникал сквозь иллюминатор оранжереи и усиливался его вибрацией, – до смешного банальный звук, который был бы уместен разве что в старинных остросюжетных пьесах о древней земной Африке, нелепое «бдум-бум-бум-бум, бдум-бум-бум-бум».

– Что это такое? – настаивал Рыков. – Я слышал, что алудрианские барабанные деревья издают похожий грохот.

– Бог знает, – ответил Грег, пожимая плечами; это движение плавно перетекло в ленивое потягивание. – Может, у меня и нет никакой здешней лихорадки! Что, если я выйду прогуляться прямо сейчас? Как ты думаешь, здесь есть женщины? Черт бы побрал этого дока с его проволочками!

Из прохода между кустами внезапно появился Гальвес, массируя на ходу отекавшие веки.

– Тем не менее именно благодаря этому субъекту – некоему Хуану Гальвесу с захудалой провинциальной планетки Арктур-Кватуор – ты еще до полудня сможешь покинуть «Крот» и немного прогуляться.

– Разве мы не должны дождаться, когда подрастут твои образцы микробов, чтобы ты смог провести экспресс-анализ? Тем более что планета может оказаться прибежищем для мутировавших земных микробов.

Гальвес зевнул:

– Для этого не обязательно выращивать культуру. У нас есть новая машина, которая сама отбирает образцы микробов, делает экспресс-анализ на совместимость с человеческой протоплазмой, сортирует их и откладывает подозрительные экземпляры для отдельного обследования. До сей поры из сотни миллионов вирусов и бактерий не нашлось ни одного, который не был бы мне знаком. Я только что сказал капитану, что мы здесь в полной безопасности. Как вы сами знаете, тесты на радиацию и состав атмосферы сделаны давно и они благоприятны. Теперь только от Фулсома зависит, когда мы сможем выйти.

– Кстати, как он там? – спросил Грег.

Гальвес медленно покачал головой, но ничего не ответил. Трое мужчин повернулись к иллюминатору и залюбовались рассветом. Он был здесь краснее, чем на Земле, и больше напоминал процесс открывания печной заслонки. На фоне зарева четко выступали контуры холмов, странные пленчатые листья заострялись и приобретали темно-зеленый оттенок, создавая впечатление изобилия и роскоши. И за всеми этими переменами продолжало звучать загадочное, но нелепое «бдум-бум-бум-бум».

Внезапно Грег взбудоражил всех возгласом: «Смотрите!»

Поначалу Рыков и Гальвес разглядели только коричневатое мерцание на верхушках деревьев и более светлые размытые пятна внизу. Но затем увидели то же, что и Грег.

Возможно, кто-то еще вглядывался в лес – они точно не знали. Но одно было несомненным: в нескольких ярдах от границы расчищенного пространства полукругом стояли высокие худые мужчины. На них не было никакой одежды, кроме коротких юбок. Каждый держал в руке копье. Карлу показалось сначала, что все они носили колпаки. Но нет, это были головные уборы из причудливых перьев. Незнакомцы, сильные и грациозные, выглядели обеспокоенными.

В центре полукруга сидел на корточках мужчина, одетый так же, как остальные, за исключением головного убора из перьев. Седоволосый и седобородый, он, как и вся его свита, не отводил взгляда от «Крота».

И стучал в большой тамтам.

– Вы понимаете, парни, понимаете? – допытывался Грег, колотя Рыкова по плечу. Скорее всего, оба его товарища понимали, но молодой секретарь не дал им сказать ни слова. – Это

же беглецы! Они скатились в дикость! Были просто горсткой художников, а их пристрастие к примитивизму только ускорило процесс. Всего за два поколения превратились в скачущих дикарей. А теперь пришли приветствовать нас как небесных богов. Нет, не так... Судя по их виду и по барабану, думаю, они считают нас плохим лекарством.

– Ты прав по всем пунктам, особенно по этому последнему, – послышалось сверху.

Обхватив поручень локтями и коленями, Карл Фридрих съехал по нему вниз: пугающе экстравагантный поступок для антрополога.

– Что вы хотите знать? – торжествуя спросил он, приземлившись рядом с ними. – Пока вы любовались метеорными следами, я отправил автоматические телезонды в ближайшие поселения. Я зависал над их торговыми площадями. Я подслушивал разговоры их жрецов. Я наблюдал за тем, как они едят. Я заглядывал в окна их спален. Я обследовал дома стариков, мужские и женские общежития для молодежи. Я изучил их язык.

– За пять часов?

– Ну, это, конечно же, английский, но весьма своеобразный. – Карл весело улыбнулся, а затем снова принял деловой вид. – Вот краткий очерк их культуры. Стадия соломенных хижин. Думаю, наследование по материнской линии. Свободная племенная система, такая же разрозненная, какая была у американских индейцев на Земле. Старики пользуются авторитетом исключительно благодаря своей мудрости и колдовским способностям. Явная склонность к обмену подарками и празднествам, церемониальным танцам и атлетическим состязаниям, песням и легендам. Похоже на то, что здесь высоко ценится красота – физическая красота, красота мыслей, красота человеческих отношений.

– А красивые женщины?

Карл усмехнулся в ответ на реплику Грегга и продолжил:

– Но самое примечательное в их культуре – ее антимеханическая направленность. Не просто отсутствие механизмов, а полное отвержение. Абсолютно никаких признаков колеса. Нет систематического использования рычагов – например, в метательных орудиях. Ни лука, ни сверла для добывания огня. Они не плавят металлы. Оружие изготавливают из меди, холодной ковкой. Очевидно, здесь есть месторождения чистого металла. Я нашел и прямые доказательства их предубеждения против машин. Подслушал часть легенды, которую мать рассказывала сыну, не желавшему засыпать. Там говорилось о человеке, наказанном за то, что он попытался изготовить гребной винт или нечто похожее.

– Антимеханическая, – задумчиво повторил Гальвес. – Помните, как выразился Свейн? Антинаука.

Он перехватил взгляд Грегга, и какое-то время они смотрели друг на друга – представители машинного мира, попавшие в совершенно иное место. Потом их взгляды переместились вверх, на растительность, освещенную красноватой утренней зарей, но еще полную глубоких теней. Голос Карла оторвал их от воспоминаний:

– Самое интересное я оставил на закуску. В глубокой долине, всего в двадцати милях от ближайшей деревни, я обнаружил запретную территорию. Круг вторичной растительности с многообещающими знаками – включая слово «НЕ», – вырубленными на стволах деревьев возле опушки. Отгадайте, что было в центре круга?

Сквозь иллюминатор слабо доносилось дрожащее «бдум-бум-бум-бум».

– «Гримуар»! – объявил Карл Фридрих.

Пронзительно завизжал звонок. Четверо мужчин возле иллюминатора разом выпрямились. В оранжерее зазвучал голос капитана Фулсома – усталый, с болезненными вздохами между фразами:

– Поисковую группу прошу собраться на нижней площадке для высадки. Старшим назначается Фридрих.

– Идиот! – сказал Карл, оглянувшись через плечо.

– Что случилось? – тут же спросил Грег.

Они прошли уже треть пути по выжженному пространству вокруг корабля. Дикари никак не отреагировали – ни враждебно, ни дружелюбно, если не считать того, что старик перестал стучать в тамтам, – и с напряженным вниманием наблюдали, как поисковая группа «Крота» приближается к ним.

– Я же объяснил Свейну, что использование любых машин при контакте исключено, – ответил Карл. – А теперь взгляни, что делает этот придурок!

Грег посмотрел назад. Один из вертолетов «Крота» выкатили на верхнюю выходную площадку. Он различил рослого Свейна и кое-кого еще.

– Капитан тоже там... – начал было он, но заметил, что антрополог поднес к губам микрофон тихой связи.

– Я разговаривал с ним, – объяснил Карл Грегу несколькими мгновениями позже, не отрывая взгляда от дикарей. – Он сказал, что Свейн хочет держать вертолет наготове: вдруг нас атакуют. Я попросил его ничего не предпринимать, ни в коем случае.

Они пошли дальше, Гальвес и Рыков следовали за ними, держа дистанцию в несколько шагов. Группа была уже в каком-то десятке ярдов от границы выжженной поляны, но все люди с перьями были все так же неподвижны и сохраняли все то же напряженное выражение лица. Как и их седобородый предводитель. Несмотря на авторитетный вид, он казался тщедушным – ребра выпирали из-под кожи на груди, поросшей седыми волосами. Его молодые спутники с их тонкими чертами лица и гармонично развитой мускулатурой выглядели куда внушительней.

Взгляд Карла Фридриха блуждал по зарослям за их спиной, а затем перекинулся туда, где клин высоченного кустарника протянулся через выжженный участок почти на такое же расстояние, какое прошла поисковая группа. Он присмотрелся к одному из кустов с чудесными золотисто-зелеными и бурными листьями, примерно как у земной магнолии, только более крупными, полупрозрачными и усеянными фиолетовыми цветами.

Пока он впитывал эту красоту, гроздь листьев и лепестков мягко отделилась и поплыла в его сторону. Несколько мгновений Карл с любопытством наблюдал за ней, а затем бросился плашмя на обугленную траву. В каких-то дюймах над его головой пронеслось нечто похожее на огромную белку-летягу, но с клыкастой кошачьей мордой. Послышались шуршание и скрежет когтей по земле; он вскочил и схватился за свой бластер.

Вряд ли он успел бы выстрелить, но, к счастью, этого не потребовалось. Когда украшенная фиолетовыми пятнами тварь оказалась на мушке бластера, ее уже пришили к земле чье-то копьё. И тварь, и копьё все еще подрагивали.

Карл был немного ошеломлен случившимся, словно очутился в мире грез – грез человека эпохи ВСС. Он услышал, как фыркнул Рыков, обращаясь, видимо, к Гальвесу:

– А ты еще говорил, что эта планета биологически безопасна!

Карл посмотрел на людей в головных уборах из перьев. Один из них стоял теперь на несколько ярдов впереди остальных. В руке у него больше не было копья. Он встретился взглядом с Карлом, и оба улыбнулись. Затем дикарь с розовыми перьями на голове и в пурпурной юбке шагнул вперед и протянул правую руку в дружеском, мужественном жесте, но при этом с грацией балетного танцовщика. Карл направился ему навстречу, тоже протягивая руку.

Наверху что-то завертелось, и верхушка похожего на магнолию дерева полыхнула огнем. Карл успел заметить, как улыбка на лице дикаря сменилась всепоглощающим ужасом. Затем загорелись другие ветви, и все пошло кувырком. Дикари бросились наутек, причем двое сбили с ног старика, а вертолет «Крота» с жужжанием приземлился неподалеку.

Карлу удалось справиться со своим голосом, когда он заговорил с капитаном Фулсом: тот полулежал, тяжело дыша, в одном из кресел вертолета, со встревоженным выражением на опухшем лице.

– Сэр, я вынужден выразить решительный протест против подобного вмешательства. Произошло лучшее, о чем мы могли мечтать. Нет более надежного способа добиться расположения примитивных существ, чем дать им возможность оказать нам услугу. Как антрополог и сапиентолог, имеющий дело с дикими расами, я порой даже умышленно создавал такие ситуации. А эту предоставила нам сама Галактика! Но теперь мы отброшены назад, к самому началу... а может, и намного дальше.

Первый помощник капитана Свейн стоял позади вертолета, с терморужьем на изготовку, и вглядывался в дымящиеся джунгли.

– Вам явно угрожала опасность, мистер Фридрих, – не оборачиваясь, сказал он.

– Опасность? – резко возразил Карл. – Один обычный хищник? Или несколько обычных дикарей?

– Обычных дикарей? Бросьте, мистер Фридрих! – В голосе Свейна прозвучала снисходительная нотка. – Вы же слышали секретный приказ. Вы знаете, что в первую очередь мы должны соблюдать осторожность. – Его тон стал почти дружелюбным. – Будь это обычные дикари, мы не стали бы рисковать жизнью членов экипажа – и вашей в том числе, – чтобы задобрить их. На «Кроте» нет лишних людей, и мы находимся в сердце пылевой туманности.

Карл опять обратился к Фулсому:

– Я передал вам, сэр, всю информацию о крайнем предубеждении этих людей против машин. Не стоит даже надеяться на установление с ними дружеских отношений, если мы не сведем к минимуму нашу зависимость от техники. Такой, как вертолеты или тепловые ружья.

– Вот оно и началось... искушение антинаукой, – проговорил Свейн словно во сне, ни к кому непосредственно не обращаясь, но в его голосе звенело горькое знание, внушающее беспокойство тем, кто это слышал.

Карл стиснул зубы, стараясь не обращать внимания на попытку перебить его, и продолжил разговор с Фулсомом:

– Сэр, вы поручили мне командовать поисковой группой. Если вы не изменили своего решения, то следующий мой приказ будет таким: отправиться в джунгли пешком.

– Прямо в лапы к чужакам, – закончил за него Свейн, по-прежнему с беспокойством вглядываясь в почерневшую листву.

– Прошу вас, мистер Свейн... – Голос капитана звучал тихо, но властно. – Вам не приказывали поднимать вертолет. Мне следовало самому остановить вас, но... – Его распухшее лицо исказила болезненная гримаса. – Я теперь не так проворен, как раньше. Мистер Фридрих, перед вами по-прежнему стоит задача установить дружеские отношения с аборигенами. Продолжайте руководить группой и поступайте так, как сочтете нужным.

Он грузно опустился в кресло, чуть не задыхаясь.

– В таком случае я бы хотел присоединиться к поисковой группе Фридриха, – заявил Свейн.

– Присоединяйтесь, если хотите, – прошептал Фулсом. – Но старшим остается Фридрих. Свейн кивнул, правой рукой прижимая терморужье к груди, и сказал:

– Антрополог Фридрих, считайте, что я поступил в ваше распоряжение.

Лучи дымчато-красного солнца пробивались сквозь листья, прозрачные на верхних ветвях и почти не пропускавшие света внизу, у песчаного грунта. Тонкие многочисленные стволы каждого дерева загибались книзу, словно лапы огромных пауков-сенокосцев, и были усеяны наростами, похожими на морские желуды¹², которые пытались схватить крохотных восьминогих существ, – те ловко увертывались от них, перекатываясь по стволам на кончиках щупалец,

---

¹² *Морской желудь* – животное из семейства усоногих ракообразных, внешним видом и неподвижным образом жизни напоминающее моллюсков.

как циркач катит на моноцикле по натянутой проволоке. Попадалось и много других существ размером с земных насекомых, включая летающих. Одни то и дело устремлялись вниз, лениво вращаясь в воздухе, словно живые вертолетные лопасти. Другие свисали, извиваясь, с верхних веток. Здесь, под голубовато-зеленым небом, все так же вспыхивавшим метеорными следами, они могли раздуваться перламутровыми пузырями, а потом беспорядочно носиться, словно детские воздушные шары, из которых вырывается воздух, и вдруг с неожиданной точностью опуститься на лист или сук, принимавший эти подношения.

Эти реактивные жучки были единственными, кто беспокоил поисковую группу с «Крота», шедшую по лесной тропе. Через короткие интервалы они падали с заставляющим вздрагивать «плюх» на прозрачные комбинезоны, возможно путая их с любимыми цветками или кустами, поскольку на этой планете многие растения и даже животные были самой природой облачены в прозрачную оболочку. Однако существа, похоже, не причиняли людям никакого вреда. Повисев немного на одежде, они отваливались и отползали прочь.

Карл Фридрих и его группа продвигались вперед осторожно, тщательно изучая каждый просвет между переплетенными стволами и ветвями над головой. Однако то, что случилось дальше, все равно оказалось для них полной неожиданностью.

Это походило на театральную иллюзию. Мгновением раньше тропа впереди была совершенно свободной, и они углубились в темную часть леса, где листья, почти непрозрачные, были усеяны мелкими отверстиями.

А в следующий миг они наткнулись на хижину в рыжих пятнах и седобородого мужчину рядом с ней, бледного как смерть, но с яростным блеском в глазах. С обеих сторон угрожающе высовывались из укрытий бурые копыя воинов.

Карл и вся его группа встали как вкопанные. С близкого расстояния обнаженные по пояс дикари еще сильнее поражали физическим совершенством, а их предводитель выглядел пугающе внушительно.

Внезапно он величественным жестом поднял руки вверх и в стороны, а потом медленно опустил. Копья проделали то же самое. И тогда он заговорил:

– Люди из Волшебной башни, которым служат демоны, обитающие в мертвых вещах, что вы ищете здесь?

Он изъяснялся по-английски сравнительно чисто, хотя некоторые слова произносил немного странно. В его речи чувствовался поэтический ритм. Он вполне мог сойти за древнего друида, очистившего свой дух посредством аскетизма... если не обращать внимания на болезненную худобу и не совсем здоровый цвет лица. Под глазами залегли темные круги, а скулы над впалыми щеками выступали так, что едва не прорывали кожу с чахоточным румянцем.

Однако в его манере держаться чувствовалась сила и величавость. Даже когда он под конец своей речи зашелся в приступе кашля, то все равно не утратил достоинства. Быстро справившись с кашлем, вождь коротко взмахнул рукой.

Из джунглей за его спиной мгновенно вышли две девушки, во всех отношениях столь же совершенные, как и копейщики, только с еще большей грацией в движениях. Их волосы, не украшенные перьями, были тщательно уложены в высокие прически, напоминавшие о двадцатом столетии. В остальном их одежда точно повторяла наряд воинов.

Карл Фридрих и его люди с интересом наблюдали за ними, а Грег Данстен, по всем признакам, был особенно заинтригован.

Одна из девушек несла табурет, накрытый темно-зеленой шкурой, другая – небольшой полупрозрачный калebas и полотенце. Бросив на людей с «Крота» быстрый взгляд, словно означавший «с вашего позволения», старик сел на табурет. Вторая девушка утерла ему губы полотенцем и поднесла калebas. Старик шутливо поморщился, показывая, что это лекарство, а не прохладительный напиток. Затем быстро отхлебнул. Девушка снова утерла ему губы и отошла в сторону.

Старик еще раз спросил:

– Люди из Серебряной башни, возникшей за одну ночь из грома и пламени, зачем вы вторглись в наш лесной край? Зачем осквернили его святость мертвыми вещами, в которые вселились демоны?

В наступившей тишине один из реактивных жучков с громким шлепком свалился на комбинезон Карла Фридриха. Тот как ни в чем не бывало шагнул вперед и поклонился старику:

– О мудрый и досточтимый, мы прибыли из далекой страны и ищем только вашей дружбы и возможности обменяться идеями и вещами, которые могут показаться полезными нам обоим. Это правда, что нам служат демоны, оживляющие мертвые вещи, но мы не позволим им вторгаться в ваш лесной край. Они полностью подчиняются нашей воле.

– Подчиняются ли? – резко переспросил старик. – Огромный крутящийся демон с крыльями набросился на нас, изрыгая пламя на наш лес.

Воины за его спиной возбужденно закивали.

– Это был просто несчастный случай, вызванный тем, что мы плохо знаем вашу страну и ваши обычаи, – ответил Карл. – Больше такого не повторится. Наш вождь болен и не может ходить, но он очень хотел встретиться с вами, когда вы появились на границах расчищенного участка вокруг нашего... нашей волшебной башни. Серебристый крутящийся демон служит для того, чтобы переносить нашего вождя по воздуху. Но я кое-что знаю о ваших обычаях и предупредил вождя, что он не должен приближаться к вам на этом демоне. Он остался наблюдать издали, проклиная свою беспомощность, а мы отправились приветствовать вас.

– Мы не делали враждебных жестов, – напомнил старик. – Я бил в барабан только для того, чтобы защитить нас от демонов, которые, как мы знали, могли прятаться в вашей Волшебной башне.

– Это правда, – согласился Карл. – Но когда существо с фиолетовыми пятнами набросилось на нас, наш вождь решил, что его людям угрожает опасность. Он не догадывался, что благодаря скорости и умению ваших копейщиков нам нечего бояться. И тогда он велел серебристому крутящемуся демону быстро перенести его к нам, но только потому, что он – добрый вождь, который заботится о своих людях.

Старик скептически посмотрел на него:

– Но крутящийся демон прилетел уже после того, как наши копья убили летучего леопарда. И, кроме того... – он перевел взгляд на Свейна, прижимавшего к груди терморужье, – мне кажется, что демоном правил вот этот человек. И он же велел демону выпустить злой огонь на верхушки деревьев, так что листья чернели, а шаровые цветы сворачивались и лопались, словно попавшие в костер пузырьные жуки.

Свейн стоял с непроницаемым лицом.

– Он просто опасался, что там прячутся другие летучие леопарды, – вмешался Карл. – Как я уже сказал, это был несчастный случай. Отныне мы будем держать наших демонов в башне под замком и не позволим им причинить вам вред.

– Они уже причинили! – резко ответил старик. – Подойди ко мне, Шуранд.

Один из воинов бесшумно скользнул вперед и поднял на всеобщее обозрение левую руку, опухшую, пересеченную уродливыми черными полосами с воспаленной красной плотью по краям. Его товарищи бросали на человека с «Крота» недобрые взгляды.

– Шуранд наблюдал за вами с ветки дерева, когда его лизнул огненный язык крутящегося демона, – объяснил старик. – Если бы он не превосходил всех остальных в умении лазить по деревьям, то мог бы лишиться жизни.

– Мы сожалеем, что так вышло, – заверил его Карл, наклонив голову. Затем бросил быстрый взгляд на Гальвеса, дождался утвердительного кивка и продолжил: – Чтобы доказать свои добрые намерения, мы готовы излечить его раны.

– У нас есть свои лекарства, – ответил старик. – И мы не желаем, чтобы нас лечили демоны.

Он махнул рукой, отсылая воина, а затем знаком велел девушке снова поднести ему калекбас. Та была рыжеволосой, и именно на нее, а не на столь же симпатичную брюнетку, что стояла рядом с ней, смотрел не отрываясь Грег.

Когда старик возвращал ей калекбас, в листве поднялся ветер, и нечто похожее на шипастый баскетбольный мяч со множеством глаз – или бледно-пурпурных пятен – выскочило из джунглей и внезапно метнулось к вождю. Свейн развернул терморужье и прицелился, но натолкнулся на яростный взгляд старика и словно окаменел от этого взгляда.

Живой баскетбольный мяч остановился возле лодыжек старика, и тот наклонился, чтобы приласкать его, по-прежнему сердито поглядывая на Свейна. Существо заметно сжалось по сравнению с первоначальным размером; внутри его прозрачного пузыря, который ритмично пульсировал, снова надуваясь, виднелось щуплое тельце. От ласк старика существо издало слабый звук, похожий на барабанную дробь.

Карл обернулся к Свейну, который стоял все так же неподвижно. Его щеки пылали.

– Часто домашнее животное не отличишь от опасного хищника, – сказал старик. – В чужих краях лучше не торопиться с решением.

Он посмотрел на Свейна, затем отвел взгляд, и первый помощник капитана наконец шевельнулся.

Карл решил нарушить неловкую паузу:

– Я уверен, что твои слова исполнены мудрости, почтенный. Но и мы, со своей стороны, тоже не лишены здравого смысла, хороших манер и благородства. Я торжественно обещаю тебе, что, пока мы находимся на вашей земле, – он хмуро покосился на Свейна, – наши демоны будут оставаться под замком в Волшебной башне.

– Но ты не вождь, – напомнил ему старик. – Даст ли ваш вождь такое же обещание?

– Я говорю от его имени и по его поручению.

– Не сомневаюсь, что ты говоришь со всей искренностью, но ты все-таки не вождь. Больше того, в силах ли ты – или твой вождь – сдержать обещание? Вы говорите, что держите их в подчинении, но так ли это? Наш опыт говорит, что обитающие в мертвых вещах демоны совращают людей. – Старик перевел взгляд на Свейна. – Люди становятся рабами демонов и стремятся лишь к тому, чтобы установить повсюду власть демонов, пока вся истинная жизнь не погибнет и мертвые вещи не начнут править миром, лишенным чуда и красоты. Ведь когда-то давно, о человек в одежде из пузырных цветов, мы сами жили в другой волшебной башне и были рабами демонов, совращенными всяческим злом. Но мы сбежали оттуда и поклялись на вечные времена не иметь больше дел с демонами, обитающими в мертвых вещах, никогда не вызывать к их нечестивой силе, никогда не заходить в древнюю башню. И мы верны своей клятве. Живя в лесном краю, мы стараемся избегать даже самых мелких, самых безобидных на вид демонов, обитающих в мертвых вещах, поскольку сама природа человека искушает его, побуждая вызывать демонов или создавать такие вещи. Вместо этого мы стремимся подчинить себе иные, более простые силы.

Он не уточнил, что это за силы. Но нельзя было отрицать, что, несмотря на тщедушность и болезненный вид – он немного запыхался после такой длинной речи, – старик казался могущественным человеком. Возможно, секрет был в том, что он жил в полной гармонии со своими воинами... и со всеми джунглями в целом, а также с каждым существом, обитавшим в них.

Карл Фридрих кивнул:

– Я уважаю ваши желания и ваши пути. Что же касается ваших подозрений, то мне остается лишь повторить свое обещание. Ничего более веского я предложить не могу.

Старик посмотрел на него.

– Ты мне нравишься, – просто сказал он, – и слова твои честны. Но все же ты не вождь, и один из нас пострадал из-за ваших демонов. Кроме того, мне не нравится дух, который я ощущаю в некоторых из вас. И я встревожен тем, как быстро выросла ваша башня, – то же самое было и с нашей древней башней. А еще меня беспокоит оружие, которое вы носите на боку, а он... – старик покосился на Свейна, – держит в руках. Может, это просто дубинки, а может, и нет. Когда появился мой пузырьный кот, он поднял оружие не так, как поднимают дубинки. Демоны, обитающие в мертвых вещах, умеют принимать разные формы. Тем не менее...

Жестом попросив соблюдать тишину, он в задумчивости опустил голову.

В этот момент Грег наконец встретился взглядом с рыжеволосой девушкой и отважился улыбнуться ей – слабо, но восхищенно. Та помедлила, ответила ему улыбкой, быстрой и мягкой, а потом отвернулась с невинным видом. Грег покачался на каблуках, опьяненный своим успехом.

Старик поднял голову и заговорил быстро и уверенно:

– Я должен больше узнать о вас. Должен поговорить с вашим вождем. Поэтому я, Фирамтот, приглашаю вас на пир в нашу деревню, завтра на закате. Вас примут как почетных гостей. Ты сказал, что ваш вождь болен и не может ходить, но мы позаботимся о том, чтобы доставить его к нам. Нет, мы не откажемся от права оказать гостеприимство в своем лесном краю. А до той поры я повелеваю вам вернуться в свою волшебную башню и оставаться в ней или на расчищенном участке вокруг нее. – Он поднялся на ноги. – Со своей стороны, я, Фирамтот, объявляю это место запретным для своих людей. Обещаю вам безопасный проход в нашу деревню завтра на закате и безопасное возвращение назад, чем бы ни закончился наш разговор.

Он приложил руку к груди. Стоявшие за его спиной воины повторили этот жест:

– Клянемся!

Наконец огромное веретено «Крота» показалось за просвечивающей листвой, подбадривая Карла Фридриха и его группу.

– Надо же, он действительно похож на башню, – заметил Грег. – Насколько легче представить, что он построен джиннами, а не свалился с неба в огненном шлейфе задом наперед.

Карл кивнул:

– Да, старый Фирамтот на время перенес нас в сказочную страну. Космические корабли стали башнями, а вертолеты – огнедышащими чудовищами. Нужно отметить, что антимашинная истерия этих людей проявилась во всей красе. Вы так не считаете, мистер Свейн? – добавил он, обернувшись к первому помощнику. – Кстати, я благодарен вам за мгновенную оценку ситуации, когда вы не стали стрелять в зверушку старика... если это была оценка ситуации. – Не дождавшись ответа, он продолжил: – В любом случае я благодарен вам за помощь и защиту.

Свейн коротко кивнул, выходя на поляну.

– Мистер Фридрих, я вполне осознаю, что моя защита не была адекватной. И вы вполне справедливо предположили, что зверушку старика спасли не моя мгновенная оценка ситуации и не антропологические соображения о необходимости щадить чувства дикарей. Какая-то сила, лежащая за пределами известной нам науки, остановила мой палец.

Свейн на мгновение замолчал.

– Я составил для себя мнение об этом народе, – тихо продолжил он. – Никакие они не дикари. Они используют реальность не так, как мы. Скорее, их что-то использует... Видите ли, я постоянно держу в голове приказ Конфедерации. Все правильно. Материя способна по-своему противостоять разуму.

И он зашагал дальше.

Карл нахмурился и обернулся к Гальвесу. Тот негромко заметил:

– Небольшая демонстрация примитивного гипноза всерьез обеспокоила Свейна.

Карл пожал плечами:

– Этот Фирамтот – весьма впечатляющий старикан.

– Только очень больной, – вставил Гальвес.

Карл вопросительно посмотрел на него.

– Да, – подтвердил врач. – Милиарный туберкулез, вне всякого сомнения. Какими бы ни были его «лекарства», непохоже, что они помогают. Он умрет не позже чем через месяц.

Карл нахмурился:

– Надеюсь, мы уговорим его принять нашу помощь. Думаю...

– Конечно, я без особого труда вылечу его, если он позволит мне это сделать. Жаль только...

Гальвес не закончил фразу, но Карл понял, что он собирался сказать: «Жаль только, что я не могу так же легко вылечить нашего капитана».

– Кстати, – негромко спросил Карл, – насколько плох Фулсом? Свейн – превосходный физик и отличный помощник капитана, когда речь идет об открытом космосе, но здесь нужно действовать дьявольски деликатно.

Гальвес пожал плечами.

– Фулсому хуже, – мрачно сказал он. – Теперь, когда на него действует гравитация, я еще больше уверен, что дело не в обычной космической закупорке сосудов. Хотя, разумеется, эта болезнь никуда не исчезла. Но я действительно считаю, что ее вызвали эмоциональные причины... только никак не могу их определить. – Он посмотрел на Карла и развел руками. – Боюсь, эта задача мне не по зубам. Свейн может стать капитаном «Крота» уже завтра... или же Фулсом и через год будет командовать нами.

Карл кивнул, и они двинулись вслед за остальными по выжженному участку леса.

– В любом случае, надеюсь, Фирамтот смягчится и разрешит тебе позаботиться о нем, – заметил Карл уже громче. – Старикан начинает мне нравиться. Я понял это в тот момент, когда он прижал руку к груди.

Карло Бальдини, кок и младший биолог «Крота», любил детей. Более того, он хорошо их знал. Поэтому он, хотя и слышал от начала до конца историю о поисковой группе и запрете появляться возле корабля, ничуть не удивился, когда, выглянув следующим утром из камбуза, увидел с полдюжины загорелых голых сорванцов, стоявших в десяти ярдах от «Крота» и восхищенно смотревших на него.

Приближалось время завтрака. Бальдини задумался на мгновение, а затем довольно усмехнулся. Двумя минутами позже он появился на нижней выходной площадке, взглянул мимоходом на тускнеющий метеорный след и спустился на землю. В левой руке он держал небольшой чемоданчик из магниевого сплава, за которым волочился тонкий шланг.

Он открыл чемоданчик и занялся изучением содержимого, не обращая внимания на детей. Бальдини и так прекрасно знал, что те бросились наутек, как только он вышел из корабля. Знал он и то, что дети скоро вернутся. Когда он наконец поднял голову, дети снова выстроились в ряд в десяти ярдах от него.

Он достал из чемоданчика центаврианский плод инкра, сочный и мягкий, как земная китайская слива. Потом сжал его, оценивающе обнюхал и подбросил в воздух.

Плод не вернулся назад. Струя воздуха из шланга в левой руке Бальдини подбросила инкра еще на два фута над его головой.

Дети внимательно наблюдали за происходящим. «Старая добрая теорема Бернулли всегда годится для пары простых фокусов», – подумал Бальдини.

Ловко орудуя шлангом, он заставил инкра медленно проплыть в воздухе и приземлиться у ног одного из зрителей – симпатичного маленького проказника, который выглядел немного старше остальных.

Бальдини знаком показал, что плод можно подобрать и съесть. Мальчуган мельком взглянул на инкра, но не нагнулся. Вместо этого он с необычайно серьезным видом посмотрел на биолога, ударил себя в тощую грудь и представился:

– Я – Ми-ки.

Бальдини ответил тем же:

– Я – Карло.

Затем сунул руку в чемоданчик, достал оттуда мячик из металлической стружки, бросил его Мики и покачал пальцем, когда тот поднес шарик к губам.

Мики отдернул руку и тщательно осмотрел мячик. Другие дети с любопытством обступили его. Бальдини протянул к ним руку ладонью вверх. Мики вопросительно посмотрел на него, потом опустил взгляд на мячик. Бальдини кивнул и махнул рукой. Мики сделал два шага вперед и бросил ему мячик.

Бальдини поймал его левой рукой. В правой он держал инструмент, напоминавший опрыскиватель. Снова подбросив мячик, Бальдини направил на него наконечник устройства. На первый взгляд оттуда ничего не вылетело, но мячик из стальной стружки ослепительно вспыхнул и исчез, обдав всех ощутимой волной жара.

Бальдини изучал лица детей, огорченных, но впечатленных увиденным. «Это и требовалось доказать, – подумал он. – Взрослые на их месте, несомненно, убежали бы, перепуганные до полусмерти. Но дети могут воспринять что угодно. Не важно, чем взрослые пытались их застрашать – машинами, призраками, сверхъестественным: дети живут в мире чудес, где невозможное случается ежедневно. Карл Фридрих – хороший человек, но если бы я был антропологом, то всегда работал бы с детьми».

Мики внимательно смотрел на него. Бальдини невольно подумалось, что из этого смуглого, большеглазого мальчика, такого серьезного и невозмутимого, получился бы отличный индийский принц. Он снова покопался в своем чемоданчике.

На этот раз Бальдини вытащил оттуда высокий стеклянный бокал, положил в него два неровных белых шарика, затем налил густой ярко-коричневой жидкости, а следом – белой, более текучей. Он поднял бокал, показывая его детям. Слои мороженого, шоколада и молока четко разделялись. Продолжая держать бокал за ножку, Бальдини направил на него опрыскиватель. Содержимое бокала яростно забурлило и перемешалось, приобретая равномерный светлый оттенок, а пена поднялась к самому верху.

«Ультразвуковые волны и в самом деле почти универсальное средство, – подумал Бальдини. – Смешивают молочный коктейль так же легко, как сжигают стальную стружку».

Он протянул коктейль Мики. Тот сосредоточенно осмотрел жидкость, понюхал ее и передал другим детям для такого же внимательного изучения.

Бальдини показал рукой, что это нужно пить, кивнул и ободряюще улыбнулся.

Мики кивнул в ответ, однако не стал пробовать коктейль, а лишь молча посмотрел на Бальдини.

Внезапно биолог почувствовал себя слегка неуютно. Этот Мики был определенно странным ребенком. Но разве не все дети странные? Он хорошо знал детей... в самом деле хорошо.

Все еще держа в руке бокал, Мики показал другой рукой на Бальдини, потом на себя, а потом поднял указательный палец, призывая к вниманию. Его глаза неотрывно смотрели на чужака. «У него очень странные, очень большие глаза», – с беспокойством подумал Бальдини. Что-то странное было и в сосредоточенности Мики – не детском подражании сосредоточенности взрослых, но своей собственной.

Мики опустил палец ниже. Бальдини, еще до того, как осознал это, уже посмотрел туда, куда теперь указывал палец.

Инкра!

Должно быть, земля под лежащим плодом как раз в этот момент осыпалась – тот откатился в сторону. Бальдини вздрогнул от неожиданности и разозлился на себя за это.

Но инкра продолжал катиться.

В сторону Бальдини.

Внезапно плод подскочил в воздух и метнулся к его руке.

Бальдини отшатнулся, словно это была голова ядовитой змеи. За его спиной инкра со стуком ударился о стабилизатор «Крота».

Впоследствии он так и не смог с уверенностью сказать, что сделал бы, если бы имел возможность выбирать, но Мики снова вытянул палец, и Бальдини посмотрел туда, куда указывал мальчик.

Его обдала ощутимая волна холода, а затем он увидел на земле под ногами целый и невредимый мячик из стальной стружки.

Но Мики уже показывал пальцем в другую сторону.

На коктейль.

Тот снова вспенился.

Когда Мики с серьезным видом протянул бокал Бальдини, слои мороженого, шоколада и молока опять отчетливо разделились. Биолог даже разглядел крохотные кристаллики льда там, где ложка царапнула мороженое.

В тот момент эти кристаллики показались Бальдини самой невозможной и потому самой ужасной вещью во Вселенной. Он шумно сглотнул, развернулся, бросился, рассекая воздух, к кораблю, ухватился за трап выходной площадки и повалился на нее.

Через несколько мгновений Бальдини нашел в себе силы подняться. Уже касаясь рукой люка, он набрался смелости и оглянулся.

Дети исчезли. Все прочее осталось на своих местах. Включая бокал, стоящий рядом с чемоданчиком.

Даже с такого расстояния он различал отдельные слои: белый, коричневый и снова белый.

Карл Фридрих, проснувшийся рано, хотя и позже Бальдини, спешил проверить отложенные на утро записи телезондов и невольно вздрогнул, услышав голос Грегa Данстена, который доносился из отсека для хранения скафандров рядом с выходным люком:

– Это скафандры. Нам не понадобился ни один. – Карл, двигавшийся почти бесшумно в домашних тапочках из фомальгаутской губки, остановился. – А это стойка для бластеров, на тот случай, если аборигены настроены враждебно. Но мне сказочно повезло, что этого не произошло. – Карл наморщил лоб. – А это я, простой парень с альфы Центавра-Дуо, ужасно благодарный судьбе за кусочек рая.

Карл открыл дверь в отсек. Грег и рыжеволосая девушка, подававшая вчера калекбас Фирамтоту, отпрянули друг от друга.

– Мистер Данстен! – резко произнес Карл.

– Да, сэр, – бойко ответил Грег.

Карл в некоторой растерянности повернулся к рыжеволосой девушке.

– Юная леди... – начал он.

– Меня зовут Геи, – с готовностью подсказала она.

– ...насколько я понимаю, ты нарушила запрет, – закончил он сурово.

Геи с оттенком пренебрежения пожала плечами:

– Запреты, они для мужчин.

Карл снова обернулся к Грегу.

– Как вы провели ее на корабль, мистер Данстен? – строго спросил он.

– Это не он, – вмешалась Геи. – Я сама пришла.

Карл перевел взгляд на нее.

– Да, я просто встала снаружи. Знала, что он будет наблюдать.

– Разве ты не боишься демонов? – чутьчку язвительно спросил Карл.

Геи еще раз повела плечами:

– Демоны, они тоже для мужчин. Я знала, что он впустит меня, как только увидит.

– Очень хорошо, – сказал Карл. – А теперь он тебя выпустит. Мистер Данстен, откройте выходной люк.

– Мужчины поклоняются демонам и запретам, – недовольно заметила Геи. У подножия трапа она загадочно посмотрела на Карла и сообщила: – У меня есть сестра по имени Феи.

А затем убежала в джунгли.

Карл вернулся к разговору с Грегом.

– Мистер Данстен, – сурово сказал он, – вы были не раз проинформированы, но, похоже, забыли о том, что дружеские отношения с аборигенами – я подразумеваю под этим честные отношения – лежат в основе любой успешной экспедиции подобного рода. Примитивные народы особенно чувствительны к чести своих женщин. Ваши действия могли – и все еще могут – привести к серьезным последствиям. Но поскольку все произошло главным образом по инициативе самой девушки, я готов забыть об этом деле. При условии, что вы дадите мне слово не встречаться с ней и ни при каких обстоятельствах не пускать ее на «Крота».

– Даю слово, сэр! – рявкнул покрасневший Грег.

– Очень хорошо, мистер Данстен! – рявкнул в ответ Карл. А затем, немного остыв, добавил: – И поверь, Грег, я искренне сожалею, что проснулся так рано.

Первый помощник Тауно Свейн вовсе не просыпался, потому что и не ложился. Он оглядел маленький черный ящик на своем столе, другие изготовленные им предметы и улыбнулся с холодным, бесстрастным удовлетворением. Затем отложил инструменты, вытер рукой мощный лоб, подошел к иллюминатору, включил его и окинул взглядом джунгли. На верхних гладких листьях уже плясали красноватые солнечные блики, нижние по-прежнему оставались в темноте.

– Вот они, – тихо проворчал он, – те силы, которые, по мнению Фулсома и Фридриха, могут оказаться дружественными. Могут! Как будто во всей Вселенной есть хоть одна сила, дружественная человеку. Старина Дарвин понимал это. Как будто разум человека никогда не разрывал материю, стремясь ее уничтожить. Старина Фрейд понимал это. Что же касается разума существ, не относящихся к людям... – Свейн безрадостно рассмеялся и оглянулся на стол. – Но мы еще не исчерпали своих возможностей, в какую бы романтическую ловушку нас ни заманивали.

Тусклый от пыли закат цвета крови освещал серебристый металл выходной площадки «Крота». Первый помощник Свейн, суровый, как скандинавский бог накануне Рагнарёка, смотрел на капитана Джеймса Фулсома, опирающегося на плечи Карла Фридриха и Грега Данстена.

– Сэр, – сказал он, – я буду говорить прямо и откровенно, как всегда. Отправиться на так называемый пир и отдать себя в руки этих дикарей – крайне опасное безумство. Опыт Бальдини – не говоря уже о том, что мы видели на «Кроте» до посадки, – более чем достаточное свидетельство того, что этот народ скрывает силы, перед которыми мы, при всем могуществе нашей физической науки, в страхе отступаем. Силы, которые, по моему твердому убеждению, представляют непосредственную угрозу для Конфедерации. Это не простые дикари, сэр.

Капитан Фулсом с трудом поднял к нему опухшее лицо:

– Вы преувеличиваете, мистер Свейн.

Выражение лица Свейна не изменилось.

– Я верю в электроны и атомы, – сказал он. – Это космос, который я знаю. Все, что лежит вне этого космоса, враждебно мне... и Конфедерации. Сэр, у нас есть свидетельства, полученные Бальдини и другими. Свидетельства того, что здесь кроется иная сила, чем атомы и электроны. Что эта сила античеловечна... и антинаучна.

– Прошу вас, мистер Свейн, – с усилием проговорил Фулсом. – Свидетельства – это еще не все.

– Тем не менее, – спокойно продолжил Свейн, – вот вам мой совет: уничтожьте эту планету и все, что на ней находится, во имя человечества и Конфедерации.

Фулсом посмотрел на своего первого помощника из-под отекавших век.

– Это уже слишком, мистер Свейн, – прошептал он и, помолчав, повернул голову к человеку, стоявшему справа от него. – Все собрались, мистер Фридрих?

– Все, кроме Такимори и Рыкова, – ответил Карл.

– Пошлите кого-нибудь на «Крота» поторопить их.

Свейн откашлялся.

– Это бесполезно, – сказал он. – Такимори и Рыкова нет на борту.

Фулсом обернулся к нему, но тут Грег объявил:

– Сэр, наши гостеприимные хозяева прибыли.

Он показал на край поляны, на которую из джунглей выходила вереница туземцев в ярких перьях. Первыми появились копейщики, за ними – четверо мужчин, несших нечто вроде крытых носилок.

– Итак, мистер Свейн? – произнес Фулсом.

– Сегодня днем, – размеренно ответил первый помощник, – вы потеряли сознание, сэр. Точнее говоря, на какое-то время впали в кому. Приняв на себя командование, я послал Такимори и Рыкова на особо важный объект, чтобы обеспечить нашу безопасность. Они и сейчас там.

– И что же это за объект, мистер Свейн?

– «Гримуар».

Карл Фридрих уставился на Свейна:

– Вы нарушили соглашение, которое я с ними заключил?

– Я так не думаю, мистер Фридрих, – усмехнулся Свейн. – Вы обещали оставаться на нашей территории. А «Гримуар» – космический корабль, собственность Конфедерации... и, стало быть, наша территория.

– Они уже здесь! – крикнул Грег с края выходной площадки. – На носилках никого нет. Думаю, это ваш транспорт, мистер Фулсом.

– Я больше не уверен, что это разумно, сэр, – торопливо заговорил Карл. – Туземцы могут узнать о том, что Свейн захватил «Гримуар», и неверно истолковать это.

Фулсом поднял отекавшие веки и посмотрел на Карла.

– Мы будем соблюдать соглашение, мистер Фридрих, – сказал он и неуверенно шагнул к трапу.

Карл и Грег поддерживали его. За ними спустились остальные. Первый помощник Свейн стоял на месте, пока не остался один, затем пожал плечами, поправил бластер на поясе и двинулся следом.

– Прекрасная и мирная картина, не правда ли, человек из Серебряной башни?

– Мирная и красивая, как фотография ударной волны, снятая теневым методом!¹³

---

¹³ *Теневой метод* (шлирен-метод) – способ обнаружения оптических неоднородностей в прозрачных средах; применяется для визуализации различных газодинамических процессов.

Карл Фридрих приветливо кивнул в ответ на слова Фирамтота и не отреагировал на громкую реплику Свейна. Будто мало было волнений из-за Грега и той девушки, из-за Фулсома и истории с «Гримуаром», так теперь еще Свейн выбрал крайне неподходящий момент, чтобы утратить контроль над собой и напиться. Первый помощник сидел с глупым выражением лица и покачивался.

Карл старался сохранять свой разум холодным и готовым к любому кризису. Старик Фирамтот был прав – картина выглядела идиллической... для поверхностного наблюдателя. Люди с «Крота» вместе с хозяевами сидели вдоль выпуклой стороны серповидного стола, на котором стояли остатки угощения – экзотические фрукты и орехи в украшенных бисером раскрытых раковинах и винные бокалы причудливой формы, вырезанные из темного дерева, а также из полупрозрачных раковин и рогов. Пламя в закрытых жаровнях по другую сторону стола, подрагивая, бросало отблески на площадку для танцевальных и атлетических выступлений. За ней мерцал еще один ряд огней. А вокруг – позади огней и по обеим сторонам от праздничного стола – стояли сказочного вида соломенные хижины с высокими крутыми крышами. Опоры и карнизы украшала грубая, но затейливая резьба, напоминавшая творения земных маори. Над деревней нависал темный свод джунглей из перистых полупрозрачных листьев. А еще выше раскинулся величественный небесный свод со сверкающими прожилками метеорных следов.

Фирамтот, в ниспадавшей на плечи накидке из золотистых и зеленых перьев, сидел в середине стола. Карл, помещенный слева от него, посмотрел на носилки с приоткрытым полоном, в которых по-прежнему оставался капитан Фулсом. Фирамтот перехватил этот взгляд, и его костлявый палец легонько постучал по руке Карла.

– Не тревожься, – мягко, но уверенно сказал он. – Вашему вождю ничто не угрожает.

Улыбка ничуть не сглаживала темных в отблесках огня провалов его щек. Он осторожно откашлялся.

Карлу оставалось только послушно кивнуть, сожалея, что у него нет подобной уверенности... и у Гальвеса, как он прекрасно знал, тоже. Когда они прибыли в деревню, Фирамтот настоял, чтобы Фулсома поручили заботам женщины со сверкающими глазами, старой, как сам грех, и тощей, как сам аскетизм. Гальвес запротестовал и попытался обсудить это с Фулсомом, но капитан, ослабевший и раздраженный после долгого путешествия сквозь джунгли, брюзгливо отказался разговаривать с ним. Врач «Крота», оскорбленно поджав губы, вернулся на свое место за столом. Старая ведьма, как отметил Карл, все еще сидела рядом с носилками. Казалось, она держала Фулсома за руку и что-то тихо говорила ему. Впрочем, самого Фулсома Карл не видел – мешал полог носилок.

Внимание Карла привлекло похожее на икоту кряхтение, раздавшееся слева от него. Свейн осушил свою питьевую раковину – остроконечную, спиральную, с золотым узором – и протянул одному из прислуживающих на пиру мальчиков, чтобы тот наполнил ее. Свейн, единственный из всего экипажа «Крота», все еще носил форменную фуражку, и это лишь усиливало раздражение от его грубости. Карл подумал, не пристыдить ли его, но один лишь взгляд на воинственно опущенный, крепкий, как у викинга, подбородок подсказал ему, что будет только хуже. Мысленно простонав, он постарался сосредоточиться на танцовщицах.

Это было не так уж трудно. Танцующие девушки в переливчато-огненных юбках казались ему то лесными феями, то кружащимися в воздушном вихре огромными цветами – яркие юбки-лепестки и тонкие тела-тычинки, – то просто прекрасными женщинами, по пояс обвитыми пламенем. Плавный, ритмичный танец заманивал разум на призрачную дорогу грез и желаний. Карл заметил среди девушек Геи. Но сильнее всего его поразили уверенность и легкость их движений, почти сравнимые с физическим совершенством и невероятным мастерством акробатов и танцоров с мечами. Карл Фридрих пытался убедить себя, что это просто «атмосфера Южных морей» – такая неуместная для Угольного Мешка – и готовность преодо-

леть слабость воображения, подточенного, так же как у Грега, скукой и холостяцкой жизнью в глубоком космосе. Однако в глубине души он знал, что дело не в этом. Здесь и в самом деле крылся какой-то секрет совершенства: остальная Галактика, с ее вечно суетливо-беспокойными космопортами, планетами, где люди из всех сил старались не отстать от машин – от старого доброго ВСС-натиска, – давно утратила его либо никогда им не владела.

Танец закончился, колыхание юбок и звон цимбал затихли. В конце серповидного стола, по левую руку от Карла – за Свейном, Гальвесом, Эндрюсом и Убии, – Грег и Карло Бальдини встали и громко захлопали в ладоши. Девушки подбежали к ним и столпились возле края стола. Они смеялись, учащенно дышали, пили вино из протягиваемых им рогов и не слишком-то увертывались от объятий и поцелуев, которыми Грег и Бальдини, видимо, решили заменить аплодисменты.

«А это уже никуда не годится», – сказал сам себе Карл. Он мог, не пошевелив и пальцем, наблюдать за тем, как напивается Свейн, мог слушать, как ведьма забалтывает Старика до полусмерти, но не мог допустить, чтобы эти двое так распоясались. Он понимал, что варварское гостеприимство, кажущееся совершенно свободным и бескрайним, обычно имеет четкие края – острые как нож и вынуждающие хвататься за ножи. Он встал и едва не поскользнулся на подозрительно грязном участке земли, разделявшем два кресла, его и Свейна, и собрался уже протиснуться между ними, но вдруг невесомая, неестественно-безжизненная рука Фирамтота снова опустилась на его руку.

– Сядь, – сказал старый дикарь, мягко, но с такой властью, которой Карл не отважился бросить вызов. – Сейчас мы будем смотреть дымовые картины.

Юноши набросали что-то в костры за танцевальной площадкой. Пламя притихло, густые клубы дыма поползли вверх и быстро собрались в подобие стены, заслонившей хижины. Соседние жаровни отбрасывали мерцающий свет на этот направленный вверх серый водопад.

Фирамтот медленно поднялся – все его движения были в этот вечер медленными и осторожными, даже в большей степени, чем тогда, на расчищенном участке, – и обратился к людям с «Крота», сидевшим, за исключением Фулсома, слева от него.

– Сейчас мы будем смотреть дымовые картины. Это одно из наших простых развлечений... может быть, слишком простых для таких могущественных людей, как вы, которые укрощают великое пламя, строят за одну ночь огромную башню и отваживаются жить по соседству с демонами. Но возможно, вы согласитесь посмотреть на это и даже получите удовольствие. Силанти покажет вам дымовые картины.

Он протянул руку в сторону вялого с виду, худого мужчины в головном уборе из перьев, казавшегося молодым, несмотря на седые волосы: тот как раз вышел на площадку для танцев. Когда Силанти приветственно поднял руки, Карл взгляделся в высокий призрачный силуэт на фоне завесы из дыма, заметил, как тот обрел крылья, и решил, что эти «дымовые картины» и вправду всего лишь детское развлечение. Затем Силанти шагнул в круг из жаровен, остановился перед креслом Фирамтота и обвел взглядом гостей с «Крота», сидевших за столом в форме полумесяца. Карл подумал, что у этого человека самые сонные и невыразительные глаза, какие он только видел.

– Наши дымовые картины и в самом деле очень просты. – Голос Силанти был под стать его глазам. – Но увидеть их порой бывает нелегко. Это более тонкое и хрупкое удовольствие, чем танцы, наблюдайте за ними с осторожностью. Откиньтесь на спинки кресел. Потягивайте вино или ешьте фрукты, аккуратно раздавливая сочную мякоть между нёбом и языком. И смотрите дымовые картины.

Карл выполнил часть рекомендаций, включая и последнюю. Он гадал, появятся ли за дымом новые призрачные танцоры, или сам дым будет изменять цвет, в зависимости от того, что бросят в огонь. Но мысли его разбрелись, и вскоре Карл уже думал об альфе Центавра-Дуо

– планете, на которой родился. Внезапно ему стало ужасно одиноко, и от осознания угнетающе огромных размеров Галактики он ощутил острый приступ тоски по дому.

Внезапно он отвлекся от мечтаний: едва пригубленный им бокал вдруг пополз влево. Карл обернулся и увидел Свейна, ухватившегося за его бокал, как ребенок цепляется за взятую без спроса игрушку, и смотревшего на дым хмуро-враждебно. Затем, словно почувствовав на себе внимание Карла, Свейн так же хмуро уставился на него и хлопнул бластером по своему бедру. Карл Фридрих пожал плечами и попытался снова сосредоточиться на «картинах». Но это было скучно, и его мысли снова унеслись прочь, на этот раз к планете Ригель-Трес. Он представил себе, как летит на вертолете в дурманящем, перенасыщенном аргоном воздухе, который делает голоса необычайно глубокими, мимо зеленых вулканических пиков хребта Заглохшей Струи к столичному Нью-Ориону, дымчато-белые крыши которого блестят под ярким палевым солнцем.

А потом Карл Фридрих очнулся, и дрожь пробежала по его спине. Он вдруг осознал, что никогда не был на Ригель-Трес. Разумеется, Карл читал о нем, видел фильмы, но разве после всего этого он мог ощутить, как богатый аргоном воздух вливается в легкие, понять, какой оттенок имеют крыши Нью-Ориона, увиденные не в объектив кинокамеры, а сквозь темный пластик ригелианского шлема? Он бросил быстрый взгляд на Силанти. Тот, словно подготовившись заранее, тут же посмотрел на Карла. Казалось, губы этого худого седоволосого мужчины искривились в призрачной лукавой усмешке. Карл торопливо перевел взгляд на сидевших за столом товарищей, чтобы проверить, не чувствуют ли и они что-нибудь странное... и ощутил новую тревогу.

Бальдини сидел на своем месте, пил вино и тихо, но призвав на помощь выразительные усмешки и гримасы, беседовал с тремя девушками-танцовщицами. Вероятно, отчаянно при-
вирая о своих подвигах.

А вот Грегa с Геи нигде не было видно.

На этот раз Фирамтот остановил Карла еще до того, как тот поднялся. Голос старого вождя был почти суровым:

– Смотри дымовые картины.

Карл подчинился, хотя и с большой неохотой, – теперь в этой серой колеблющейся завесе было что-то пугающее. Но постепенно его беспокойство из-за Грегa и девушки растворилось в более призрачных образах.

Мысли Карла снова умчались за десятки световых лет от этого места, но мысленные образы стали куда более четкими, чем обычно. Казалось, они все чаще и чаще переносились на дымовую стену, все чаще и чаще превращались в сцены, которые он вряд ли наблюдал даже в фильмах. Залитые сиянием трех лун джунгли. Капитанский мостик корабля, сверкающий под смешанными лучами двух светил разного оттенка. Холодные просторы Плутона, освещенные крохотным, как звезда, Солнцем. Бешеное вращение колесоподобных существ, в паническом бегстве несущихся по бесцветной степи Лиры-Квинкве, кенгуриные прыжки жукообразных, убирающихся с их дороги, тонкие следы шин позади них. Безостановочная суeta леса, в котором растения боязливо проползают мимо неподвижных, только шевелящих щупальцами животных. Безымянные белые горы.

Наконец мимолетные образы уступили место более продолжительным видениям. Карлу показалось, что завеса дыма – или мысленные образы, передаваемые на нее, – стала темнее обычной ночи, темнее самой темноты. Со временем он разглядел несколько крохотных белых облачков, блеклых, как рои фосфорных мух с Доуианских болот, и понял, что представил себе место в еще более далекой части космоса между галактиками.

Какое-то время на «картине» ничего не было видно, кроме галактик: как заметил Карл, они располагались на одной узкой полосе, точно он смотрел со дна глубокого каньона и более

зорким, чем у обычного человека, взглядом. Затем при помощи этого зрения, которое было не просто зрением, а своего рода прямым восприятием, он начал различать существ, висевших на стенах каньона: огромные пауки, покрытые густой черной шерстью, изредка выбрасывали в стороны свои конечности, привлеченные короткими малозаметными вспышками или другими сигналами. Наблюдая за ними, Карл ощущал их голод и жажду, отвратительные в своей жестокости, но все же поддавался паучьим чарам.

– Прекрати! Прекрати немедленно!

Это кричал Фирамтот; его голос разрушил жуткую галлюцинацию, и теперь Карл снова видел только дым. Он быстро посмотрел налево. За исключением Свейна, который подался вперед так, что его подбородок почти касался стола, и по-прежнему тупо шурился на стену дыма, все члены экипажа глядели друг на друга, бледные и потрясенные.

Фирамтот в раздражении отвернулся от почтительно склонившегося Силанти.

– Я прошу у вас прощения, – сказал он людям с «Крота» прерывистым, задыхающимся, но по-прежнему полным достоинства голосом. – Иногда мы показываем дурные картины. То есть... – он бросил гневный взгляд на Силанти, – иногда самые глупые и безрассудные из нас показывают дурные картины. Чтобы загладить недоразумение, я сам покажу вам приятные картины. Вам нальют самого старого вина, и вы увидите. Мальчики, принесите вина из пузырярного дерева!

Карл больше не слушал старика. Свейн схватил его за локоть, приблизил губы к самому уху и прошептал удивительно спокойным, очень трезвым голосом... если не брать в расчет того, что Карлу приходилось слышать, как таким же голосом говорят очень пьяные люди:

– Теперь видите? Это окончательное доказательство того, что этот народ – или союзник, или жертва какой-то полностью враждебной нам внегалактической силы, способной использовать мысли так же, как мы пользуемся квантовой механикой. Подождите немного, и мы все тоже станем ее жертвами. Пока они не подмяли под себя всю Галактику – а с помощью «Крота» это случится за считанные недели, – мы должны уничтожить все живое на планете. Это можно сделать. Это нужно сделать. Раз и навсегда. Вы со мной?

Карл вздрогнул, но, прежде чем он успел сформулировать ответ, голос старика Фирамтота ворвался в его спутанные мысли – негромкий, но скрежещущий, как зазубренное лезвие ножа:

– Я чувствую зло! Беспощадное зло, угрожающее всем нам, выжидающее удобного момента для удара. Люди из Серебряной башни, пока это зло не будет раскрыто, вы останетесь нашими пленниками!

Все люди с «Крота» повернули к нему лица, выглядевшие странными и бледными в отраженном стеной дыма пламени жаровен. И потрясенными. Все, кроме Свейна. Он стоял, высокий и непоколебимый, словно космический корабль в посадочном доке, и смотрел на Фирамтота так, словно собирался дать ему твердый отпор. Карл почувствовал прилив гордости за первого помощника.

Вдруг Свейн пошатнулся. Его голова затряслась, глаза начали закатываться, и он нелепо зажмурился, словно мог остановить это.

– Вы пьяны! – услышал Карл свой собственный голос, взорвавшийся неудержимым отвращением.

Свейн кивнул – или, по крайней мере, уронил подбородок на грудь – и рухнул в свое кресло.

Фирамтот презрительно фыркнул:

– Отнесите его в первый гостевой дом. Пусть проспится.

Из-за кресел вышли четверо юношей.

– Подождите, – сказал Карл, – вы не можете так поступить.

Но, еще не закончив говорить, он почувствовал на себе гневный взгляд Фирамтота, и вся его сила обратилась в дым.

Юноши невозмутимо принялись за дело. Карл не мог отвести взгляд от Фирамтота, но попытался преградить им дорогу... и понял, что не может поднять руку выше локтя.

– Нашими пленниками, – повторил Фирамтот и многозначительно посмотрел на Карла.

У Карла вдруг обмякли колени. Откуда-то из-за спины послышался голос Гальвеса:

– Я должен оказать медицинскую помощь первому помощнику. И мне нужно увидеть капитана.

– Ты никого не увидишь. И не сдвинешься с места.

Больше Гальвеса не было слышно. Затем что-то выкрикнул Бальдини, но его голос внезапно оборвался, и девушки-танцовщицы бессердечно рассмеялись. У Карла подкосились ноги, и он рухнул в кресло Свейна.

Как только это произошло, Карл почувствовал, что может управлять своими движениями, хотя и очень слабо, словно еще не оправился от болезни. С трудом обернувшись, он увидел, как Свейна заносят в темную соседнюю хижину. Несколько мгновений спустя четверо юношей вышли наружу и опустили за собой полог, прикрывавший дверной проем.

– Прислушайся к его разуму, Тонгев, – велел Фирамтот. – Убедись, что он спит.

Один из юношей приотстал. Он не вошел обратно в хижину, а сел на корточки рядом с дверью, и взгляд его затуманился.

Фирамтот двинулся вдоль стола, в обход носилок Фулсома, чтобы переговорить со своими людьми. Карл уловил слабое бормотание, мелодичное и убаюкивающее, и разглядел старую ведьму, которая все еще «заботилась» о капитане. У него возникло ощущение, что она так ни разу и не подняла голову, пока все были охвачены волнением.

Завеса дыма истончилась и растаяла. Костры вокруг площадки для танцев разгорелись снова, но не так ярко, как раньше. Карл сознавал, что из темноты на него бесстрастно смотрят дикари. Он оглянулся на своих товарищей, не ощутил особого желания поговорить с ними... и усомнился в том, что смог бы это сделать, если бы захотел. Какую бы гипнотическую силу ни применил против них Фирамтот, ослабевала она дьявольски медленно. Карл почти обессилел, мысли в голове шевелились с великим трудом. Он вспомнил о грязном пятне под креслом. Затем усилием воли вызвал в памяти призрачные картины, едва справившись с тошнотой от последней из них, и попытался постичь логику реакции первого помощника на эти видения. Ведьма продолжала бормотать. Время еле ползло.

Наконец Фирамтот вернулся. Старый вождь выглядел теперь совсем ослабшим – его поддерживали с обеих сторон, и двигался он так, словно сознавал свою внутреннюю хрупкость. Однако его присутствие странным образом производило бодрящий эффект. Мышцы Карла постепенно обретали прежнюю силу, голова прояснялась, и он чувствовал, что с товарищами происходит то же самое.

Фирамтот уселся в принесенное для него кресло напротив стола. Он улыбнулся устало, но уже не мрачно.

– Итак, джентльмены, – тихо проговорил он, – мы можем сбросить эти глупые маски. Представление окончено. Больше не обязательно называть космические корабли серебряными башнями, а вместо «демонов, обитающих в мертвых вещах» можно сказать просто «машины». – При последнем слове его лицо снова сделалось жестким и угрюмым. – Хочу уверить вас в одном: это было не совсем представление. Наша жизнь именно такова, какой вы ее видели. И мы ненавидим машины. Запрет на них – основа нашей жизни.

Он изучил лица чужаков и медленно покачал головой.

– Но вы, – продолжил он, – выглядите не вполне так, как мы ожидали увидеть. Ибо, хотя мы и приглядываем за внешним миром, понимание и ощущение – разные вещи. Вы оказались

более сложными, и ваш разум разрывается между разными предметами, но в первую очередь – между потребностями машин и спокойствием жизни... как разрывался когда-то разум наших предков. Столетия назад наши предки поняли, что человек движется слишком быстро. Собственные изобретения повели его в безумный поход по Галактике. Человеку, попавшему в плен к созданным им самим машинам, не хватало времени на чувства, мечты и взаимопонимание. Изобретения, силы и знания росли в геометрической прогрессии, а затем в прогрессии третьего и четвертого порядка. Но возможностей для такого же духовного роста не было, если не считать те бездушные мозги, что состоят из электричества и металла. Все чаще и чаще на потребности духа следовал ответ «нет времени» – то, что вы теперь называете «старым добрым ВСС-натиском». Отдельные люди пытались замедлить ритм своего внутреннего существования, дать духу передышку за счет самодисциплины, алкоголя или наркотиков, но без особого успеха. – Фирамтот кивнул в сторону хижины, в которую унесли Свейна. – Радость увяла. Чудеса умерли. Дух перестал расти. Наши предки все еще интересовались проблемами духа. Правда, этот интерес превратился в источник боли. Они поняли, что должны отстраниться от остального человечества и сохранить для духа хотя бы слабую возможность роста. Полумеры ни к чему не привели бы. Предки должны были отречься от машин и привить своим детям отвращение к ним, иначе блеск машин и та легкость в достижении чудес, которую они дают, рано или поздно непременно потянули бы человечество назад. В древности люди на Земле пытались провести такой же эксперимент по возвращению в мир духа. Но они решились на это слишком рано. Они были невежественны, связаны суевериями и предрассудками. Наши предки знали больше. Люди принялись изучать истинные принципы работы духа, исследовали границы подсознательного, выяснили, как один разум говорит с другим и как мысленные картины становятся реальными, научились видеть внутренним зрением и слышать третьим ухом... хотя эти исследования все больше противоречили потребностям машин. Чтобы добиться своей цели, наши предки в последний раз воспользовались машинами – похитили космический корабль «Логика» и переименовали его в «Гримуар». Понимая, что в открытом космосе Конфедерация выследит их на любой планете, они отважились углубиться в Угольный Мешок. И там наконец нашли подходящую для беззаботной жизни планету. Приземлившись, они наложили вечный запрет на «Гримуар» и все машины на его борту, а сами ушли в джунгли.

Карл Фридрих продолжал слушать Фирамтота, но вновь забеспокоился. Он посмотрел на носилки Фулсома, возле которых продолжала бормотать ведьма, затем на темную хижину со Свейном, спавшим внутри, и «слушателем», сидевшим на корточках снаружи. Грега нигде не было видно. И еще Карла почему-то тревожило грязное пятно под креслом.

– Первые годы наши предки бедствовали, – продолжил старый гипнотизер. – Но со временем они выстроили ту жизнь, к которой стремились. Им не удалось сделать ее жизнью духа в чистом виде, поскольку мечи и копья – и даже само тело человека – это тоже машины. Но они содержат не так уж много зла и почти не портят духа. Постепенно среди джунглей выросли деревни, где жизнь протекает в приятном ритме, с должным уважением к красоте. Молодежь обучается играм и танцам, охоте и любви, стихам и песням, получает обширные знания по искусству и истории. Короче говоря, обычная молодежь, хотя у некоторых умственные способности проявляются раньше времени. Достигнув зрелости, они могут выбирать: предаваться ли тем же самым занятиям, становясь учителями и учениками других людей, врачевать тело и разум, то есть человека в целом, или участвовать в духовных исследованиях, в которых мы добились некоторых успехов. – Он снова насмешливо посмотрел на слушателей. – И тут появляетесь вы, люди из внешнего мира, чего, полагаю, нам следовало ожидать. Мы почувствовали разумом ваше приближение и попытались развернуть вас обратно с помощью фантомов, а когда вы все-таки прилетели, притворились обычными дикарями, в надежде, что вы так и опишете нас в докладе Конфедерации. Но уловка все-таки не сработала.

Беспокойство Карла усилилось. Подчиняясь внезапному порыву, он опустил руку, коснулся пальцем грязного пятна под креслом и снова поднял ее.

Запах объяснил ему все. Земля была перемешана не с водой, а с терпким вином, которое они пили. Вывод напрашивался сам собой. Должно быть, Свейн вылил туда свое питье.

Но как Свейну удалось симулировать опьянение, если эти люди и в самом деле способны слышать его разум? Голос Фирамтота оборвал размышления Карла:

– Так что же мне теперь делать, люди из мира машин? – Напоминающее череп лицо старого вождя оставалось мрачным, но на губах играла призрачная усмешка. – Я чувствую, что некоторые из вас настроены почти дружелюбно, что вы отчасти даже восхищаетесь нашими идеями. Но я также чувствую ваш страх, и по крайней мере один из вас ненавидит нас – или все то, за что мы стоим, или то, за что мы, по его мнению, стоим. Ненавидит настолько, что без колебаний уничтожил бы нашу планету и все живое на ней. Я не могу сказать с уверенностью, кто он, а может, не один из вас несет в себе ненависть или может приобрести ее со временем. Не стану скрывать, что чтение мыслей – нелегкое дело, и вообще все ментальные способности очень изменчивы. Временами мы творим с помощью разума истинные чудеса и можем в мгновение ока построить мосты через галактические бездны. Но иногда наши навыки полностью отказывают или мы получаем неверные сведения. Так вот, я спрашиваю: что мне делать? Отпустить вас вместе с тем, что уничтожит нас всех? Позволить вам вернуться и сообщить Конфедерации – добровольно или вынужденно, – что мы опасны? Или держать в плену, чтобы флот Конфедерации прилетел сюда на поиски? Сложный вопрос.

Карл прочистил голос. И только успел открыть рот, как тотчас осознал, насколько это рискованно.

– В нас есть страх, – начал он. – Страх того, что вы можете оказаться союзниками или бессознательными орудиями чужаков, ненавидящих людей и более искушенных в работе с разумом, чем вы сами. Помнишь дурные картины, что показывал нам Силанти?

Фирамтот нахмурился.

– Это были дурные картины, – признал он. – И я не стану отрицать, что они могут быть опасны. Во Вселенной много ужасного. Но подумай вот о чем: кто первым посеял страх перед нами в умах людей из Конфедерации? Почему вас послали к нам как к врагам? К тому же не угрожает ли людям со слабыми ментальными способностями, таким как обитатели Конфедерации, большая опасность со стороны могущественных чужаков, чем людям с сильными способностями? Твой страх – это палка о двух концах.

Ответить Карлу помешал топот шагов по плотной земле. Из темноты выбежали двое. На мгновение у Карла упало сердце при мысли о том, что девушка убегает от Грега. Но затем он понял, что та просто опережает его товарища, совсем ненамного. К столу они пришли почти вровень.

– Огромный серебристый крутящийся жук! – взволнованно крикнула Геи. – Демон! Летит над джунглями!

– Вертолет, – тяжело дыша, уточнил Грег. – Не знаю, кто в нем.

Фирамтот покосился на Карла Фридриха.

– Кто-то нарушил договор, – сказал он.

– Выражайся ясней! – рявкнул на Грега Карл, принимая командование.

Грег провел рукой по взъерошенным волосам:

– Значит, мы прогулялись немного по джунглям...

– Далеко? – неприветливо спросил Карл.

– Примерно с милую, – с улыбкой ответила Геи.

Карл не отводил взгляда от Грега, ему было немного не по себе.

– Да?

– Ну вот, – продолжил Грег, – мы разговаривали и вдруг услышали шум. Оглянулись и увидели, как один из вертолетов «Крота» поднялся над джунглями и улетел... очень быстро.

– По направлению к «Кроту»?

– Нет, кажется, в противоположную сторону.

Геи одобительно положила руку ему на плечо.

– Все было именно так, как он говорит, – подтвердила она.

Грег не сдержал глуповатой улыбки.

Фирамтот обернулся к Карлу.

– Кто из вас... – начал было он, но в то же мгновение все взгляды устремились на дальний край стола.

Бальдини взволнованно вскрикнул и бросился в темный проход между хижинами. Прежде чем хоть что-либо предпринять, он уже вернулся назад, держа на руках маленького мальчика.

– Ничего, ничего, Мики, все будет хорошо, – продолжал приговаривать Бальдини, когда толпа окружила его. А потом поднял голову. – Мне показалось, будто в темноте кто-то стонет, и там действительно был он, пытался поползти до нас. Посмотрите, как ему досталось. Но все будет хорошо, Мики.

На виске у мальчика выросла шишка величиной с куриное яйцо. Он был очень плох.

– Что случилось, Мики? – спросил Фирамтот. – Твои мысли расплываются.

Мальчик сглотнул.

– Я увидел, – сказал он слабым голосом, – как большой пьяный человек ползет между хижинами. Он тоже меня заметил и повалил одним ударом.

Карл оглянулся на гостевую хижину почти одновременно с Фирамтотом и был рядом с ним, когда старый вождь шагнул за прикрывающий вход полог. «Слушатель» растерянно хлопал глазами.

В хижине никого не оказалось. В дальней стене зияла рваная дыра. Единственная кровать была пуста, только в изголовье лежала маленькая черная коробочка. Карл поднял ее и вслед за Фирамтотом вышел из хижины.

– Какой из тебя охранник, Тонгев? – распекал Фирамтот «слушателя». – Пленник сбежал еще до того, как ты уселся у входа.

– Но я же тебе говорю, – оправдывался Тонгев, – что все время слышал его мысли и это были мысли спящего. – Тут в глазах у него промелькнул страх. – Я и сейчас их слышу. Ближе, чем раньше.

Он посмотрел на Карла, а Карл – на черную коробочку у себя в руках.

– Я понял, – сказал он странным голосом, словно кто-то принуждал его говорить. – Должно быть, Свейн изготовил электронное устройство, транслирующее ритмы человеческого мозга. Сначала он настроил передачу на ритмы сна, когда притворялся пьяным. А потом оставил прибор на месте и сбежал.

– Машина!

Фирамтот шарахнулся в сторону, словно рядом с ним внезапно подняла голову ядовитая змея.

– Брось ее в огонь! – велел он Карлу с потрясенным, растерянным видом. – А ты, Тонгев! Спутать мозг машины с человеческим!

Карл не шевелясь смотрел на черную коробочку.

И тут поднялся шквал взволнованных голосов. Те, кто сидел за столом, показывали пальцем в небо над джунглями. Там, низко над горизонтом, едва различимый сквозь прозрачные кроны деревьев, поднимался новый ярко-красный метеор. Он двигался медленней своих бледных собратьев, но быстро набирал скорость, пока все внизу ошеломленно смотрели на него.

– Я понял, – повторил Карл тем же самым голосом. – Это Свейн. Он спрятал неподалеку один из вертолетов «Крота». Но сейчас он поднял в небо не «Крота». Это «Гримуар». – Он взглянул на Фирамтота, замершего на месте. – Потому что «Гримуар» перевозил радиоактивную пыль.

Казалось, весь лес съежился, когда он подумал об этом.

– Вряд ли это случится в считанные секунды, – глухо добавил Карл. – У вас есть колонии на другой стороне планеты, Фирамтот? Хотя даже это вас не спасет.

– Силанти! – сказал Фирамтот неожиданно твердым, молодым голосом. – Пошли туда мысленные картины. Дурные картины.

Пальцы старого вождя, словно когти, сжали локоть Карла.

– Думай о Свейне! – чуть ли не взмолился Фирамтот. – Думай, как я проникаю в его разум. Сам я не могу туда попасть. Я плохо представляю себе это место. Думай о том, где он находится. Думай, что я там.

Стоя в темноте дверного проема под давящим взглядом Фирамтота, наблюдая за тем, как ярко-красный метеор все быстрее поднимается в небо, Карл принял решение. Он старался забыть о себе и не поддаваться обаянию этой странной, красивой, но слабой и вставшей на ошибочный путь культуры, старался думать о Конфедерации и честно рассуждать о страхе Свейна, зная, что этот страх велик и искренен.

В тот же миг, когда решение было принято, он почувствовал, как могучий ветер, исходящий из глаз Фирамтота, подхватывает его, словно перышко, и несет все выше и выше.

На мгновение наступила полная темнота.

Затем, без всякого перехода, он очутился на мостике космического корабля. Справа от него, на месте пилота, сидел Рыков, впившийся глазами в трехмерную радиолокационную карту, висевшую над его коленями и похожую на открытую коробку. Позади Рыкова, в кресле астронавигатора, сидел желтолицый Такимори. А непривычно длинные руки самого Карла зависли над боевой приборной панелью, над маленькими изящными кнопками управления пушками, торпедами и выбросом радиоактивной пыли. В первую очередь пылью – именно она была главным оружием «Гримуара». Прямо перед ними троими, за невидимым куполом, по небу растекались ручейки белого огня, и он ощущал раздирающую душу тоску, неизлечимую боль за товарищей, которым суждено умереть от его руки. Но в то же время чувствовал страх и ответственность, которые были сильнее этой тоски.

– Выровняй курс, Петя, – сказал он Рыкову. – Мы должны убедиться, что сможем накрыть деревню с первого захода. Затем перейдем на широкую орбиту и закончим работу.

Рыков не повернул головы, но, даже выполнив приказ, все-таки спросил:

– Это точно необходимо?

– Точно, – ответил Карл.

Следом, со скоростью робота-стенографа, заговорил Такимори:

– А вы уверены, что Фулсом, Фридрих и остальные...

– В полной безопасности на «Кроте», – закончил Карл, прекрасно сознавая, что лжет. – После того как мы сделаем первый заход, они взлетят сами, пройдут четверть расстояния от планеты до солнца и будут дожидаться нас.

Внезапно за куполом – вероятно, в миле впереди них – появилось что-то странное: чудовище с клыкастой драконьей пастью, из которой извергалось пламя, и многочисленными щупальцами. Оно облизывало пластик купола. Карл оглянулся на Рыкова и Такимори. Оба либо слишком увлеклись изучением карты, либо просто не видели гигантского призрака. Карл решил не обращать на него внимания. Затем он слегка склонился вправо, наблюдая, как тонкая сигара «Гримуара» проносится над кристально чистой картой джунглей.

– На орбите, – пробормотал Рыков.

Пальцы Карла Фридриха потянулись к кнопке сброса пыли.
Но не смогли дотянуться до нее.
Что-то не являющееся частью его самого мешало ему.
Он словно упирался в невидимую стену.
Его пальцы остановились в дюйме от кнопки.
Он заметил, что Рыков и Такимори наблюдают за ним.
Он подумал о черных паукообразных существах на стенах каньона далекой внегалактической планеты и едва не сошел с ума от страха, который не был его собственным страхом.
Он начал задыхаться, от напряжения по лбу градом катился пот.
Но он по-прежнему не мог дотянуться до кнопки.
Он отчаянно забился, как попавший в западню зверь.
Потом внезапно затих и покосился вправо. Рыков и Такимори все еще наблюдали за ним.
В глазах у них он прочел зреющую – уже созревшую – решимость.
– Проследи за ним, – услышал он шепот Такимори. – А я посажу корабль.
Рыков кивнул, вытянул руку и выключил панель управления перед Карлом. Взгляд его был холодным и подозрительным.
– Хотя, если подумать... – сказал Рыков и, вероятно, решил оставить все как есть.
И Карл сидел и думал о черных чудовищах, схвативших его запястья с расстояния в сотни парсеков, и все еще пытался найти способ высвободиться из этой хватки.
Но в этот момент с разумом Карла что-то случилось.
У него отвалилось дно.
Карл все еще сидел на мостике «Гримуара» и в то же самое время падал все глубже и глубже в бархатно-шерстяную яму, которая была черней и ужасней любого чудовища, настолько ужасной, что, когда он выхватывал из кобуры на поясе ручной бластер, это продолжалось дольше, чем крестные муки.
– Останови его! – послышался крик Такимори, длившийся даже меньше, чем молниеносное движение Рыкова в сторону Карла.
Удар выброшенным вперед локтем отшвырнул Рыкова в кресло напротив Такимори.
В это короткое мгновение ужас бархатно-черной ямы стал просто неизмеримым.
Но Карл выстрелил вовсе не в голову Рыкова. И не в голову Такимори.

Карл осознал, что стоит перед гостевой хижиной между Фирамтотом и ошеломленным «слушателем», все еще прижимая пустую руку к виску и продолжая давить указательным пальцем на несуществующий спусковой крючок.
Низко над горизонтом рывками опускался красный метеор.
И тут он вспомнил все, что почувствовал на «Гримуаре». Тело Карла ослабело. Милосердная тьма сжалась над его рассудком и принесла успокоение, не отправляя в бессознательное состояние.

Когда она отхлынула, Тонгев проводил Карла к праздничному столу. Красного метеора на горизонте больше не было видно, хотя яркое алое зарево показывало, где поднялся в небо гриб посадочной реактивной струи. Лица дикарей за столом были спокойными и безмятежными, словно они уже не сомневались, что угроза устранена. Их уверенность передалась и людям с «Крота», хотя те все еще не избавились от шока и напряжения.

Рядом с Карлом, сохраняя достоинство, но с крайней осторожностью, шел Фирамтот.
– Твой разум отыскал его, – сказал старый вождь, – и с этого момента ты стал Свейном.
Ты проложил дорогу моему разуму, и я смог найти вас обоих.
Карл облизал губы.
– Что ты сделал со Свейном? Почему он застрелился?

– Я сожалею, что сделал это, – сказал Фирамтот слабым голосом. – И сожалею, что заставил тебя это пережить. Но я не был уверен, что смогу держать его разум под контролем. Он был смелым и умным человеком, хотя и с ошибочными взглядами, но планете грозила бы большая опасность, если бы он остался в живых.

Фирамтот помолчал немного и продолжил, на удивление мягко и бесстрастно:

– Я всего лишь показал ему часть его собственного разума, о которой он ничего не знал, – то, что вы называете подсознанием, – и ужас перед ней оказался таким огромным, что Свейну оставалось лишь уничтожить ее. Если бы он смог справиться с этим, то остался бы в живых, но даже опытному в таких делах человеку трудно выдержать всю тяжесть знания о своем разуме.

Сидящие за столом оживились и перевели взгляды с Фирамтота и Карла Фридриха на нового человека, которого даже команде «Крота» было непросто узнать, поскольку взгляд его стал ясным, а лицо – чистым. На теле капитана Джеймса Фулсома не осталось ни следа бывших отеков, он шагнул к товарищам бодрой походкой, без всякой поддержки, хотя в его чистых глазах еще читалось удивление. Старая ведьма загадочно улыбалась, стоя возле носилок.

Старик Фирамтот посмотрел на Фулсома и сказал все тем же непривычно отстраненным и мягким голосом:

– Он тоже увидел часть своего разума, о которой давно забыл. Разрушающее красоту напряжение, что охватило весь открытый космос, оказалось слишком тяжелым для него. Старый добрый ВСС-натиск начал убивать его тело. Но Селия приоткрыла его сознание, показав, что там все еще живут и надежда, и удивление, и романтика, и юношеские мечты.

Услышав удивленное восклицание, все обернулись к Гальвесу. Худое лицо корабельного врача светилось восторгом.

– В старые времена это называли чудом. Ни я, ни любой другой врач из Конфедерации не смогли бы сделать ничего подобного. – Он резко повернулся к Фирамтоту, и в голосе его неожиданно послышалась теплота. – Сэр, вы излечили нашего вождя при помощи своих великих знаний о разуме и сердце. Позвольте нам выразить свою благодарность. Мне знакома болезнь, что убивает вас, причина ее не в вашем разуме, а в напавших на вас крохотных живых существах, и я знаю, как с ними справиться.

Старик Фирамтот опустился в кресло, устало, как человек, едва стоящий на ногах, человек, совершивший последнюю прогулку в этом мире, словно кресло было его гробом. Какое-то время он смотрел на Гальвеса с мягкой улыбкой, а затем покачал головой.

– Нет, – сказал он очень тихо, но никому не пришлось напрягать слух, чтобы разобрать его ответ. – Благодарю тебя за предложение, а еще больше – за тот дух, что побудил тебя сделать его. Я знаю, что ты можешь меня вылечить, но для лечения потребуются машины и вещи, сделанные машинами, и я не могу пойти на компромисс. – Его голос сделался еще тише, а взгляд – еще отчужденнее. – Когда юноша становится мастером духа, он должен отправиться один в темноту джунглей – джунглей собственного разума – и бесстрашно продержаться там три дня. Так и я ухожу в еще более густую темноту, из которой никто не возвращается. До моего ухода осталось совсем немного, за последние несколько часов я израсходовал силы, которые помогли бы мне цепляться за жизнь еще не одну неделю. – Его лицо помрачнело. – Возможно, я обязан отправиться в этот путь еще и потому, что послал туда Свейна. – Фирамтот оглядел всех суровым взглядом. – Он был хорошим человеком, лучше большинства из вас и многих из нас. Возможно, мы оба были слишком сильными и уверенными в себе, и нам не позволено жить дальше. – Его губы чуть скривились. – Я бы очень хотел пожить еще. Я хотел бы увидеть результат этой встречи – можете не сомневаться, встреч будет много – и отчасти помочь вам своими советами. Я хотел бы увидеть, сможет ли механический лев лечь рядом с мистическим ягненком. Но об этом придется позаботиться другим. Я сделал свой выбор.

На ясном голубом небе едва можно было различить метеорные следы. Свежий ветер, пробравшись сквозь прозрачные кроны деревьев, гулял по расчищенному участку вокруг «Крота». Ярко светило солнце, ничуть не затуманенное пылью. На земле перед выходной площадкой стояли члены экипажа «Крота» в парадной форме, выглаженной и начищенной до последней магнитной застёжки, словно перед адмиральской проверкой. Напротив них располагалась более многочисленная группа жителей деревни в церемониальной одежде: черные ткани домашнего плетения, черные шкуры, бусы и браслеты из черного дерева, головные уборы из черных перьев, раздуваемых ветром.

Старика Фирамтота среди них не было, как не было Тауно Свейна среди людей с «Крота».

Капитан Джеймс Фулсом закончил произносить официальную часть прощальной речи и, как только напряжение спало, обратился с большей непринужденностью к Силанти, который говорил теперь от имени деревни:

– Итак, мы возвращаемся домой, унося с собой весть о вашем дружелюбии, о том, что вы не представляете опасности для Конфедерации.

Силанти улыбнулся:

– Мы благодарны вам, однако у меня есть сомнения. Вы поверили нам, но увидит ли Конфедерация все это в таком же свете?

– Мы поможем им увидеть, – мрачно пообещал Фулсом.

Силанти кивнул:

– Но, как указывал Фирамтот, за спиной у Конфедерации могут стоять другие люди – хитрые и могущественные, которые будут подталкивать ее к проявлению ненависти ради своей выгоды. Не забывайте об этом.

– Можете положиться на нас, – ответил Фулсом. – Кстати, вы по-прежнему не хотите послать одного из ваших людей с нами? Понимаешь, они очень помогли бы нам убедить Конфедерацию. И мне кажется... – он перевел взгляд на Грегга и Геи, увлеченно обсуждавших что-то, и Карло Бальдини, окруженного полудюжиной детей, – прости меня за эти слова, но некоторые из них были бы счастливы полететь с нами.

– Ты говоришь чистейшую правду, – согласился Силанти. – Но из этого ничего не выйдет. Мы предлагаем Конфедерации самую теплую дружбу, но наши запреты остаются с нами. Если мы встретимся с вами, если посетим вас, то сделаем это по своей воле и своим путем, а не с помощью машин.

– Что ж, раз вы нашли свой путь, пусть будет так, – сказал Фулсом.

– Я много размышлял об этом, – вмешался Карл Фридрих. – Неужели нельзя найти компромисс? Не думаю, что машины плохи сами по себе. Единственное, что плохо в машинах, – это строгая регламентация и слишком быстрый темп жизни, достигаемый с их помощью. Больше в них нет ничего плохого, если только не запутаться в паутине самообмана, заблуждений и суеверий. Неужели не найдется способа совместить лучшие качества машин с достоинствами разума?

– Может, и найдется, – хмуро сказал Силанти. – Фирамтот говорил о том, что механический лев может возлечь рядом с мистическим ягненком. Но это в будущем. Сначала мы должны лучше узнать друг друга.

Карл кивнул.

– Думаю, на том и порешим, – ответил Фулсом.

– Никогда не забывайте, что мы на вашей стороне, – продолжил Силанти. – Мы будем наблюдать за возможными врагами, от которых вас не защитят хитрые машины. Никогда не забывайте, что даже эти враги могут стать друзьями, что для духа и любви не бывает непреодолимых барьеров.

Карл вспомнил черных паукообразных монстров из ущелья в межгалактической тьме и усомнился в его правоте.

Тут все пришло в движение. Геи обвила руками шею Грега, и их губы встретились в поцелуе.

– Разве любовь не чудесна? – заметил Такимори, обращаясь к Гальвесу, и в его словах содержалась лишь десятая доля шутки.

Это было сказано шепотом, но Геи отошла на шаг от Грега, улыбнулась Такимори и спросила:

– А разве не так?

Карло Бальдини взял Мики на руки. Тот не улыбнулся, а лишь сказал:

– Когда ты вернешься, я научу тебя, как повернуть время назад, чтобы молочный коктейль снова стал мороженым, молоком и сиропом по отдельности.

Бальдини скорчил смешную рожицу:

– Не уверен, что я хотел бы это знать, Мики. Но если ты хочешь, я попробую.

Силанти улыбнулся Фулсому и Карлу Фридриху:

– Наши мысли полетят вместе с вами.

Затем жители деревни направились обратно в джунгли, а их гости поднялись на борт «Крота», выходная площадка втянулась в трюм, и за ней закрылся люк.

Корабль отплывает в полночь¹⁴

Это рассказ о прекрасной женщине.

И о чудовище.

А еще о четверке глупых, эгоистичных, вообразивших, что постигают жизнь, обитателей планеты Земля. Эс считала себя художницей. Юджин занимался изучением атомов, сражаясь при этом сам с собой, а заодно и со всем миром. Луи – философствовал, а Ларри – это я – пытался писать книги...

Мы познакомились с Эллен душным августовским днем. Я прекрасно помню, когда это все начиналось, поскольку как раз в то время привычно сонная жизнь нашего городка на Среднем Западе была растревожена целой вереницей самых разнообразных пугающих событий. Такие события часто влекут за собой появление в газетах не совсем обычных статей – или же сами возникают вследствие публикации там сообщений о всякой невероятной всячине. Подчас совсем невозможно определить, как же обстоит дело в действительности. Кто-то из прохожих видел летящие в небе диски, сопровождаемые какими-то странными звуками. На факультете геологии местного колледжа пробовали разыскать следы метеорита. А один фермер, живущий по эту сторону заброшенных угольных ям, поднял шум из-за того, что какое-то существо, «большое и бесформенное», переполошило его курятник и напугало жену. Мужчины со всей округи даже вооружились дробовиками и группами прочесали всю местность – впрочем, без какого-либо результата. Но истории о «чудовище» остались жить в их памяти. В городе тоже не были в стороне от этих событий. Там воображение питалось рассказами о «грабителе-гипнотизере», вполне, правда, добродушном парне, который ослеплял своих жертв вспышкой каких-то невероятных огней и ночью после этого напевал перед их домами песни нежных сирен. Школьницы целую неделю вопили в два раза громче после наступления темноты, мужчины храбро расправляли плечи при виде незнакомцев, а женщины, погасив свет, выглядывали на улицу сквозь крошечные щелки в занавесках.

Луи, Эс и я зашли в библиотеку колледжа за Юджином и решили, что перекусим, прежде чем пойдем по домам.

Мы обсуждали местные страсти. Тогда интерес к ним начал постепенно стихать, но в разговоре леденящие душу намеки на нечто сверхъестественное охлаждают умы даже в самый жаркий и неподходящий для серьезных размышлений месяц года. Мы ввалились в единственный в нашем городе приличный ночной ресторан (впрочем, возможно, он потому нам так нравился, что туда ходили «дикие» студенты) – и там мы обнаружили, что у Бенни появилась новая официантка.

Она была красива, даже слишком непривычно красива для Бенни. Шапка светло-золотых кудряшек, прекрасное, аристократическое сложение (по жадному взгляду Эс я понял, что она уже видит, как станет ее лепить). А еще пара самых задумчивых и мягких в мире глаз.

Она подошла к нашему столику и молча ожидала, что мы закажем. Может быть, оттого, что ее красота потрясла нас, мы очень старательно разыгрывали наш любимый спектакль: «Интеллектуалы подробно и терпеливо разъясняют свои пожелания тупоголовому пролетарию». Она выслушала, кивнула и вскоре вернулась с нашими заказами.

Луи попросил только чашку черного кофе.

Она принесла ему еще половинку дыни.

Луи некоторое время внимательно рассматривал ее, затем удивленно хихикнул.

– Знаете, мне действительно хотелось дыни, – сказал он. – Но я даже и не подозревал об этом. Вы, наверное, сумели проникнуть в мое подсознание.

---

¹⁴ Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

– Подсознание? Что это? – спросила девушка низким красивым голосом с интонацией, чем-то напоминавшей то, как говорил Бенни.

Расправляясь со своей дыней, Луи пустился объяснять так, будто перед ним была ученица начальной школы.

Она не дослушала его до конца и спросила:

– А как вы его используете?

Луи, который отличался остроумием, отвечал:

– Не я его, а оно меня использует.

– Это так и должно быть?

Никто из нас не знал, как ответить на этот вопрос, и, поскольку в нашей компании я считался блестящим специалистом по общению с низшими классами, чтобы вывести нас всех из тупика, я спросил:

– Как вас зовут?

– Эллен, – ответила она мне.

– Вы уже давно здесь работаете?

– Да, несколько дней, – ответила она, отходя к стойке бара.

– А откуда вы?

Она развела руки в стороны:

– Ну... оттуда...

И в этот момент Юджин, любивший пошутить на фантастические темы, спросил:

– Может, вы прилетели на летающей тарелке?

Она оглянулась на него и сказала:

– Вы шутите.

И тем не менее она все время крутилась около нашего столика: то подсыпала сахар в сахарницу, то делала еще что-нибудь столь же несерьезное. А мы разговаривали о самых возвышенных и интеллектуальных вещах: каждый из нас с радостью плел паутину своих самых любимых рассуждений из наполовину недосказанных фраз, произнесенных на только нам понятном жаргоне. Мы очень даже чувствовали ее присутствие.

Когда мы уже уходили, случилось что-то необычное. В дверях мы все как по команде оглянулись. Эллен стояла за стойкой. И смотрела на нас. А глаза ее больше не были сонными и мечтательными, они сияли напряженным вниманием. Девушка улыбалась. Я касался локтем голой руки Эс – дверь была узкой – и вдруг почувствовал, как Эс вздрогнула. И через мгновение она вздрогнула еще: Юджин, стоявший рядом с ней с другой стороны, сжал ее другую руку, которую держал в своей (они были кем-то вроде любовников).

Несколько секунд все мы видели одну только Эллен. Затем она опустила глаза и стала вытирать тряпкой стойку бара.

По дороге домой мы вели себя непривычно тихо.

На следующий вечер мы снова отправились к Бенни – чуть раньше, чем накануне. Эллен там была, и была она так же прекрасна, как в наших воспоминаниях. Мы обменялись с ней еще несколькими короткими и шутливыми фразами, и голос ее уже совсем не напоминал голос Бенни. А еще мы устроили в ее честь настоящий интеллектуальный фейерверк. Перед уходом к стойке, где стояла Эллен, подошла Эс, и они о чем-то тихонько говорили. Выслушав Эс, Эллен кивнула.

– Ты что, просила ее позировать тебе? – спросил я Эс, когда мы вышли на улицу.

Она кивнула и прошептала с восторгом:

– У этой девушки самая великолепная фигура на свете!

– Не только на этом свете, но еще и на том, – ворчливо подтвердил Юджин.

– И совершенно потрясающей формы череп, – закончила свою мысль Эс.

Было нисколько не удивительно, что из всех нас именно Эс первая заговорила с Эллен. Как и все интеллектуалы, мы были людьми стеснительными и только и делали, что вечно возводили барьеры между собой и другими людьми. Мы упрямо хватались за юность и студенческую жизнь, хотя все, кроме Юджина, уже давно окончили колледж. Вместо того чтобы вступить в настоящую жизнь, мы существовали за счет наших родителей, делая время от времени разные несерьезные научные работы для того или иного преподавателя. У Эс, правда, было несколько частных учеников. Но при этом здесь, в нашем родном городке, мы занимали определенное положение. Нас считали ужасно умными и искушенными, чем-то вроде местной богемы, хотя, видит бог, мы были чем угодно, только не богемой. А ведь стоит нам уехать из города и попасть в реальную жизнь, и мы раз и навсегда затеряемся в толпе.

Знаете, если честно, мы боялись расстаться с нашим миром. Мы боялись, что все наши хваленые способности и проекты окажутся самым обычным мыльным пузырем. Что же касается серьезных достижений и успехов, у нас их просто не было. Эс была весьма средним скульптором; учиться у больших мастеров она не хотела, особенно у тех, кто еще жив, – боялась, что лишится таким образом своей (на мой взгляд, крошечной и неестественной) индивидуальности. Луи вовсе не был философом; он просто развивал в себе некий интеллектуальный энтузиазм по поводу мыслей и высказываний других людей, благодаря чему находился постоянно в состоянии лихорадочного и совершенно бесполезного возбуждения. Лично я защищался от жизни своими обширными познаниями и позой циника; я знал кучу разных разностей, я мог рассуждать на какую угодно тему, но еще и всегда мог доказать, что тратить на это силы не стоит. Что касается Юджина, он был лучшим – и одновременно самым дурным человеком среди нас. Немного моложе остальных, он все еще учился и добился определенных успехов в ядерной физике и математике. Но что-то – возможно, его маленький рост или пуританское воспитание, которое он получил на ферме своего отца, – делали его неуравновешенным и подверженным смене настроений. А еще он был склонен к грубостям и физическому насилию, что грозило ему рано или поздно крупными неприятностями. Его даже лишили водительских прав за слишком лихую езду, а нам порой приходилось вмешиваться, причем однажды неудачно, чтобы его не избили до полусмерти в каком-нибудь баре.

Мы много разговаривали о нашей «работе». На самом же деле гораздо больше, чем было необходимо, мы тратили время на чтение журналов и детективных историй, на безделье и спиртное, на бесконечные интеллектуальные разговоры и споры.

Если же у нас и были какие-либо достоинства, так это верность друг другу, хотя вовсе не надо быть циником, чтобы признать, что мы отчаянно нуждались в аудитории, коей друг для друга и являлись. И все же искренность в наших отношениях была.

Короче говоря, как и большинство людей на нашей планете, где мысль еще только начинает просыпаться и осознавать свою многовековую слепоту и скованность различными путами и где только теперь люди сумели хоть краешком глаза увидеть, какое потрясающее будущее их ждет, мы были ужасно трусливы и поверхностны, тщеславны и претенциозны, ленивы и эгоистичны.

Если учесть, как глубоко завязли мы в этом болоте, влияние, которое оказала на нас Эллен, было совершенно неожиданным. Прошел только месяц со дня нашего знакомства с ней, а наше отношение к миру вдруг смягчилось, нас стали по-настоящему интересоваться люди, а сами мы перестали их бояться, и к тому же мы начали заниматься настоящей творческой работой. Удивительные достоинства для никому не известной официантки?

И вовсе она не взяла нас в оборот и не показала нам пример – ничего в этом роде не было. Как раз наоборот. Мне кажется, за все время, что мы ее знали, Эллен не сказала и дюжины существенных вещей. Она скорее напоминала человека, ведущего телевизионные обсуждения литературных новинок; он никогда не высказывает своего мнения, зато очень умело заставляет других поделиться мыслями – такая интеллектуальная повитуха.

Ну, например, Луи, Юджин и я заходили в студию к Эс, когда Эллен одевалась за ширмой или пила кофе после сеанса позирования. Мы тут же начинали что-нибудь обсуждать, а Эллен, еще одна тень в старой комнате с огромными потолками, задумчиво слушала нас. А потом начинала задавать свои необычные, почти несерьезные вопросы, каждый из которых, однако, почему-то раскрывал перед нами новые горизонты мысли. И каждый раз, когда в баре «Голубая луна», или под институтскими кленами, или, скажем, наблюдая, как плещется вода в заброшенных угольных ямах, мы заканчивали нашу дискуссию, то обязательно приходили к какому-то серьезному выводу. Прежде мы прекращали свои рассуждения, устало пожимая плечами или цинично понося мир, а то и просто напиваясь в барах, когда было совершенно непонятно, что же надо делать. Теперь же у нас почему-то всегда был план: факты надо было проверить, что-то надо было написать, обдумать или попробовать.

А кроме того – люди! Смогли бы мы так приблизиться к людям, если бы не Эллен? Без нее старина Гас так и остался бы для нас древним подслеповатым мойщиком посуды в ресторане Бенни. А благодаря Эллен он стал для нас тем, чем на самом деле и был, – романтической фигурой, человеком, избороздившим семь морей, охотившимся за золотом в Ориноко, имевшим в качестве носильщиков двадцать женщин из индейских племен – ведь мужчины были слишком ленивы и горды, чтобы наниматься в услужение. Этот человек гордо возглавлял свой отряд амазонок, осторожно неся на руках только что рожденное одной из женщин дитя, – ведь единственное, что мужчине позволялось нести в руках без ущерба для своей репутации, – это маленький мальчик.

Даже Юджин немного смягчился в своем отношении к окружающему его миру. Я помню, когда два красавчика – водители грузовиков – попытались заигрывать с Эллен в «Голубой луне», Юджин моментально стиснул зубы, в глазах у него потемнело и он уже начал расправлять плечи, а я приготовился к скандалу. Но Эллен сказала словечко одним, другим, мягко рассмеялась и начала задавать свои вопросы. Через десять минут все успокоилось, и наша четверка узнала о вещах, о которых мы раньше и представления не имели: о темных шоссе, двигателях и гордых мрачных водителях, темпераментом так похожих на Юджина. Но особенно заметно было влияние Эллен на личность каждого из нас в отдельности. Скульптуры Эс получили совсем иной размах. Она забыла про свои любимые манерные мелочи и стала использовать в работе старые разумные методы. Очень быстро у нее появился новый стиль: с одной стороны, классический, а с другой – устремленный в будущее. Сейчас Эс становится известной, и работы ее хороши, но то волшебство, которым был наполнен ее «Элленический период», безвозвратно куда-то исчезло. Это очарование еще живо в тех вещах, которые она сделала тогда, – особенно в изображениях обнаженной Эллен, в работах, пронизанных безмятежностью и целеустремленностью лучших произведений Древнего Египта. Впрочем, было в них что-то еще, что очень трудно объяснить словами. Когда у нас на глазах бесформенный комок глины, подчиняясь рукам Эс, превращался в изображение Эллен, мы чувствовали, что каким-то необъяснимым образом Эллен вдруг превращается в Эс, а Эс – в Эллен. Их отношения были такими прекрасно-уточненными, что даже Юджину не к чему было придраться и найти повод для ревности.

В то же самое время Луи оставил свои дурацкие философские развлечения и нашел для себя поле деятельности, к которому он стремился всю жизнь, – соединение семантики и интроспективной психологии, занимался приведением в систему хаотического внутреннего мира человека и его жизненного опыта. И хотя его нынешние рассуждения уже лишены той блестящей легкости, которая была характерна для них, когда Эллен была рядом, он все равно упрямо продолжает заниматься своими изысканиями, которые в конечном счете могут привести к возникновению большого количества новых слов не только в области психологии, но и в самом английском языке.

Юджин же тогда еще не созрел для творческой работы, но из просто одаренного студента превратился, к огромному удивлению преподавателей, в очень трудоспособного блестящего будущего ученого. И даже, несмотря на тучи, омрачающие сейчас его жизнь и репутацию, он сумел найти себе достойное занятие и принимает участие в разработке какого-то серьезного проекта в ядерной физике. Что касается меня, я действительно начал писать. Этим все сказано.

Иногда мы пытались рассуждать о том, в чем же заключается секрет влияния на нас Эллен, хотя тогда мы ни в коей мере не считали все наши достижения ее заслугой. У нас была своего рода теория о том, что Эллен являлась совершенно «естественной» личностью, «благородным дикарем» (из кухни), неким мостом в мир простой реальности. Эс как-то сказала, что вряд ли детство Эллен омрачали фрейдистские мотивы; не знаю, правда, что именно она имела в виду. Луи говорил о невероятной храбрости Эллен, а Юджин – о том, какой замечательный эффект может иметь красота.

Интересно, что в наших разговорах мы никогда не касались того странного, как бы наэлектризовавшего нас всех мгновения в первый вечер, когда мы познакомились с Эллен, того необъяснимого чувства, которое заставило нас всех оглянуться в дверях ресторана. В этом вопросе мы все хранили какое-то непонятное молчание. И ни один из нас не высказывал вслух уверенности, что все наши социальные и психоаналитические теории и гроша ломаного не стоили, когда дело касалось Эллен, и что она обладала такой силой чувства и ума (главным образом скрытой), которая делала ее совершенно не похожей ни на одного жителя нашей планеты, что она скорее походила на существо из другого, более разумного и прекрасного мира.

В этой уверенности нет ничего необычного, если уж честно. Каждый, кто влюблен, считает свою возлюбленную существом из другого мира. А теперь я, пожалуй, смогу объяснить вам секрет воздействия Эллен на меня (но не на остальных). Все было очень просто. Я любил Эллен, и я знал, что она любит меня. Вот и все.

Это случилось почти месяц спустя после нашей первой встречи. Мы организовали небольшую вечеринку у Эс. Поскольку машина была только у меня, мне поручили встретить Эллен, когда она закончит работу у Бенни. По дороге мы проезжали дом, с которым у меня были связаны неприятные воспоминания. В этом доме жила девушка, в которую я был когда-то безумно влюблен и которая меня отвергла. (Нет, чтоб быть честным до конца, это я ее отверг, хотя и очень любил, отверг из какой-то трагической трусости, и воспоминание об этом до сих пор жжет мне сердце.) Должно быть, Эллен поняла что-то по выражению моего лица, потому что мягко сказала:

– В чем дело, Ларри?

А когда я не ответил на вопрос, она спросила:

– Это связано с девушкой?

Ее сочувствие было таким искренним, что я сломался и рассказал ей эту историю, сидя в припаркованной темной машине напротив дома Эс. Я пережил все снова, весь свой позор от начала до конца. Закончив рассказывать, я поднял голову. Свет уличного фонаря создавал бледный ореол вокруг головы Эллен, а еще он падал на белый ангорский свитер. Верхняя часть ее лица была в тени, освещены были лишь губы и узкий, как у лисички, подбородок.

– Бедняжка, – сказала она, и через секунду мы уже целовались, а внутри у меня расцветало чувство бесконечного облегчения, силы и отваги.

Чуть позднее она сказала мне то, что даже в тот момент показалось мне очень разумным.

– Пусть все останется между нами, Ларри, – сказала она. – Давай никому ничего не скажем. Ни полслова, ни намека, ладно? – Она помолчала, а потом добавила немного грустно: – Боюсь, что им это не понравится. Надеюсь, когда-нибудь потом, но не сейчас.

Я знал, что она имеет в виду. Юджин, и Луи, и даже Эс были самыми обычными людьми и совершенно неразумными в проявлении своей ревности. Известие о том, что у нас с Эллен

роман, бросило бы тень на нашу почти детскую дружбу. (Причем отношения Юджина и Эс несколько не вредили нашей дружбе. Эс была довольно-таки сдержанной и неуклюжей девушкой, и мы с Луи редко завидовали бедному, вечно недовольному жизнью Юджину.)

Поэтому, когда мы с Эллен влетели в квартиру Эс и слышали, как все поносят Бенни за то, что он заставляет Эллен так много работать, мы радостно согласились с ними, обозвав его небритой бессердечной скотиной, и через некоторое время наша вечеринка была уже в полном разгаре, мы все смеялись и что-то горячо обсуждали. И никто не мог догадаться, что в отношениях нашей четверки появилось нечто новое и весьма приятное.

После этого вечера моя жизнь совершенно изменилась. У меня была девушка. Эллен была для меня (почему бы не произнести вслух банальность, если это правда) богиней, но еще и искренней почитательницей, она была моей рабыней и госпожой, моим вдохновением и утешением, моим спасительным убежищем – о, я мог бы написать целые трактаты о том, чем Эллен была для меня. Наверное, я буду всю жизнь посвящать ей свои книги.

Я мог бы заполнить целые страницы описанием одного лишь мгновения, проведенного с Эллен. Я мог бы умереть, предаваясь горестным воспоминаниям о наших чувствах. Луч солнца, запутавшийся в ее волосах. Стук ее каблучков по асфальту. И свет, которым она наполняла мою убогую комнату. Неземное выражение ее лица во сне.

И еще я понимал, что любовь Эллен оказывает огромное влияние на мой ум. Мои мысли как бы освободились от своих пут и устремились в огромный космос. Вот я рядом с Эллен, наши руки едва касаются в темноте, а лунный свет, пробивающийся сквозь пыльное окно, чуть серебрит ее волосы. И вдруг мое сознание уносится куда-то в необъятную высь, мечется, как насекомое с радужными крылышками, и передо мной открываются миллионы сияющих миров. Я преодолевал вдруг все страшные неприступные преграды, существовавшие в сознании человека с пещерных времен.

А иногда вселенная превращалась в сказочную паутину, которую плетет Время. Я, конечно же, не мог всего этого видеть, никто не смог бы увидеть и миллионной доли, будь у него в запасе даже целая вечность, – но каким-то образом я пережил самые невероятные ощущения в своей жизни, воспоминание о которых останется со мной навсегда.

Время от времени холодная красота этих мгновений становилась невыносимой, и меня вдруг пронизывал необъяснимый ужас. Тогда окружающая меня реальность превращалась в кошмар, и я бы несколько не удивился, если б глаза Эллен вдруг засветились потусторонним светом, или ее волосы ожили и зашевелились наподобие змей, или если бы ее руки стали извиваться в неестественном танце, а прекрасная кожа ее лица вдруг исчезла, превратившись в нечто невозможно и необъяснимо отвратительное.

Потом это мгновенно проходило, и мои ощущения снова наполнялись очарованием, тем более сильным, чем страшнее был пережитый только что ужас.

Сознание мое снова дремлет, но я еще помню вкус внутренней свободы, которую дала мне любовь Эллен.

У вас может сложиться впечатление, что мы с Эллен проводили ужасно много времени наедине. Вовсе нет (как мы могли?) – мы же были членами нашей Компании. Но мы встречались достаточно часто. Эллен умела очень здорово все устроить. Ни у кого не возникало ни малейшего подозрения на наш счет.

Видит бог, мне никогда не хотелось признаться и рассказать Компании о нашей любви. Но я всегда вовремя вспоминал о предупреждении Эллен и понимал, что она совершенно права.

Давайте посмотрим правде в глаза. Мы все страшные собственники, к тому же страдающие огромным тщеславием. Как отдельные личности, мы нуждаемся во внимании. Мы делаем все, чтобы нами восхищались. Мы умираем или, наоборот, победоносно процветаем в зависи-

мости от того, обожают нас или мы просто вызываем симпатию. Мы слишком многого требуем от тех, кого любим. Мы хотим, чтобы они всегда тешили наше самолюбие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.